

ISSN 2524-0285

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

1 / 2016

Редакционная коллегия Серии Б: Гуманитарные науки

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Заместитель ответственного редактора – д. филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**

Члены редколлегии: д. филос. н., проф. **Т.А. Андреева**, д. филос. н., доц. **Е.В. Андриенко**, д. н. по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д. филол. н., проф. **Ш.Р. Басыров**, д. и. н., проф. **А.В. Бредихин**, д. пед. н., проф. **А.И. Дзундза**, д. филол. н., проф. **И.И. Дяговец**, д. филос. н., проф. **Н.Н. Емельянова**, д. пед. н., проф. **Е.Г. Евсеева**, д. филол. н., проф. **В.Д. Калиущенко**, д. и. н., проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **М.Г. Коляда**, д. филол. н., проф. **О.А. Кравченко**, д. филол. н., проф. **С.Е. Кремзикова**, д. и. н., проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследования, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. полит. н., проф. **Т.И. Мармазова**, д. филос. н., проф. **Д.Е. Муза**, д. и. н., проф. **В.Н. Никольский**, д. филол. н., проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д. филол. н., проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **П.В. Плотников**, д. пед. н., проф. **Е.И. Скафа**, д. филол. н., проф. **В.В. Федоров**, д. филол. н., проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д. и. н., доц. **Л.Г. Шепко**, д. филол. н., проф. **Л.Н. Ягупова**

Editorial Board of Series B: Humanities

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of History, Associate Prof. **V.V. Razumnyi**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of Philosophy, Associate Prof. **Ye.V. Andrienko**, Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzungza**, Doctor of Philology, Prof. **I.I. Dyagovets**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Prof. **T.I. Marmazova**, Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Philology, Professor **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of History, Associate Prof. **L.G. Shepko**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: terkulov@rambler.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Протокол № 5 от 29.04.2016 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2016

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 1/2016

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Бондаренко-Бринь В. В.* Роль национально-культурного стереотипа «дом» в формировании модели исторического времени в немецкой культурной картине мира 5
- Брысина Е. В., Супрун В. И.* Экспрессивный потенциал диалектного слова в художественном и публицистическом тексте: глагол *чиклять* 11
- Гусева А. С.* Лексико-семантические инновации в украинском языке (на базе Интернет-блогов) 22
- Керова Л. В.* Структурные особенности личных имён в английском и немецком именниках 27
- Когадеева А. А.* Лингвокультурологический аспект номинации астероидов в современных английском и русском языках 32
- Кравченко О. А., Мандрыко О. В.* Структура отзоонимных глаголов в английском языке в сопоставлении с немецким, испанским, русским и украинским языками 36
- Михальченко М. Н.* Аргументация оценки в публицистическом тексте 44
- Патроева Н. В.* Проект синтаксического словаря русской поэзии XVIII – первой половины XIX века: первые итоги 52
- Петрова Л. А., Просяная А. В.* Фрейм как единица лексикографического описания 56
- Руденко А. С.* Генезис и развитие испаноязычного автобиографического романа в составе метажанра 61
- Соснина Л. В.* Особенности семантического и синтаксического подхода к разграничению типов атрибутивных конструкций 67

Педагогика

- Конько Е. Ю.* Инновационные методы преподавания английского языка в высших учебных заведениях 74
- Мельникова Л. В. И. Ф. Гудзик* о языковой личности в контексте компетентностно ориентированного обучения русскому языку в школах Украины 80
- Сорокин А. А.* Проблемы внедрения гуманитарных технологий в условиях гуманизации высшего образования 86

История

<i>Кухтин М. М.</i> Геополитика первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.)	91
<i>Разумный В. В.</i> Изучение истории гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов в работах советских востоковедов	95
<i>Шабельников В. И.</i> Становление областного звена территориального устройства и управления в Украине (1932–1940 гг.)	100

Философия

<i>Брысина Т. Н.</i> Философская саморефлексия как способ бытия сознания	108
<i>Гильмутдинова Н. А.</i> Онтологические и экзистенциальные проблемы философской антропологии	116
<i>Отина А. Е.</i> Православие в диалоге христианских конфессий (концептосфера)	125
<i>Филиппов В. Л.</i> Глобальные трансформации личности в контексте классического психоанализа	129
Правила оформления статей	135

Bulletin of Donetsk National University

Series B. Humanities

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

№ 1/2016

CONTENTS

Philology

- Bondarenko-Brynn V. V.* Role of the national cultural concept «home» in shaping the model of historical time in the German cultural worldview 5
- Brisina Ye. V., Suprun V. I.* Expressive potential of dialectal words in fiction and publicistic texts: the Verb *чиклять* (*chikil'at'*) 11
- Gusieva A. S.* Lexical and semantic innovations in Ukrainian (based on the internet blogs) 22
- Kerova L. V.* Structural peculiarities of personal names in English and German 27
- Kogadyeyeva A. A.* Linguocultural aspect of nomination of asteroids in modern English and Russian 32
- Kravchenko O. A., Mandryko O. V.* Structure of verbs derived from zoonyms in English in comparison with German, Spanish, Russian and Ukrainian 36
- Mykhalchenko M. N.* Evaluative argumentation in journalistic text 44
- Patroyeva N. V.* Syntactic dictionary of Russian poetry of 18th – first half of 19th century: first results 52
- Petrova L. A., Prosiانا A. V.* Frame as a part of lexicographic description 56
- Rudenko A. S.* Genesis and development of Hispanic autobiographical novel as a part of metagenre 61
- Sosnina L. V.* Peculiarities of semantic and syntactical approach to attributive constructions differentiation 67

Pedagogy

- Konko Y. Y.* Innovative methods of teaching English at higher educational institutions 74
- Melnikova L. V.* I. F. Gudzik about the lingual personality in the context of competence-oriented teaching of the Russian language at schools in Ukraine 80
- Sorokin A. A.* Problems of humanitarian technologies introduction in the context of higher education humanization 86

History

- Kukhtin M. M.* Geopolitics of the First Punic War (264-241 BC) 91

<i>Razumnyi V V.</i> Study of history of Civil War in Lebanon 1975–1990 in the investigations of Soviet orientalists	95
<i>Shabelnikov V. I.</i> Creation of regional chain in territorial division and administration in Ukraine (1932–1940s)	100

Philosophy

<i>Brysina T. N.</i> Philosophical self-reflection as a way of mind's being	108
<i>Gilmudinova N. A.</i> Ontological and existential problems of philosophical anthropology	116
<i>Otina A. Ye.</i> Orthodox Christianity in the dialogue of Christian confessions (concepts)	125
<i>Filippov V. L.</i> Global transformations of personality in the context of classical psycho-analysis	129
Guidelines for authors	135

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 930.1:81'373.7:811.112.2

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СТЕРЕОТИПА «ДОМ» В ФОРМИРОВАНИИ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

© 2016. В. В. Бондаренко-Бринь

Статья посвящена изучению немецких национально-культурных стереотипов восприятия пространства и времени. Выявлены некоторые закономерности пространственно-временной структуры мира в немецкой ментальности. Особое внимание уделяется отождествлению исторического времени с домом.

Ключевые слова: историческое время, дом, мир, национально-культурный стереотип, ментальность.

В начале нового тысячелетия в ожидании грядущих перемен в различных сферах человеческой жизни во всём мире усиливается стремление человека к осмыслению себя в социально-историческом, геополитическом, научно-техническом и философско-культурном контекстах, возрастает интерес к проблемам времени и пространства.

Предметом данной статьи являются национально-культурные стереотипы восприятия пространства и времени, выявляемые и анализируемые на материале немецкой фразеологии, литературы и страноведения.

В результате анализа таких лингвистических и культурных компонентов, как “der Raum” («пространство»), “die Welt” («мир»), “die Luft” («воздух»), “der Wind” («ветер») и некоторых других, обнаруживается новый ментально-психологический конструкт – пространственный образ дома, выступающий моделью исторического времени в немецкой ментальности.

В зарубежной науке проблему исследования ментальностей начали разрабатывать преимущественно французские философы и культурологи (в частности, представители школы «Анналов» – Ж. Ле Гофф, М. Блок, Ф. Бродель, Л. Февр, Ж. Дюби, Ф. Арьес). Дальнейшее развитие данная проблема получила в трудах таких российских учёных, как Ю. М. Лотман, В.В. Иванов, В.Н. Топоров («школа семиотики»), А. Я. Гуревич, М. М. Бахтин, разрабатывавших её историографический и культурологический аспекты. Описание национальных образов мира, анализ некоторых национальных стереотипов восприятия действительности нашли отражение в работах Г. Д. Гачева и А. Вежицкой.

Вместе с тем национальные особенности восприятия пространства и времени как основополагающих категорий бытия (первичной мировой «системы координат») в большинстве случаев лишь косвенно попадали в поле исследования.

Актуальность данной статьи заключается в том, что исследуются категории пространства и времени с точки зрения сходства и различия в их национальном ментально-психологическом восприятии. Исследование проведено на обширном лингвистическом (этимология, фразеология), литературно-философском (беллетристика, философские труды) и страноведческом материале. Обнаружение специфических элементов в темпоральной и пространственной рефлексии может представлять ценность для разработки проблемы национальной идентичности в свете нарастающего процесса всемирной глобализации общества.

Цель исследования – показать некоторые закономерности пространственно-временной структуры мира в немецком космосе.

Специфической особенностью немецкой ментальности, свидетельствующей в пользу факта синкретичности пространства и времени в человеческом сознании, является *представление исторического времени в пространственном образе дома*. Известно, что изначально в немецком сознании установилась устойчивая ассоциация «мир – дом», которая становится ключом к возникновению следующей ассоциативной цепочки: «историческое время – дом». Во многих культурах своеобразной моделью мира выступает мировое древо, которое, как и дом, имеет вертикальную ось и ярусы, напоминающие этажи дома. Однако далеко не во всех культурах закрепились ассоциация мирового пространства с домом как местом проживания, материальным сооружением, имеющим стены, окна, двери и т.д. Уже в этимологии немецкого *der Raum* «(мировое) пространство» на первом месте стоит значение «пустое, незаполненное» („das Leere, Unausgefüllte“), вызывающее ассоциацию с некой формой, с чем-то, имеющим объём, и лишь затем следует значение «нечто протяжённое» („etwas Ausgedehntes“) [1, с. 654-655]. Для сравнения, в русском образе пространства больше акцентированы стороны, бока, то есть, как утверждает Г. Д. Гачев, «присутствует момент раздвижения, распаивания (не воз-движения: вертикаль в русском космосе выражена слабо)» [2, с. 174]. Слово *пространство* есть не что иное, как субстантивация глагола *протереть*. Последний, согласно трактовке М. Фасмера, имеет прямую связь со словом *сторона, простор*, поскольку составляет с ними однокоренной ряд [3, с. 79].

Толковый словарь немецкого языка серии Duden указывает ещё и на такое значение немецкого существительного *der Raum*, как «помещение» (ср. “unsere Wohnung hat drei Räume“ – «наша квартира состоит из трёх комнат»; “Sonne erfüllt den ganzen Raum” – «солнце заполняет всё помещение») [4, с. 2104-2105].

Исследователи Г. Альтхаус и П. Мог, занимающиеся изучением пространственных моделей у немцев, выдвигают гипотезу о том, что восприятие пространства как помещения, дома, микромира в немецкой ментальности могло формироваться под воздействием географического, социально-исторического и политического факторов. При этом они ссылаются на такой достоверный исторический факт, как территориальная раздробленность Германии XVIII века: известно, что на тот момент страна объединяла свыше 300 мелких княжеств. С точки зрения исследователей, это повлияло не только на социальную, политическую и религиозную жизнь страны, но и в значительной мере изменило внутреннее ощущение мира и пространства у немцев: «Horizont und Weltorientierung vieler Menschen blieben von ihrer kleinräumigen Lebenswelt bestimmt und waren nicht gesamtheitlich oder gar überstaatlich-national geprägt» – «кругозор и ориентация в мире большинства людей по-прежнему оставались обусловленными существованием в пространственно малых жизненных территориях и не были отмечены единством или даже надгосударственной общенациональной целостностью» (перевод наш – Б.-Б.) [5, с. 46]. В результате каждая земля стала восприниматься населяющими её гражданами как некий микромир со своими уникальными религиозными, социальными и – шире – культурными составляющими, отличающими данное княжество от других подобных земель. Данная ситуация зафиксирована и в немецкой литературе: ср. микрокняжества у Э. Т. А. Гофмана («Крошка Цахес», «Житейские воззрения кота Мурра»); южные диалекты в творчестве Г. Гауптмана (драмы «Ткачи», «Перед заходом солнца», комедия «Бобровая шуба»); Т. Фонтане («Путешествие по Марке Бранденбург») и многие другие.

Примечательны также выдержки из романа Т. Манна «Будденброки», в которых Тони, жительница северных немецких земель, критикует мюнхенскую кухню и тем

самым подчёркивает, насколько ей чужд уклад жизни «южан»: «Да, Мюнхен мне очень, очень нравится, ... но вот к здешней кухне никак не могу привыкнуть. Слишком мало овощей и очень уж много мучного. Соуса такие, что не приведи бог! Мне очень недостаёт рыбы. И потом, что ни говори, это безумие – с утра до вечера есть салат – картофель с огурцами – и запивать его пивом» [6, с. 275]. Ментальные отличия немцев-северян и немцев-южан столь велики, что земля (в смысле административно-территориальной, федеративной единицы) воспринимается героиней как «чужая страна»: “Überhaupt muß man ja an mancherlei sich erst gewöhnen, könnt Ihr Euch denken, man befindet sich eben in einem fremden Lande. Die ungewohnte Münze, ... und dann ist da der Katholizismus“ [7, с. 307-308] – «конечно, вы сами понимаете, что ко многому надо сначала привыкнуть, когда находишься *в чужой стране* (и это говорит представитель севера Германии о Баварии!). Другая монета; ... и вдобавок ещё католицизм» [6, с. 275].

В этом же произведении встречаются комментарии Т. Манна относительно границ и таможен: «А при наличии таможенного союза для нас откроются Мекленбург и Шлезвиг-Гольштейн» [6, с. 162]. «Запомните, Грюнлих, – сказал консул, – новые кружева лежат в маленькой сумке, с самого верха. Подъезжая к Гамбургу, спрячьте их под пальто, понятно? Эти таможенные пошлины ... по возможности надо стараться обходить их» [7, с. 162].

Таким образом, у немцев XIX века не возникало ощущения единого государственного пространства. Территория Германии представляла своего рода группу минипространств. Движение по стране было сопряжено с частым преодолением таможенных границ между землями и вследствие этого приобретало такое качество, как импульсивность, неравномерность, прерывистость. Не исключено, что подобная пространственная дискретность сказалась и на временном ощущении немцев: вместо «беспреданно» текущей субстанции здесь присутствуют словно составленные в цепочку временные отрезки (ср. *Zeitraum, Zeitabschnitt*).

Связь мирового пространства с образом дома в немецкой ментальности демонстрируют такие уникальные идиомы, как:

- *da (hier) ist die Welt mit Brettern vernagelt* – букв. «здесь мир заколочен досками», русск. эквивалент – «дорога кончается, дальше тупик»;
- *die Welt ist (wohl) nicht mit Brettern vernagelt* – букв. «мир же не заколочен досками», русск. эквивалент – «на этом же жизнь не кончается», «свет клином не сошёлся»;
- *jemand reißt nicht die Welt ein* – букв. «никому не дано разломать мир»;
- *die Welt aus den Angeln heben wollen* – букв. «пытаться мир снять с петель», то есть «нарушить устойчивый порядок вещей».

В данных фразеологизмах отражён практицизм немцев, попытка вписать абстрактное в рамки мыслимого, конкретного, а значит упрощённого. Расплывчатое понятие «мир», каким оно, например, остаётся в русской ментальности, приобретает у немцев форму вполне узнаваемого сооружения (здания, дома и др.). Тут присутствуют «доски» – “Bretter”; «гвозди» – “Nägel”; «дверные петли» – “Angeln”.

По логике вещей, верхние «этажи» германского «мирового дома» должно оформлять «небо» (*der Himmel*). И действительно, данное допущение находит подтверждение в этимологии немецкого *die Luft* («воздух»), которое в прагерманском языке по своей семантической структуре было идентично германскому слову, означающему “Boden[raum]”, “Dachstube” (чердачное помещение); также средневерхнегерманское “lucht” – “Bodenraum, oberes Stockwerk” (верхний этаж, ярус).

Мировое пространство в германском представлении оказывается вытянутым вверх подобно конструкции дома: оно также состоит из «этажей» (ярусов), имеет свои «окна» и «двери», свой «чердак». Многочисленные формы обращения к «верху» в

немецкой фразеологии только усиливают эту вертикаль (ср. идиомы: *Himmel noch (ein)mal!* – выражение недовольства, нетерпения: *Gospodi, bože moji!*; *ach, du lieber Himmel!* – удивление, испуг: *Gospodi, ty, bože moji!*; *Himmel und Hölle!* – *Проклятье!*, *Чёрт возьми!* и многие другие). Данный факт «вытягивания» жизненного пространства вверх может быть ментально объяснён попыткой восполнения недостаточной плоскости латерального и трансверсального пространства (малая территория Германии) его вертикальной осью.

Обращение к богам – обитателям горних сфер – существует во многих культурах. Однако у немцев это обращение к вполне определённой локусу – небу: германский Вседержитель – это «небесный» Господь. При этом в высказывании образуется некоторая смысловая избыточность (избыточность средств выражения), поскольку взывание к Богу заведомо адресует к высшим сферам, символом которых и является небесный свод. Так, немецкие идиомы *Himmel noch (ein)mal!* или *ach, du lieber Himmel!* и подобные дословно переводятся на русский как *Небо ещё раз!*, *О, милое небо!*. Для представителя славянской, в том числе русской культуры использование слова «небо» для выражения удивления, испуга, нетерпения является нетипичным и указывает, скорее, на возвышенный стиль высказывания. Выражения *О, небо!*, *О, всемогущее небо!* и другие подобные вариации проникают в русскую словесность и язык общения не в последнюю очередь благодаря заимствованиям из немецкой литературы (из произведений И. В. Гёте, Ф. Шиллера, Ф. Новалиса).

Вырисовывающуюся, таким образом, модель мира-здания (мира как здания), материального сооружения дополняет и тем самым подкрепляет этимологический анализ немецкого понятия “*die Welt*” («мир»). Так, первый слог шведского *värld* («мир») – *vär* соответствует германскому *Mann, Mensch*. Вторая часть того же слова, которая в древнеисландском звучит как *old*, в готском *alds*, означает «поколение, человечество, время» [8, с. 922]. В русском *мир* означает „универсум”, а *мирь* – есть „общность людей” (ср. «Война и мирь» Л.Н. Толстого, т.е. «война и люди»). Немецкое *die Welt*, таким образом, составлено из двух основ – *Mensch + Alter* – «человек + возраст, время». Это позволяет сделать вывод о том, что мир изначально представлялся немцам в виде совокупности людей, живущих и творящих в определённом временном промежутке (*Menschenalter* – «человеческий век, поколение»). Каждая смена поколений естественным образом обуславливает изменения в мире. Людской век является здесь своего рода константой – это промежуток времени, приблизительно равный 100 годам. Каждые 100 лет – это некая новая ступенька. «Ступенчатообразное» течение времени и сходное с ним этапное духовное развитие человечества реализуется в модели лестницы. На символическом же уровне лестница выступает как прототип мирового древа (диахронно-синхронической аспект).

Так, на примере этимологического анализа понятий «(мировое) пространство» (*der Raum*), «небо» (*der Himmel*), «воздух» (*die Luft*), «мир» (*die Welt*) и их коннотационных полей во фразеологии становится очевидной устойчивая ассоциативная связь мира с домом, зданием в немецкой картине мира.

Ментальный архетип дома позднее лёг также и в основу восприятия немцами исторического времени. Последнее впервые обретает образ, напоминающий виртуальный дом, в конце XVIII века в гегелевской философии истории, где всемирная история творится и управляется «Мировым разумом» (*Weltvernunft*) [9, с. 3-104]. Учение Гегеля о разумной направленности всемирно-исторического процесса должно было придать человеку новое чувство уверенности, говоря словами М. Бубера, «приготовить ему новый *космический дом*» [10, с. 57]. Причём Бубер акцентирует факт необходимости

для человека в принципе иметь такой «дом», если не в пространстве, то во времени. «Уверенной поступью, будто переходя с этажа на этаж и из комнаты в комнату этого надёжно сложенного дома с прочным фундаментом, стенами и кровлей, передвигается всезнающий человек Гегеля и внутри мирового дома истории, смысл которой ему вполне известен» [10, с. 57]. Однако Бубер выказывает и серьёзную критику в адрес гегелевского «исторического дома»: «мировой дом Гегеля восхитителен, в нём всё можно объяснить, ему можно подражать, но как жильё он не годится» [10, с. 58]. Умозрительный образ мира-дома, основанный на времени, полагает Бубер, «никогда не даст человеку того чувства уверенности, как выстроенный в пространстве» [10, с. 58].

Размышляя на тему «исторического дома» Гегеля, М. Бубер и сам непроизвольно вплетает в свои рассуждения об историческом времени архетип дома: «в истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behaustheit) и бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живёт во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти. В первую эпоху антропологическая мысль – лишь часть космологии, в другую приобретает особую глубину» [10, с. 40-41]. Данный отрывок из трактата М. Бубера лишней раз свидетельствует в пользу глубокой укоренённости архетипа дома в немецкой ментальности, который, как явствует из приведённых выше наблюдений, распространяется не только на пространственный аспект, но и на временной. Исследование национально-культурных стереотипов восприятия пространства и времени открывает широкое поле для их дальнейшего многоаспектного изучения с привлечением наработок в области культурологи, философии языка, когнитивной лингвистики и иных новейших гуманитарных методологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Raum // Duden: Das Standardwerk zur deutschen Sprache: In 10 Bd. / Red.: G. Drosdowski. — Mannheim/Wien/Zürich: Duden Verlag, 1991. — Bd.7. — Etymologie : Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. — S. 654–655.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. — М. : Сов. писатель, 1992. — 512 с.
3. Простереть // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 3. — С. 79.
4. Raum // Duden: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 6 Bd. — Duden Verlag, 1971. — Bd. 5. — S. 2104–2105.
5. Mog P., Althaus H.J. Aspekte deutscher Raumerfahrung // Die Deutschen in Ihrer Welt. — B.-W.-Z.-New-York, 1992. — S. 46.
6. Манн Т. Будденброки / Т. Манн. — М. : Худож. литература, 1969. — 654 с.
7. Mann, Thomas, Buddenbrooks: Verfall einer Familie // Thomas Mann : Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. — Frankfurt am Main : Fischer. 2. durchges. Aufl., 1974. — S. 307—308.
8. Welt // Duden: Das Standardwerk zur deutschen Sprache: In 10 Bd./ Red.: G. Drosdowski. — Mannheim/Wien/Zürich: Duden Verlag, 1991. — Bd.7. — Etymologie : Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. — S. 922.
9. Гегель Ф. Введение // Гегель Ф. Сочинения / Ф. Гегель : Пер. с нем. — М.-Л. : Соцэкгиз, 1935. — Т. 8: Философия истории. — С. 3–104.
10. Бубер М. Проблема человека. К всемирному философскому конгрессу / М. Бубер ; Тех. ред. Н. И. Романова. — М. : Специализированная информация по общеакадемич. программе: «Человек, наука, общество: комплексные исследования», 1992. — 232 с.

Поступила в редакцию 19.02.2014 г.

**ROLE OF THE NATIONAL CULTURAL CONCEPT «HOME» IN SHAPING THE MODEL
OF HISTORICAL TIME IN THE GERMAN CULTURAL WORLDVIEW**

Bondarenko-Brynn V. V.

The article is deals with the analysis of the German national cultural concept of space and time perception. Some trends of the space-time world structure have been displayed in German mentality. Special attention has been paid to the association of historical time with home.

Key words: historical time, home, world, national cultural concept, mentality.

Бондаренко-Бринь Виктория Викторовна

Кандидат философских наук, доцент.

Донецкий национальный университет.

Bondarenko-Brin Viktoria Viktorovna

Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Donetsk National University.

e-mail: vika.brynn@gmail.com

УДК 81'282+821.161.1

**ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ГЛАГОЛ ЧИКИЛЯТЬ**

© 2016. *Е. В. Брысина, В. И. Супрун*

В статье рассматривается экспрессивно окрашенный глагол *чикилять*, широко используемый в современной русской и русскоязычной художественной и публицистической литературе. Он был образован по модели *ковылять* от тюркского корня *чик-/чек-* 'идти, двигаться', но получил в народной речи значения 'хромать', 'прыгать на одной ноге'. В последующем произошло расширение значения, глагол стал экспрессивным синонимом лексем *идти, ходить*. О широком распространении экспрессивного глагола и его дериватов свидетельствуют примеры из художественной и публицистической литературы, отражающие словоупотребление авторов, проживающих от Владивостока до Санкт-Петербурга, от Урала до Киргизии.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная лексика, разговорная речь, просторечье, художественный текст, экспрессивная лексема, дериват.

Разговорная речь и в особенности просторечье постоянно нуждаются в обновлении экспрессивных средств. Прежние эмоционально-оценочные единицы в них постепенно утрачивают своя яркость, нейтрализуются, а без экспрессии разговорно-просторечная коммуникация не может осуществляться, в ней всё нацелено на эмоции, положительную или отрицательную оценку, речевой конфликт и его разрешение.

Для пополнения экспрессивных коммуникативных средств носители языка обращаются к разным источникам: использованию богатого потенциала внутриязыковой деривации, фонетическим и грамматическим преобразованиям слов, заимствованию из соседних и далёких языков. В значительной степени способствует пополнению запаса экспрессивных единиц в бытовой коммуникации диалектная речь, которая уже своим деревенско-крестьянским происхождением придаёт особый эмоциональный контекст повествованию, сельский колорит, включает в нём регистр простонародности.

Среди экспрессивных глаголов, активно набирающих употребление в художественных и публицистических текстах, отмечен *чикилять* с производными. Судя по использованию этого глагола в художественной и мемуарной литературе, в СМИ, он отмечен у писателей, журналистов и мемуаристов, проживающих практически на всей территории России и в русскоязычном зарубежье. Тем удивительнее, что этот глагол слабо представлен в словарях русских диалектов. В словаре В. Даля встречаются только две близкие по образованию и значению лексемы: глагол *чикилда'ть* с пометой *zap.* в значении 'хромать' и имя существительное *чикилда'* (без указания места) 'колча, хромой' [Даль/IV, стлб. 694]. В статье *ко'лча* (от пск. глагола *ко'лтатъ* 'ковылять, хромать') поясняется, что так называют хромого, «особенно если одна нога короче или ступня выворочена, или берца кривы, ноги колесом либо хером; кто ходит вперевалку, ковыляет» [Даль/II, стлб. 143].

По поводу пометы *zand.* В. И. Даль пишет в «Напутном слове»: «западное, смоленское, от Белой Руси, идущей полосой по ляшским пределам, до столкновения с Малою Русью» [Даль/I, стлб. XXIX]. И действительно, это слово мы обнаруживаем в белорусских говорах: *čykilda* 'хромой человек', *čykildac* 'идти, хромая' в Логойском районе около Минска [Varlyha 1970, с. 31] и *чыкілдаць* 'идти, хромая' в Гродненской

области [Цыхун 1993, с. 164]. Вариант этого глагола *чикилити* отмечен в украинском фольклоре. В шутовой песне, записанной в 1954 году в селе Удевка Менского района Черниговской области (ныне в списках населённых пунктов не фиксируется), поётся: *Чикилю, чикилю та біля дороги, що в мого Йванка да кривії ноги*. О том, что в данном случае речь идёт о хромоногом человеке, свидетельствует ответный куплет: *Дайте ціпочка опиратися, Піду до дівчини женихатися* [Жартівливі, с. 410]. В словарях украинских говоров эта лексема не обнаружена.

В донских казачьих говорах широко употребляется глагол *чикиля'ть*. Он включён в третий том «Казачьего словаря-справочника (The Cossack Dictionary)», изданного А. И. Скрыловым и Г. В. Губаревым в Сан-Ансельмо (Калифорния, США) и переизданного репринтным способом в 1992 году в Москве, с дефиницией ‘хромать, прихрамывать’ [КСС/3]. В Словаре донских говоров Волгоградской области [СДГВО] и Большом толковом словаре донского казачества [БТСДК] приведены следующие значения глагола:¹

1. ‘Идти, хромая; хромать’. *Чикиляить – храмаить или с кастыльём ходить* (Ман.). *Ногу напарол, типерь чикиляю. Чавой-т чикиляии, никак ногу разрезал?* (Масл.). *Ана так и чикиляить* (Н-ан.). *Чикилять – у няво с нагой ни ф парятки* (Крас.). *Салдат идёт и чикиляить* (Ман.). *Мой дет сроду чикилял, а быстрой иво никто ни хадил* (Карг.) *На гвость наступил и чикиляить* (Тац.) Бкн., Кл.-П., Нех., Н-цар., Прб., Прлз., Рдч., Фрл., Чрк. // ‘Идти на одной ноге (об хромоногом человеке). *На адной наге ходить, гаварять: зачикилял, чикиляить* (Ман.).

2. ‘Идти медленно, с трудом’. *Долга ты чикилять будиши на дароги?* (Сир.). *Куды чикиляии?* (Н-ан.). Крас.

3. ‘Прыгать на одной ноге’. *Чикилять – эта прыгать на адной наге* (Н-а.). *Чикиляить – на адной наге прыгаить* (Н-цар.). *Дети играють, чикиляють* (Ман.). *Разныи игры были: лапта, выбиушы, класики – на адной наге чикилять* (Б.Мел.). *Киниши валинак и чикиляии на адной наге* (Клет.). *Будя чикилять, пасиди. Твая очирить чикилять* (игра в классики) (Масл.). *Ана целый день чикилять можыть* (Зем.). *Дети прыгають на одной ношки, эта ани чикиляють* (Бок.). Баг., Веш., Нех., Сув., У-Хоп.

4. ‘Бросать камешек в игре в *чикильду'шки*’. Лук.

Первое (‘хромать’) и третье (‘прыгать на одной ноге’) значения глагола *чикилять* зафиксированы в словаре А. В. Миртова [Миртов 1929, с. 358]. Именно эти значения способствовали образованию в донском диалекте новых диалектных единиц: в донских говорах образованы префиксальные глаголы совершенного вида *дочикиля'ть*, *зачикиля'ть*, *прочикиля'ть*, имеющие по два значения:

дочикиля'ть 1) ‘дойти с трудом, дохромать’. *Ели дачикиляла старушка* (Крас.). *Пака я дачикиляла, магазин и закрылси* (Нех.). *Ноги у мене бальныи, ели да дома дачикиляла* (Прб.). *Ты бяги быстрой, а то я пака дачикиляю* (Сол.); 2) ‘допрыгать на одной ноге’. *Дачикилять – дапрыгать на адной наге куда-та* (Орл.). Ет.;

зачикиля'ть 1) ‘пойти, прихрамывая; заковылять, захромать’. *Он упал и зачикилял да самава дома* (Прлз.). *Ногу адбили сабачёнки, вот ана и зачикиляла* (У-Быстр.) Веш. Марк. // Об хромоногом человеке. *На аднойнаге ходить, гаварять: зачикилял* (Ман.); 2) ‘начать прыгать, запрыгать на одной ноге’. *Зачикилял на адной наге* (Масл.). *Вот я и зачикиляла* (У-Хоп.). Клет.;

прочикиля'ть 1) ‘пройти, прихрамывая; проковылять’. Бкн., Кл.-П., Н-цар., Прб., Прлз., Рдч., Чрк.; 2) ‘прыгать некоторое время на одной ноге’. Ет., Н-а., Нех., Раз., Сув., У-Хоп.

¹ Сокращённые наименования населённых пунктов см.: БТСДК – С. 15-18; СДГВО – С. 693-695; примеры из БТСДК добавлены в словарную статью СДГВО).

Приставки придают мотивирующему глаголу дополнительную семантику. При помощи приставки *до-* глагол получает значение ‘действие, названное мотивирующим глаголом, довести до конца или до какого-л. предела’; при присоединении префикса *за-* – ‘начать действие, вызванное мотивирующим глаголом’; при помощи *про-* – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, а) направить мимо чего-нибудь или б) совершить в течение какого-либо времени (чаще – длительного)’ [РГ-80, с. 359, с. 360, с. 369].

Кроме того, в донских говорах представлены глаголы-дериваты от *чикилять* зафиксированные в значении, связанном только с хромотой человека (*вы'чикилять* – сов., *почикиля'ть* – сов., *прички'ливать* – несов., *причкиля'ть* – сов.):

вы'чикилять ‘выйти, хромая’. *Вот и бабаня вычкилила* (Кл.-П.). Раз., Чрк.;

почикиля'ть ‘пойти, хромая, медленно, с трудом; похромать’. *О, пачикилял, ели идёть* (Чрк.). *Он пачикилял дамой* (Н-др.). *Вон он пачикилял с кастыликам* (Кл.-П.). *Вон пачикиляла банка* (Орл.). Раз.;

прички'ливать ‘слегка хромать, прихрамывать’. Ет., Раз.

причкиля'ть ‘прийти, хромая, с трудом передвигаясь’. Ет., Раз.

Каждая из данных приставок также придаёт дополнительную семантику значению глагола: префикс *вы-* – ‘направиться наружу’, *по-* – ‘начать действие’, *при-* – ‘достигнуть какого-н. места’. Глагол *причкиливать*, образованный префиксально-суффиксальным способом (*при-* и *-ива-*) имеет значение ‘с небольшой интенсивностью совершать действие, вызванное мотивирующим глаголом’ [РГ-80, с. 358, с. 366-367, с. 382].

Функционирование на Дону глаголов с корнем *чикил-* в значении ‘хромать’ послужило основанием для образования номинаций хромого человека. На территории верховых донских говоров такого человека называют *чикиля'й* (*Он з децтва чикиляй, храмаить* – Н.Чир., Прст.), что отмечает в своем словаре и А. В. Миртов [Миртов 1929, с. 358]. В ростовских донских говорах употребляется прилагательное *чикиля'вый* (*Вот сасет у мене чикилявый саўсем* – Рзд.) [БТСДК, с. 579].

Лексему *чикиля'й* А. В. Миртов записал в станице Вёшенской Ростовской области. Говор Вёшенской ближе казачьим говорам Волгоградской области, с которыми он граничит, в этой станице представлен говор верховых казаков. Большая же часть диалектов Ростовской области относится преимущественно к низовым (*донецкий, низовые* говоры и *смешанные* говоры [Миртов 1926, с. 15-21]). Говоры Волгоградской области – в основном верховые (*верховый* и *средне-донской* говор [Миртов 1926, с. 12-13]).

На территории Ростовской области бытует междометие *чики'ль*, которое описывает передвижения прихрамывающего человека: *Кривыляить на двару – чикиль-чикиль* (Прм.) [БТСДК, с. 579]. В белорусских говорах отмечено существительное *čukil*, так называют маленьких детей: *Čati vu, čukili, ni špicio* [Varlyha 1970, с. 31].

Некоторые дериваты от глагола *чикиля'ть* имеют значения, связанные только с прыжками. Глагол совершенного вида *чикильну'ть* ‘сделать прыжок, прыгнуть на одной ноге’ образован с помощью суффикса *-ну-*, придающего деривату значение ‘однократно совершить действие, вызванное мотивирующим глаголом’ [РГ-80, с. 347–348]. *Вот эт он чикильнул, высако как* (Орл.). Раз.

На территории волгоградских казачьих говоров имеется четыре наименования детской игры, при которой участники рисуют на земле квадраты и затем, бросая камешек, кусочек стекла или другие небольшие предметы, прыгают поочередно по этим квадратам, проталкивая камешек по ним, стараясь при этом не наступить на разделительные линии. В литературном языке эта игра носит название *классы* [БТС: 431] или *классики* [Ефремова/1, с. 969]:

чикильда': *Пайдём, ф чикильду паиграим* (Серг.). *Ф чикильду: делали эти, ну как*

их, клетки, и прыгали (Мох.). Чикильда – эт класики, децкая игра (Глш.). Ф чикильду играли: брасали склянку и прыгали: рас, рас, рас (Орл.);

чикильду'шки (только мн.): Рисуют, брасают склянки и прыгают на одной наге – эта чикильдушки (Нех.). Чикильдушки? Рисуют и играют, брасают какую-нибудь склянку (Нех.). Ф чикильдушки хош? (Масл.). Помниш, у двара ф чикильдушки играли? (Масл.);

чикальду'шки: (только мн.). Чикальдушки – игра, чикальдушки рисавали и чикиляли, но штоп на чарту ни наступит (Алк.). Ф чикальдушки играли (Алк.);

чкиля'шки (только мн.). Чикиляшки – игра: на зимле чиртились клетки и на ним прыгали. Давай ф чикиляшки играть (У-Бзл.). Давай ф чикиляшки паиграим (Зем.).

У названий игр имеются ареалы употребления: чикильда – в Даниловском Михайловском районах, чикильдушки – в Нехаевском и Урюпинском районах, чакалдушки и чикиляшки – в Алексеевском районе.

Вторым регионом, в котором зафиксирован глагол чикилять, является Красноярский край, в «Словаре русских говоров южных районов Красноярского края» он отмечен в трёх фонетических вариантах:

ЧАКИЛЯТЬ, несов., неперех.; экспр. 1. Идти. Ср.: ЧИКИЛЯТЬ в 1 знач. – *Вон, чакиляет. Выспался, а мы ждём.* Аб.: Абан. 2. Хромать. Ср.: ЧИКИЛЯТЬ во 2 знач. – *Ноги-то уже болят, так и чакиляю.* Аб.: Быс. [СРГЮРКК, с. 92];

ЧИКИЛЯТЬ, несов., неперех.; экспр. 1. Хромать. Ср.: ЧАКИЛЯТЬ во 2 знач., ЧУКИЛЯТЬ. – *Упала мать-то на ногу, вот теперь и чикилят.* Аб.: Тур. 2. Идти. Ср.: ЧАКИЛЯТЬ в 1 знач. – *Вон чикиляют опеть эти гости.* Нз.: Пав. [СРГЮРКК, с. 113];

ЧУКИЛЯТЬ, несов., неперех. Идти. Ср.: ЧАКИЛЯТЬ в 1 знач., ЧИКИЛЯТЬ в 1 знач. – *К старости-то уж не ходишь, а чукиляшь. Ноги-то как брёвна стали. От и хромашь.* Ем.: Емел. [СРГЮРКК, с. 120].

В 1-46 выпусках «Словаря русских народных говоров» не представлено ни одного приставочного глагола с корнем чикил-, нет глаголов *вычикилять, дочикилять, зачикилять, почилять, причикиливать, причикилять, прочикилять*, бытующих в донских говорах [СРНГ]. В Инверсионном индексе к словарю русских народных говоров указаны лексемы *чкиляй, чикилять* [ИИ, с. 242, с. 503]. Можно предположить, что материал взят из Донского словаря А. В. Миртова, где зафиксированы именно эти диалектные единицы, другие бесприставочные образования в этом индексе, как и у А. В. Миртова, отсутствуют.

Отметим, что в «Словаре говора казаков-некрасовцев» О. К. Сердюковой не представлена ни одна из лексем, зафиксированная в БТСДК и СДГВО [Сердюкова 2005]. Казаки-некрасовцы были выходцами из станиц и хуторов Среднего и Верхнего Дона (станции Нижнечирская, Есауловская, Голубинская, Пятиизбянская, а также станции и хутора, расположенные по притокам Дона – Чиру, Хопру, Медведице [Сердюкова 1969, с. 6]) – той территории, которая впоследствии в большей своей части вошла в состав Второго Донского округа бывшей Области Войска Донского [Орлов, с. 87-88 Кудряшова, с. 9-15], где в настоящее время представлена группа чирских донских говоров [Орлов, с. 87-91; Кудряшова, с. 15-16]). Несмотря на почти 250-летний отрыв от родных мест, некрасовцы, живя в иноязычном окружении, изолированно, сумели сохранить свой родной говор. Однако в словаре О. К. Сердюковой отсутствуют диалектные единицы с корнем *чикил-*, хотя в донских волгоградских говорах они широко представлены и активны в употреблении (в СДВГО приведены примеры, записанные в станице Суворовской, хуторе Ближнемельничном Суровикинского района, входивших ранее во Второй Донской округ [СДГВО, с. 656]). Возможно, эти слова

были утрачены в некрасовском говоре или остались незафиксированными.

Происхождение глагола *чикилять* затемнено. М. Фасмер предполагает, что *чикилять* ‘хромать’ и *чикиляй* ‘хромой человек’, возможно, возникли из *чи* ‘ли, или’ и **кыл* ‘хромой’, родственного *кулявий* ‘хромой’, *культя* [Фасмер/4, с. 361]. А. В. Миртов связывает происхождение глагола с татарским *текяння* ‘хромать’ [Миртов 1929, с. 358]. Думается, что обе этимологии недостаточно убедительны: первая – с точки зрения словообразования, вторая – на фонетических основаниях, а также в связи с отсутствием данной единицы в татарском языке; возможно, А. В. Миртов обнаружил её в одном из говоров, в литературном татарском языке в значении ‘хромать’ используются глаголы *аксаклау* и *чатанлау* [ТтРС].

Между тем во многих тюркских языках имеются слова с семантикой движения, которые могли быть заимствованы донскими казаками и жителями Южной Сибири, контактирующими с носителями тюркских языков. В турецком языке отмечены глаголы *çekilmek* ‘уходить, отходить’, *çekmek* ‘тянуть, тащить’, *çikmak* ‘перейти’, существительные *çikiş* и *çikma* ‘выход’ [ТцРС]. Сходные слова имеются в туркменском языке: *çekilmek* ‘уйти’, *çukta* и *çukuş* ‘выход’ [ТмРС]. В киргизском языке используются этимологически сходные единицы *чыгуу* ‘выйти’, *чыгуу* и *чыгышы* ‘выход’ [КрРС], в казахском – *шыгу* ‘выходить’ и ‘выход’ [КзРС], в татарском – *чыгу* ‘идти’, *чыгарга* ‘выйти’, *чигену* ‘отступать’, *чыгыш*, *чыгу* ‘выход’ [ТтРС], в карачаево-балкарском – *чыгъаргъа* ‘выходить’ *чыгъарыргъа* ‘вывихнуть’ (*бутунъу* ‘ногу’) [КБРС].

В узбекском языке, помимо глагола *чиқмоқ* ‘выйти’ и *чекиммоқ* ‘отступать’ [УзРС-41; УзРС-89], используются близкие по звучанию ономатопоэтические глаголы *чикилламоқ* и *чикиллатмоқ* ‘издавать звук чик-чик’ [УзТИЛ, с. 374], которые похожи на донское междометие *чикиль-чикиль*. Вероятно, в русских говорах глагол был оформлен по модели *ковылять*, *гулять*, *костылять*, *путлять*, *петлять*, *цеплять* и пр., при этом в донских говорах произошло сужение значения заимствованного корня: для семантизации значений выхода, перехода, отступления и пр. в диалектах было достаточно исконных единиц, тогда как для передвижения затруднённого, с хромотой или игрового можно было воспользоваться заимствованной единицей. Возможно, определённую роль сыграла и ономатопоэзия. Известно, что для описания походки хромого человека в народной речи используются различные дразнилки и звукоподражательные единицы: *Татьяна вдруг вспомнила, как в детстве они дразнили хромого соседа: «Рупь, пять, где взять, надо заработать»... Ритм дразнилки имитировал ритм хромой походки* (В. Токарева. Перелом). В ростовских донских говорах употребляется экспрессивный глагол *чимчиковать* ‘бежать, убегать’ и ‘идти стремительно’ [БТСДК, с. 580], заимствованный из украинского языка: *чимчикувати* ‘идти мелкими шажками, шагать быстро, семенить’ [УкрРС]. В словарь русского языка фиксируется разговорно-сниженный глагол *чпать* ‘идти (обычно с трудом, медленно)’ [БТС, с. 1467], в котором также возможен ономатопоэтический посыл. В южно-сибирских говорах глагол *чикилять* используется как для экспрессивного описания обычного движения с помощью ног, так и для фиксации передвижения хромого человека.

О том, что глагол *чикилять* и его дериваты более широко распространены в народной речи, чем это представлено в диалектных словарях, свидетельствуют примеры его использования в произведениях художественной и публицистической литературы. Первым включал их в свои тексты М. А. Шолохов. В 1925 году вышло 4 рассказа этого писателя, в которых он использовал глагол в трёх первых отмеченных в СДГВО значениях: 1) *Возвёнулся домой из окружной больницы, чикиляю как-то на костыле возле завалинки, а во двор едет станинный военком и, не здороваясь, допрашивается*

(М. А. Шолохов. Председатель реввоенсовета республики); 2) *Дарья передом чикиляет, Трофим Никитич с сыном Ильёй сзади* (М. А. Шолохов. Илюха); 3) *Парнишка, чикиляя на одной ноге, кричал ему вслед* (М.А. Шолохов. Алёшкино сердце); *Выкупался Мишка в вонючей, застоившейся воде, обвалялся в песке, нырнул в последний раз и, чикиляя на одной ноге, натянул штанишки* (М. А. Шолохов. Нахалёнок).

В рассказе «Батраки» (1928) встречается дериват *зачикилять*, причём в первом контексте имеет значение ‘начать прыгать (на обеих ногах)’ (*Фёдор повернулся было идти, но Захар Денисович по-воробыному зачикилял с порошков и ухватил его за рукав*); а во втором используется как экспрессивный синоним глагола *побежать*; данное значение не зафиксировано в донских диалектных словарях, однако, судя по широкому употреблению глагола в художественных текстах, оно часто употреблялось в народной речи (*Фёдор сидел задумавшись, уронив голову на руки, и не видел, как бежавшая мимо собачонка, обнюхав пьяного зубаря, подняла ногу и, помочившись на него, зачикиляла дальше*).

Глагол *чикилять* отмечен в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» М. А. Шолохова в следующих значениях: 1) ‘идти на одной ноге (об одноногом человеке)’ *От плотины в одной рубахе чикилял на одной ноге Егорка Жаров* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1-я); 2) ‘прыгать на одной ноге’ *Чикиляя на одной ноге, Григорий просунул ногу в штанину, ответил сквозь зубы* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1-я); *Он прыгнул с коня, носок сапога заело стремя, и Аникушка заругался, чикиляя, при помощи руки освобождая ногу* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 3-я); – *Ну, теперь, Федотка, давай я твой палец укушу, – предложил он, но Федотка, помедлив, вдруг прыгнул на ходу с дрожжек, как большой серый кузнечик; чикиляя на одной ноге, прокричал* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 1-я). Дериват *зачикилять*, которому префикс *за-* придаёт значение начинательности, используется как экспрессивный синоним к *пойти, направиться*: *Пантелей Прокофьевич, что-то булькая себе в бороду, зачикилял к дому* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1-я); *Ильинична, наступив на подножку, едва не опрокинула тарантаса, а Пантелей Прокофьевич прыгнул с сиденья молодым петухом; хотя и осушил ноги, но виду не подал и молодецки зачикилял к куреню* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1-я).

В «Тихом Доне» встретилось также существительное *чикиляй* как бранное выражение: *Злобу, вызванную Аксиньей, вымещал на маштаке, нахлёстывая кончиком кнута по местам маштаковой стыдливости и язвительно величая его «хлынцем» и «чикиляем»* (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2-я).

Глагол *чикилять* ‘идти, хромя; хромять’ встречается также в романе П. С. Полякова «Смерть Тихого Дона»: *Слава Богу, на фронте ему ногу гранатой отбило, возвратился он домой с культяпкой, чикиляет по хутору из двора в двор* (П. С. Поляков. Смерть Тихого Дона).

Широко представлен глагол с приставочными и суффиксальными дериватами в произведениях современных писателей-донцов, в записях донских народных сказок:

Какая наша жизнь, – пожаловался Холюша. – Еле чикиляю.<...> Чикиляет, жалится, плачет: «Мои-то уехали...» (Б. Екимов. Холюшино подворье). *Ноги свои пожалей. Нынче с доставкой, не чикилять на бугор, – уговаривает Мишка* (Б. Екимов. «Не надо плакать...»). *А свой родной хутор весь дочиста вижу. Ныне дочикилял – уж стемнело* (Б. Екимов. Прошлым летом). *В руки – костыль и чикиляй куда хочешь* (Б. Екимов. Осень в Задонье).

На одной ноге, дуракуя, прочикилял по камням, не пролив ни капли (Е. Кулькин. Покушение). *Из другой комнаты вычикиляла на одной ноге Вера Григорьевна*

(Е. Кулькин. Крушение). *Да просто встала и почиляла* (Е. Кулькин. Искушение). *Потолкался он у калитки и к матери почилял* (Е. Кулькин. Чёрная кошка). *А ну прихрамывай-причикиливай, а то не поверят, что хромой* (Е. Кулькин. Крушение). *В военкомате, куда Принц едва причикилял, сидели ещё двое с пухлыми ногами* (Е. Кулькин. Родная кровь). *И она, по-парнишачьи чикильнув на одной ноге, убежала в хутор* (Е. Кулькин. Крушение).

В полдень видит Дарья в мареве, каменная девка чикиляет (В. Когитин. Сказки-пересказки).

Выходила – говорила, чикиляла по двору – говорила, улицу наискосок переходила, говорила.<...> Со стороны Каменного Брода, пустырьём чикиляет с дороги к амбару казачка.<...> Птица выпархивала из гнезда и, будто подбитая, чикиляла хитро в сторону. Казалось, нагнись и ухватишь её за хвост. Но всякий раз жаворонок не давался в руки, скакал дальше (И. Я. Кравченко, В. Я. Кравченко. Три окошка в палисад).

Встречается глагол в книге Н. П. Кислякова, описывающего свои странствия по Хопру и Дону: *Анна Осиповна, не тратя лишних слов, берёт меня, как дитя, за руку и ведёт к себе домой, приговаривая: – Слыханное ли дело – в таком виде чикилять. Переднююешь, а там видно будет* (Н. Кисляков. Записки).

Уроженец станицы Скуришенской (Кумылженский район Волгоградской области) писатель Юрий Сергеев использует глаголы *чикилять*, *дочкилять* в трилогии «Становой хребет», в которой действие происходит на Дальнем Востоке: *Ну, а из дому под штыками японскими дочикилял с большой толпой арестованных в кутузку. <...> Назад как-нибудь дочикиляю. <...> Он хмыкал радостно в бороду и чикилял хромой ногой дальше, забавляя душеньку открывшейся глазам картиной* (Ю. Сергеев. Становой хребет).

Все эти примеры подтверждают широкое распространение лексем этого деривационного гнезда на Дону. Однако их используют писатели, далёкие по происхождению и проживанию от Обдолья, что свидетельствует о более широком ареале распространения этих единиц. Виктор Курочкин родился в Тверской области, проживал в Ленинграде, однако в повести «На войне как на войне» использовал экспрессивный глагол *зачикилять* для описания необычности походки героя: *– Ишь зачикилял, как принцесса Турандот, – сказал Домешек* (В. Курочкин. На войне как на войне).

Уроженец Казахстана и выросший на Сахалине Анатолий Ким в романе-сказке «Белка» использует глагол *чикилять* 'хромать': *Но всё же я заставил себя остановиться и посмотреть назад – незнакомец чикилял по дороге, припадая на одну ногу и двигая худыми лопатками, выпиравшими сквозь вылинявшую рябенькую рубаху* (А. Ким. Белка).

Знает этот глагол москвичка Майя Ганина, он используется ею как экспрессивный синоним лексеме *ходить* в рассказе «Бестолочь»: *Мать сидела на стуле, положив на колени мохлястые руки, и говорила: «Юбку покрасим завтра, ещё походит. А туфли откуда?». Разглядывала дыры на подошвах, заложенные картоном, вздыхала: «Ну, пройдешься разок-другой, пока охота не пропадёт на скрюченных-то пальцах чикилять»* (М. Ганина. Бестолочь).

Использует этот глагол в романе «На Урал-реке» уроженка уральских приисков Антонина Дмитриевна Коптяева при описания хромого мальчика и гуся: *Мальчик, сильно прихрамывая, послушно направился к парням <...>. Чего он чикилять стал? — тихонько спросил Костя <...>. Пнул его весной, когда мы на шерстомойке работали, да как-то косточку сломал <...>. Тут у нас один хроменький... чикиляет, но дюже справный. – С ловкостью волчицы она выхватила из шумно шарахнувшейся стаи гусей, бродивших по двору, одного – в самом деле очень справного – сунула его Косте. <...>*

Весело было бы пустить этого краснолапого франта по окопам в минуту затишья, чикилял бы, смешил бойцов лопотаньем (А. Коптяева. На Урал-реке).

В первой части трилогии «Терская коловерть» А. Баранова используется экспрессивный глагол в значении ‘иди, топай’: *Чикиляй своей дорогой, чего привязался, — огрызнулась Ольга, не без удовольствия кося глаз на стройного джигита, гарцующего рядом на горячем скакуне* (А. Баранов. Терская коловерть).

Отмечен глагол *чикилять* в повести о кубанских казаках «Пути казачьи» современного писателя А. А. Карина, родившего в Прокопьевске Кемеровской области, с 1962 по 1970 год проживавшего в Волгограде: *А было их четверо, к тому ж, папашка – хромый. Может встречу ишо... У него след дюже памятный – будто чикиляет и окурки в землю вкручивает* (А. Карин. Пути казачьи).

Глагол *чикилять* полюбили современные русские фантасты. А. Белявин в фантастическом боевике «Век святого Скиминока» использует как экспрессивные единицы глаголы *чикилять* ‘отправляться’ и *дочкилять* ‘дойти, добраться’: *Лия дочикиляла-таки до Владыки и, покачиваясь, как подсолнушек, высказала всё, что она о нём думает. <...> Лия, запахни клювик, шмара беспросветная! На серьёзное дело чикиляем* (А. Белявин. Век святого Скиминока). В романе «самого быстрого русского фантаста» москвича с донскими корнями Алекса Орлова (В. Дарищева) «Сокровища наместника» также используется глагол *чикилять* как экспрессивный синоним *идти*: *Слышу, цокает чего-то по дороге, выглянул, а там какой-то бродяга чикиляет и ведёт на поводу двух мулов* (А. Орлов. Сокровища наместника).

Встречается экспрессивная лексема в повести «Отсрочка» молодого писателя Андрея Антипина, уроженца Иркутской области: *После разговора с Чебуном жалел Палыч, что ни с того ни с сего накричал на соседа, когда тот только предложил помощь, каялся, неспешно чикиляя по улице* (А. Антипин. Отсрочка). В повести А. Зюкановой «Тихое счастье» глагол включён в пересказ анекдота: *Кривой чикиляет дальше и бормочет: «Вот так и рождаются гении!»* (А. Зюканова. Тихое счастье).

Уроженец поволжского города Энгельса, в 7-летнем возрасте депортированный в Казахстан и ставший там известным переводчиком, прозаиком, литературоведом Г. К. Бельгер использует глагол при описании реалий Казахстана XXI века: *В самом деле, не след ему в таком солидном возрасте, будучи отцом славного сына, чикилять на обочине жизни. И он записался в «Отан»* (Г. Бельгер. Пыль будней). Этот же глагол употребляется в его зарисовках «Плетень чепухи», опубликованных на страницах казахстанских газет, а затем вошедших в сборник «Казахское слово»: *Можно сказать и так: Олжас вознесся высоко, парит в облаках, а я чикиляю по земле казахов* (Г. Бельгер. Плетень чепухи). В своей первой книге «Сосновый дом на краю аула» он помещает рассказ «Была весна...» с глаголом *чикилять* ‘передвигаться на костылях’: *Вернулся он с фронта на костылях, неделю чикилял по аулу, а потом оседлал гнедуху и пошел бригадировать* (Г. Бельгер. Была весна...).

Зафиксирован глагол *чикилять* в Киргизии: *Мы так постоянно из Бишкека в Токтогул и обратно “чикиляем” с октября по май* (Туззов 2012). Самодеятельный писатель из Керчи А. Исаков-Дервиш использует глагол в значении ‘нетерпеливо перебирать ногами’: *Горячий курд заёрзал в седле, даже его конь стал чикилить передними ногами, словно отбивая такт чечётки* (А. Исаков. Козлодрание).

Ленинградский писатель Дм. Вересов (Д. А. Прияткин) в своём любовно-авантюрном романе «Чёрный ворон» в 9-й книге «Тень Заратустры» приводит такой контекст: *Из-за своей хромоты получила прозвище «Рубль пять». Каждое утро чикиляла куда-то с палочкой, иногда и в выходные дни, что-то нашёптывая себе под нос* (Д. Вересов.

Тень Заратустры).

Экспрессивный глагол проник даже в переводную литературу. Живущий в Латвии А. В. Новиков вставил его в свой перевод полицейского романа американского писателя Дж. Уэмбо «Рыцарь в синем» (в других изданиях: «Синий рыцарь»): *Башка уже успел отойти от меня на полквартила и теперь чикилял вдоль по улице, баюкая под замызганным пиджаком недопитую бутылку* (Дж. Уэмбо. Рыцарь в синем).

Глагол употребляется в анекдотах как отражение одесского лексикона (*Ранее утро. Пустая улица. По одной стороне идёт парень. По другой в том же направлении чикиляет с палочкой старый Рабинович*) и бандитского арго (*Подсудимый: Смотрю, чувла на двух вердах чикиляет... Судья: Ничего не понял, другой подсудимый, переведите, что ваш товарищ сказал*).

В рассказе С. Киселёва из казахстанского города Уральска используется гиперкорректная форма глагола с гласным *e* в корне: *Впереди вышагивает поселковый атаман, тут же любопытствующие, детвора крутится под ногами, старики чекиляют* (С. Кисилёв. Не взял грех на душу). Эта же форма отмечена в мемуарах дальневосточного учёного Ю. Латыпова «Путь в науку: фатум и упорство»: *Тем не менее через пять дней шеф чекилял как ни в чем не бывало на выструганном костыле* (Ю. Латыпов. Путь в науку).

Итак, судя по цитатам из художественной, мемуарной и публицистической литературы, глагол *чикилять* и его дериваты широко распространены в русском и русскоязычном коммуникативном континууме. Лексема возникла в русско-тюркском пограничье, была заимствована от тюркского корня *чик-/чек-* со значением движения, однако в силу законов диалектного семантического развития сузила значение до 'хромать; передвигаться с палкой (тростью, костылём) для опоры при ходьбе'. Затем в диалектах произошли процессы расширения и сужения значения, на Дону слово стало употребляться также в значениях 'прыгать на одной ноге', 'играть в классики' и 'идти с трудом'.

Видимо, глагол был известен на более широком ареале распространения русского языка, чем это отражают словари, однако он воспринимался как просторечный, поэтому не включён в лексиконы ни диалектного, ни литературного языка. В последующем слово ещё более расширило своё значение, стало употребляться как экспрессивный синоним глаголов *идти*, *ходить*, отражая поиски обновления эмоционально-оценочных единиц в разговорной речи и просторечье. О широком распространении глагола свидетельствуют примеры из художественной и публицистической литературы, отражающие словоупотребление авторов, проживающих от Владивостока до Санкт-Петербурга, от Урала до Киргизии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

1. БТС = Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
2. БТСДК = Большой толковый словарь донского казачества. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. – 608 с.
3. Даль = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. I-IV. [6-е изд.]. – М. : ГИИНС, 1955.
4. Ефремова = Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – М. : АСТ; Астрель, 2006.
5. Жартівливі = Жартівливі пісні. Родинно-побутові / Упорядники О. І. Дей, М. Г. Марченко, А. І. Гуменюк. – Київ : Наук. думка, 1967. – 800 с.
6. ИИ = Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 574 с.
7. КБРС = Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. – М. : Рус. яз., 1989. – 832 с.
8. КзРС = Казахско-русский словарь / Х. Махмудов, Г. Мусабаев. – Алматы : Онер, 1998. – 448 с.

9. КрРС = Киргизско-русский словарь: В двух книгах / К. К. Юдахин. 2-я книга (Л-Я). – М.: Сов.энцикл., 1985. – 475 с.
10. КСС= Казачий словарь-справочник (The Cossack Dictionary): В 3 т. / Изд. А. И. Скрылов, Г. В. Губарев. — Т. 3. – Сан-Ансельмо, 1970. – 341 с. Репринт: М.: Созидание, 1992.
11. Кудряшова = Кудряшова Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.
12. Миртов 1926 = Миртов А. В. Казачьи говоры. Изд. 2-е, перераб / А. В. Миртов. – Ростов/Д.: Севкавказ, 1926.
13. Миртов 1929 = Миртов А.В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов/Д., 1929. – 415 с.
14. Орлов = Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб. пособ. / Л. М. Орлов. – Волгоград, 1984. – 96 с.
15. РГ-80 = Русская грамматика. Т. I. – М.: Наука, 1980.
16. СДГВО = Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.
17. Сердюкова 1969 = Сердюкова О. К. Лексика говора казаков-некрасовцев: Автореф. дисс.... канд. филол. наук / О. К. Сердюкова. – Ростов/Д., 1969. – 26 с.
18. Сердюкова 2005 = Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев / О. К. Сердюкова. – Ростов/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. – 320 с.
19. СРГЮРКК = Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / под общ.ред. С. П. Васильевой. — Том 5 (У-Я). – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2010.
20. ТмРС = Туркменско-русский словарь / Н. А. Баскаков, Б. А. Каррыев, М. Я. Хамзаев. – М.: Сов.энцикл., 1968. — 832 с.
21. ТтРС = Татарско-русский словарь / И.А. Абдуллин, Ф.А. Ганиев, М.Г. Мухамадиев и др.; под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Тат.кн. изд-во, 2014. — 504 с.
22. ТцРС = Турецко-русский словарь / А.Н. Баскаков. – М.: Рус. яз., 1977. – 967 с.
23. УзРС-41 = Узбекско-русский словарь / Под ред. Т. Н. Кары-Ниязова и А. К. Боровкова. – Ташкент: Изд-во Узб. филиала АН СССР, 1941.
24. УзРС-89 = Узбекско-русский словарь / О. Азизов, З. Ризаева; под ред. И. Хайрулаева. – Ташкент: Укитувчи, 1989. – 288 б.
25. УзТИЛ = Ўзбек тилининг изоҳли луғати: Иккитомли / З. А. Маъруфов таҳрири остида. — Т. II. – М.: Рус. яз., 1981. – 715 с.
26. УкрРС = Украинско-русский словарь / Под ред. В. С. Ильина. – К.: Наук. думка, 1964. – 1064 с.
27. Фасмер = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. — Т. II. – М.: Прогресс, 1986.
28. Цыхун 1993 = Цыхун А. П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны населнікаў Гродзенска гараёну / А. П. Цыхун. – Гродна, 1993. – 244 с.
29. Varlyha 1970 = Varlyha A. Krajovy slovník Łagojščyny / A. Varlyha.– NewYork: Zaranka, 1970. – 172 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антипин А. Отсрочка: повесть / А. Антипин // Диалог ТВ: Усть-Кутская еженедельная газета. 2009, 20 ноября, № 46.
2. Баранов А. Терская коловерть / А. Баранов. – Орджоникидзе: Ир, 1977. – 368 с.
3. Бельгер Г. К. Сосновый дом на краю аула / Г. К. Бельгер. – Алма-Ата, 1973.
4. Бельгер Г. К. Казахское слово / Г. К. Бельгер. – Астана: Vox populi, 2001.
5. Бельгер Г. Пыль будней: глава из романа «Разлад» / Г. Бельгер // Литературная Алма-Ата. — 2006. — № 3.
6. Белявин А. О. Век святого Скиминока: Фантастический роман / А. О. Белявин. – М.: АРМАДА, 1998. – 411 с.
7. Вересов Д. Ворон: Тень Заратустры / Д. Вересов. – СПб.: Нева, 2004. – 320 с.
8. Ганина М. А. Избранное: рассказы и повести / М. А. Ганина. – М.: Худ. лит., 1983. – 576 с.
9. Екимов Б. П. Родительский дом / Б. П. Екимов. – М.: Современник, 1988. – 272 с.
10. Екимов Б. П. Избранное: В 2 т / Б. П. Екимов. – Волгоград: Ком.по печ. и инф., 1998.
11. Екимов Б.П. Возвращение: рассказы о новой жизни / Б. П. Екимов. – М.: Никая, 2016. – 352 с.
12. Зюканова А. Тихое счастье [Электронный ресурс] / А. Зюканова. – Режим доступа:

- <http://www.proza.ru/2009/12/16/1404> (дата обращения: 25.10.2014).
13. Исакаев А. Козлодрание [Электронный ресурс] / А. Исакаев. – Режим доступа : <http://litsait.ru/proza/rassказы/kozlodranie.html> (дата обращения: 25.10.2014).
 14. Карин А. А. Пути казахи [Электронный ресурс] / А. А. Карин. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2013/05/19/1499> (дата обращения: 25.10.2014).
 15. Ким А. А. Белка / А. А. Ким. – М. : Центрполиграф, 2001. – 560 с.
 16. Киселёв С. Не взял грех на душу (из жизни казака Д. К. Скоробогатова) / С. Киселёв // Горыныч : Краеведческий сборник. Часть 2. Уральск : Оптима, 2007.
 17. Кисляков Н. П. Записки рыбака и странника [Электронный ресурс] / Н. П. Кисляков. – Режим доступа : <http://www.rulit.me/books/zapiski-rybolova-i-strannika-read-74641-15.html> (дата обращения: 25.10.2014).
 18. Копяева А. Д. На Урал-реке / А. Д. Копяева. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1974. – 512 с.
 19. Кравченко И. Я. Три окошка в палисад. Повесть / И. Я. Кравченко, В. Я. Кравченко. – Новочеркасск : НОК, 2011. – 94 с.
 20. Кулькин Е. А. Родная кровь / Е. А. Кулькин. – Волгоград, 1985. — 194 с.
 21. Кулькин Е. А. Чёрная кошка / Е. А. Кулькин. – Волгоград : Изд-во «Волгогр. правда», 1991. – 304 с.
 22. Кулькин Е. А. Прощёный век: Трилогия / Е. А. Кулькин. Кн. 1-я: Крушение. – Волгоград : Издатель, 2000. Кн. 2-я: Покушение; Кн. 3-я: Искушение. – Волгоград: Издатель, 2001.
 23. Курочкин В. А. На войне как на войне / В. А. Курочкин. – СПб. : Амфора, 2015. – 288 с.
 24. Латыпов Ю. А. Путь в науку: фатум и упорство / Ю. Латыпов. – Владивосток : Дальнаука, 2011. – 201 с.
 25. Орлов А. Сокровища наместника / А. Орлов. – М. : Эксмо, 2013. – 448 с.
 26. Поляков П. С. Смерть Тихого Дона. Роман в 4-х частях / П. С. Поляков. – Ростов/Д. : Ростиздат, 2006. – 720 с.
 27. Сергеев Ю. В. Становой хребет / Ю. В. Сергеев. – М. : Современник, 1987. – 480 с.
 28. Уэмбо Дж. Рыцарь в синем / Дж. Уэмбо ; пер. А. Новикова. – М. : Центрполиграф, 1994. – 544 с.
 29. Шолохов М. А. Собрание сочинений в 8 томах / М. А. Шолохов. – М. : Правда, 1962.

Поступила в редакцию 19.01.2016 г.

EXPRESSIVE POTENTIAL OF DIALECTAL WORDS IN FICTION AND PUBLICISTIC TEXTS: THE VERB ЧИКИЛЯТЬ (ЧИКИЛ'АТЬ)

Brisina Ye. V., Suprun V. I.

The article discusses the expressive verb *чикилять*, widely used in modern Russian and Russian-language fiction and publicistic texts. It was formed on the model of *ковылять* from the Turkish root *chik-/chek-* 'go, move', but developed the meanings 'to limp', 'jump on one foot' in folk speech. Subsequently the meaning broadened, the verb was used as an expressive synonym of the lexemes *идти, ходить*. Wide distribution of the expressive verb and its derivatives is observed in the examples from fiction and publicistic texts, in which the usage of authors living on the territory from Vladivostok to St. Petersburg and from the Urals to Kyrgyzstan is reflected.

Key words: emotional and evaluative vocabulary, colloquial speech, vernacular, literary text, expressive lexeme, derivative.

Брысина Евгения Валентиновна

Доктор филологических наук, профессор.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Brisina Yevgenia Valentinovna

Doctor of Philology, Professor.

Volgograd State Socio-Pedagogical University.

e-mail: filolog@vspsu.ru

Супрун Василий Иванович

Доктор филологических наук, профессор.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Suprun Vasiliy Ivanovich

Doctor of Philology, Professor.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

e-mail: suprun@vspsu.ru.

УДК 81'06'373.43-004.773

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ІННОВАЦІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ
(НА БАЗІ ІНТЕРНЕТ-БЛОГІВ)**

© 2016. А. С. Гусєва

В статье анализируется появление в процессе общения участников интернет-коммуникации новых лексем украинского языка. Раскрыты причины и пути возникновения неологизмов; выделены лексические, семантические и индивидуально-авторские инновации. Приведены наиболее частотные модели образования лексико-семантических инноваций. Разнообразные примеры, взятые из авторской картотеки, иллюстрируют динамичность развития современного украинского языка в пределах интернет-пространства. Анализ фактического материала доказывает, что активный процесс образования новых лексем происходит по свойственным украинскому языку моделям. Самый популярный способ словообразования — морфологический (в частности, суффиксальный, осново- и словосложение). Следующий шаг исследования — поиск путей систематизации неологизмов.

Ключевые слова: коммуникация, интернет-пространство, блогосфера, лексический неологизм, семантический неологизм, индивидуально-авторский неологизм, лексикализация.

За останні роки спілкування в глобальній мережі стало дуже поширеним явищем. Інтернет сьогодні можна розглядати як особливий комунікативний простір. На думку О. С. Кубрякової, «інтернет є новим інформаційним середовищем сучасної культури, яке формує нові комунікативні практики, новий тип світосприйняття і новий спосіб життя, в якому в тому чи іншому вигляді присутні всі традиційні засоби комунікації» [1, с. 189]. Ми розглядаємо процес комунікації як «двобічний процес породження і сприйняття повідомлення, де успішність комунікації обумовлюється спільністю знакових засобів (коду) і спільністю знань і уявлень, які актуалізуються в процесі комунікації (позакодові знання)» [2, с. 9]. Доцільно виділити інтернет-комунікацію як новий різновид взаємозв'язку між суб'єктами, що підтримується шляхом використання комп'ютера чи ін. пристроїв і відрізняється специфічним каналом зв'язку. Мовлення, представлене в інтернет-комунікації ('Netspeak', за Д. Кристалом [3, с. 17]) — це специфічний різновид, що поєднує в собі риси різних типів мовлення. Слід зазначити, що це поєднання синтетичне, органічне, а не штучне.

Мовні особливості інтернет-комунікації є об'єктом дослідження у працях таких учених, як Н. Г. Асмус, О. М. Галічкіна, Є. І. Горошко, І. Ю. Єгорова, О. М. Єлькіна, Ю. Л. Іванов, О. В. Лутовинова, Н. Л. Моргун, Р. К. Потапова, М. С. Рижков, Л. Ю. Щипіцина та ін. [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Протягом 2012—2013 років з'явилися друком праці, присвячені інноваційним процесам в українському словотворенні (К. Городенська [15], В. О. Горпинич [16], Л. Кислюк [17], М. І. Навальна [18], О. А. Стишов [19; 20]). За останні роки з'явилися праці, в яких зроблено спроби проаналізувати словотвірні процеси [21; 22], систематизувати неологізми і створити певну їх картотеку [23; 24]. Наша робота присвячена аналізу лексико-семантичних інновацій, представлених у мовленні українських блогерів. На нашу думку, неологізми найдинамічніше поширюються саме в мовленні інтернет-мережі. Спілкування в інтернеті, або інтернет-комунікація, представлено різними жанрами (електронна пошта, чат, блог, форум і т.д.), кожний з яких по-своєму унікальний. Блогосфера як «один з найбільш розвинених ареалів комунікативного інтернет-простору» [8, с. 1] становить науковий інтерес з позиції вивчення актуальних процесів мовотворення й мовної

культури користувачів. За Д. Кристалом, кожен окремих блог — це комунікативна ситуація (як правило, полілогова); це «асинхронний чат» [3, с. 130]. Актуальність дослідження пов'язана з активними іноваційними процесами в сучасній українській мові. Розвиток мови відбувається в постійному протистоянні старого й нового. Найбільш активно цей процес має місце на лексичному рівні, що зумовлено певними особливостями порівняно з іншими рівнями мови, зокрема вищим ступенем екстралінгвістичної детермінованості. У цьому полягає актуальність аналізу лексико-семантичних інновацій, що з'явилися в різних стилях і різновидах української мови протягом останніх років. У доборі матеріалу ми не обмежувалися тематикою та сферами спілкування загалом. Українське письмове мовлення, представлене в повідомленнях інтернет-блогів у межах українського форуму <http://domivka.net/>, стало об'єктом лінгвістичного дослідження. Авторська картотека вміщує 450 полілогів, або 3478 реплік-коментарів). Предмет дослідження — новоутворені одиниці лексичного рівня мови, тобто такі, що ще не ввійшли до активного словника сучасної літературної української мови (новотвори).

Сама поява нового слова диктується прагматичними потребами. Відправник повідомлення вибирає з наявного лексичного тезауруса те, що найкращим чином виражає його думки і почуття. Якщо в лексиконі відправника такого слова немає, то нерідко він видозмінює стару або створює нову лексичну одиницю. Нові лексичні одиниці створюються в процесі мовлення задля здійснення мовцем певного комунікативного наміру. Індивідуальна авторська словотворчість авторів повідомлень на сторінках блогів постає як необмежена свобода створення нових лексичних одиниць відповідно до загальних, існуючих на даний час тенденцій активного продуктивного словотвору мови і на підставі наявних продуктивних словотворчих моделей. Загальні потенції індивідуальної авторської словотворчості необмежені. Кожний неологізм проходить три стадії: створення — соціалізація — лексикалізація.

Аналізуючи фактичний матеріал, ми виділили такі групи неологізмів:

1. Лексичні неологізми:

а) утворені за наявними словотвірними моделями: *авіаобшук* ← *обшук* (*авіаційний обшук*); *авіатроща* ← *тросити* (*авіакатастрофа*); *автогеобіографія* ← *авто[біо]графія* + *[гео]графія* (*поєднання ознак автобіографії й географії*); *автозанурення* ← *занурення авто*; *автокав'ярня* ← *кав'ярня* (*пересувна автомобільна кав'ярня*); *автоквота* ← *квота* (*автомобільна квота*); *автомайдан* ← *майдан* (*автомобільний пробіг у підтримку Майдана*); *автомайданівець* ← *автомайдан* (*особа, пов'язана з Автомайданом*); *автомайданівський* ← *автомайдан* (*ознака за належністю до автомайдану*); *архівбобість* ← *вбогість*; *зрозпачено* ← *'зрозпачений'* ← *'зрозпачити'* ← *з розпачу*; *кавомобіль* ← *[кав(а) + авт]омобіль* (*автомобіль для розвезення кави*); *казкотерапія* ← *терапія казкою*; *каламутнобкий* ← *каламутне око* (*ознака того, хто має каламутне око*); *кроманьйонка* ← *кроманьйонець*; *передебатити* ← *дебати* (*перемогти у дебатах*); *першостолічність* ← *'першостолічний'* ← *перша століття*; *правосудця* ← *правосуддя*; *пришпил* ← *пришпилити* (*опредметнена дія*); *тітушківський* ← *тітушка*; *тітушкізація* ← *'тітушкізувати'* ← *тітушка* (*опредметнена дія (процес) — набуття ознак тітушки*); *тітушкувати* ← *тітушка* (*бути тітушкою*); *торішність* ← *торішний*; *травмопад* ← *падати від травм* (*опредметнення дії*); *триосінність* ← *'триосінний'* ← *три осені* (*опредметнена ознака*); *трубодёрство* ← *дёрти трубу* (*опредметнена дія, процес, пов'язаний з пошкодженням трубомагістралей*); *туманівка* ← *туман* (*предмет, пов'язаний із туманом*);

б) запозичені з інших мов: банити ← бан (з англ. — забороняти); Ватикангейт ← Ватикан (неслава, розгolos, пов'язані з Ватиканом — викрадення документів, що здійснив папський помічник); гуглити ← «Google» — пошукова інтернет-система (проводити пошукові дії в інтернеті); комедіклуб ← Comedy Club (комедійний клуб); комедісуд ← комедійний суд (аналогія до комедіклубу) (суд-комедія); Канібалісимум ← [канібал + генерал]ісимум (Генералісимум-канібал); капутологія ← капут (наука (логія) про капут (нім. Karut — кінець, смерть); карбіді ← Карбід-о (особи-учасники польського музичного гурту «Карбідо»); лулз ← lulz (з англ. «lol» — прикол); меркельвелізм ← Мёркель (суспільно-політичне явище, пов'язане з діями канцлера Німеччини А. Меркель); пандурійський ← Пандурії (ознака за віднесенням до румунського футбольного клубу «Пандурії»); тролити ← troll (зі шв. — чаклунство) — розсилати провокаційні повідомлення; троль ← troll (той, хто тролить); чат ← chat (з англ. — бесіда) — різновид інтернет-комунікації.

2. Семантичні неологізми: Майдан (акція протесту, протистояння владі, революція) ← майдан (площа), усмішка (смайлик) ← усмішка (вираз обличчя); пакет (набір комп'ютерних програм) ← пакет (мішок, клунок з гнучкого матеріалу).

3. Індивідуально-авторські неологізми (оказіоналізми): всеукраїнський ← всеукраїнський (Всеукраїнське роз'єднання «Недоля» [http://domivka.net/vseurkainske_roziednannia_pedolia-20411/] за аналогією до Всеукраїнського об'єднання «Свобода»; КаПКан ← [капкан + КПК] (Капкан Кримінально-процесуального кодексу); порнфлєт ← порн[ографічн(ий) пам]флєт; лібераст ← лібе[рант + педє]раст (особа, яка поєднує ознаки ліберанта і педераста); толєраст ← толе[рант + педє]раст (особа, яка поєднує ознаки толєранта і педераста) [http://domivka.net/usi_liberasty_tolierasty_ta_protivskyhy_svo_abo_ubyi_u_sobi_khokhla-19455/].

Неологізми можуть виникати і як нові назви предметів (явищ, ознак), які вже мають назви, наприклад: посміхайлик — замість 'смайлик'; нетрі - замість 'інтернет'; гугляти — замість 'гуглити' «проводити пошук в нетрях пошуковиком (не обов'язково Googlem)» [<http://domivka.net/archive/t-7351.html>]. Так, слово походить з англійської, однак використано українську граматику. Це вказує на актуальну властивість української мови трансформувати запозичені лексеми, а не лише калькувати їх.

Поділ неологізмів на групи за семантикою довів нашу думку про те, що саме суспільні, політичні й культурні події є центром уваги у громадських блогах. Найбільш активно поповнюється неологізмами саме суспільно-політична лексика.

Отже, лексико-семантичні інновації яскраво відображаються в мовленні блогерів, що спричинено такими факторами: 1) саме в блогах обговорюються актуальні події, новини, а отже постають нові номінації певних суспільних, культурних реалій; 2) самі учасники комунікації прагнуть похизуватися красним слівцем, виділитися з загалу, тому досить часто для цього застосовуються слова, які не входять до лексичного словника української літературної мови — авторські новотвори, оказіоналізми. Зібраний фактичний матеріал свідчить про динамічний розвиток сучасної української мови, активний процес словотворення і поповнення її лексичного складу.

На ґрунті теоретичних праць і проведених практичних спостережень ми можемо стверджувати, що найбільш популярним різновидом словотвору залишається морфологічний спосіб словотворення; у межах цього способу слід визначити такі продуктивні моделі, як суфіксальний, осново- і словоскладання. На нашу думку, подальший аналіз лексико-семантичних інновацій, представлених в інтернет-мовленні, представляє науковий інтерес, оскільки він надасть змогу виявити не лише продуктивні моделі українського словотвору, а й сучасні тенденції розвитку української мови в цілому.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Кубрякова Е. С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Междунар. конф. — М., 2009. — С. 186–197.
2. Волкова Е. В. Лингво-культурные барьеры компьютерно-опосредованной коммуникации [Текст] : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Волкова. — Ульяновск, 2007. — 21 с.
3. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. — Cambridge University Press, 2004. — 272 p.
4. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : Дисс. ... канд. филол. наук / Нина Геннадиевна Асмус. — Челябинск, 2005. — 265 с.
5. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : Дисс. ... канд. филол. наук / Елена Николаевна Галичкина. — Волгоград, 2001. — 212 с.
6. Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е. И. Горошко // Жанры речи. — Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. — Вып. 6. — С. 11–27.
7. Егорова И. Ю. Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе [Текст] : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И. Ю. Егорова. — Волгоград, 2008. — 31 с.
8. Елькина О. М. Лингво-социокультурные особенности речевой деятельности в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале англоязычных блогов) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О. М. Елькина. — Пятигорск, 2012. — 28 с.
9. Иванов Ю. Л. Язык интернета. Заметки лингвиста / Ю. Л. Иванов // Словарь и культура русской речи. — М. : Азбуковник, 2000. — С. 1–12.
10. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 476 с.
11. Моргун Н. Л. Научный сетевой дискурс как тип текста : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. Л. Моргун. — Тюмень, 2002. — 20 с.
12. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и медиа лингвистика / Р. К. Потапова // Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. — М. : Изд-во МГУ. — 2004. — С. 23–25.
13. Рыжков М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных чатов) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. С. Рыжков. — Воронеж, 2010. — 25 с.
14. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Л. Ю. Щипицина. — Воронеж, 2011. — 40 с.
15. Городенська К. Нові явища та процеси в українському словотворенні: динаміка чи деструкція словотвірних норм? / К. Городенська // Українська мова. — 2013. — № 2. — С. 3–12.
16. Горпинич В. О. Нариси з пропріальної та апелятивної словотвірної дериватології. Монографія / В. О. Горпинич. — Дніпропетровськ : Нова ідеологія, 2012. — 211 с.
17. Кислюк Л. Сучасна словотвірна норма української мови: мовна практика та кодифікація / Л. Кислюк // Українська мова. — 2012. — № 1. — С. 52–66.
18. Навальна М. І. Функціонально-стильова динаміка лексики в українській періодиці початку ХХІ ст. : Дисс. ... д-ра филол. наук / Марина Іванівна Навальна. — К., 2012. — 210 с.
19. Стишов О. А. Номінації осіб у сучасній українській мові (на матеріалі дискурсу ЗМІ) / О. А. Стишов // Мовознавство. — 2012 — № 6. — С. 23–37.
20. Стишов, О. А. Номінації осіб у сучасній українській мові (на матеріалі дискурсу ЗМІ) / О. А. Стишов // Мовознавство. — 2013 — № 1. — С. 20–29.
21. Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: Материалы VI Международной научной конференции / Сост. Т. С. Пристайко. — Дніпропетровськ : Нова ідеологія, 2013. — 356 с.
22. Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах : Монографія / [Г. М. Вокальчук, А. М. Архангельська, О. А. Стишов, Ю. П. Маслова, В. В. Максимчук]; відп. ред. Г. М. Вокальчук. — Рівне : Острозька академія, 2011. — 356 с.
23. Комплексний словник української мови: Орфоєпія. Морфеміка. Морфологія. Словотвір. Орфографія / Укл. О. О. Дудка, В. Д. Пономаренко, О. О. Тележкіна. — Х. : Ранок, 2014. — 640 с.
24. Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації. 2012–2013 [Текст] : Словник / А. Нелюба, Є. Редько. — Х. : Харківське історико-філологічне товариство, 2014. — 172 с.

25. Домівка.Net — український форум [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://domivka.net/> (дата звернення: 25.08.2014).

Поступила в редакцію 22.01.2014 г.

**LEXICAL AND SEMANTIC INNOVATIONS IN UKRAINIAN
(BASED ON THE INTERNET BLOGS)**

Gusieva A. S.

The article analyzes the emergence of new Ukrainian lexemes in the internet-communication. The causes and the ways of neologisms' appearance are revealed; lexical, semantic and individual innovations are highlighted. The most frequent models of formation of lexical and semantic innovations are shown. Various examples taken from the author catalogs illustrate the dynamic development of modern Ukrainian in the internet communication. The analysis of the empirical material proves that the formation of new lexemes goes in line with word-formation mechanisms and patterns typical of the Ukrainian language. The most productive way of derivation is morphological (suffixation, compounding). The next step of the research is further classification of neologisms.

Key words: communication, internet space, blogosphere, lexical neologism, semantic neologism, individual neologism, lexicalization.

Гусева Алина Сергеевна

Аспирант кафедры общего языкознания и истории языка.

Донецкий национальный университет.

Guseva Alina Sergeevna

Postgraduate student of Department of General Linguistics and Language History.

Donetsk National University.

e-mail: alyna201073@gmail.com

УДК 81`373.23

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНЫХ ИМЕН В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ИМЕННИКАХ

© 2016. Л. В. Керова

Статья посвящена изучению структурных особенностей личных имён в современных английском и немецком языках. Проведённый анализ позволил определить, что собственные имена могут быть одночленными и двухосновными. В статье рассмотрены основные словообразовательные модели образования двухосновных имён, определена связь между структурой и семантикой личных имён.

Ключевые слова: личные имена, структурные особенности, сопоставительное исследование.

В настоящее время имена личные пристально исследуются лингвистами, поскольку любое наименование — это слово, входящее в систему языка, образующееся по законам языка и употребляющееся в речи. Личные имена, являясь неотъемлемой частью фоновых знаний о языке и культуре, несут не только лингвистическую, но и культурно-историческую, страноведческую информацию, что обуславливает повышенный интерес к ним в рамках лингвокультурологии.

На данном этапе развития лингвистики одним из актуальных направлений лингвокультурологических исследований является изучение антропонимов как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном аспекте. Антропонимы являются отображением диалектики взаимодействия языковых и внеязыковых факторов. Изучение личных имен позволяет проникнуть в систему ценностей различных лингвокультурных сообществ, которая находит отражение в национальной языковой картине мира.

Анализ теоретической литературы по антропонимике свидетельствует о глубоком интересе, который проявляют лингвисты к происхождению и функционированию личных индивидуализирующих имен. Вопросам семантики и стилистического функционирования антропонимов посвящены диссертации К. Б. Зайцевой [1], А. А. Живоглядова [2], в которых прослеживается историческая динамика английской антропонимической системы. Изучением имени собственного как культурно-исторической категории языка занимаются многие современные ученые (см. [1; 3; 4; 5–7]). Так, например, в сопоставительном ключе выполнена диссертационная работа В. А. Ражиной [3], в которой рассматриваются лингвокультурологические и прагматические аспекты ономастических реалий на материале русского и английского языков. В исследованиях С. И. Гарагули [4] особое внимание уделяется изучению антропонимической прагматики и идентичности индивида на материале английских антропонимических единиц, предлагается методология системного описания личных имен. Известный лингвист А. Вежбицкая [5] внесла свой вклад в изучении антропонимов с точки зрения когнитивизма, используя в своем исследовании теорию прототипов, автор обращает особое внимание на функциональную нагрузку уменьшительных и уменьшительно-ласкательных форм личных имен, а также предлагает свою классификацию имен в соответствии с прототипическим подходом. В монографии О. А. Леоновича [6] рассматриваются особенности употребления и функционирования английских личных имен с точки зрения лингвокультурологии. В исследовании О. В. Кисель [7] внимание уделяется коннотативным аспектам семантики личных имен и их связи с мотивами имяназвания на материале немецкого языка. Исследования А. Баха [8] посвящены истории развития и структурно-семантическим особенностям современных немецких имен.

Таким образом, **актуальность данного исследования** определяется неослабевающим интересом к феномену антропонима, ономастическим реалиям, представляющим собой важнейший языковой источник информации о культуре и истории народа. Сопоставительное изучение личных имен в английском и немецком языках позволяет выявить общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов.

В качестве **объекта исследования** выступают личные имена в современных английском и немецком языках. В то время как **предметом исследования** является изучение структурных особенностей личных имен как культурно-исторической категории.

Антропонимическая лексика, как правило, не обладает четким структурированным характером. Это прежде всего объясняется неоднородностью именника с точки зрения его происхождения. В именную систему любого языка входят как новые, так и старые имена; а также имена как созданные в данном языке, так и заимствованные. В отличие от древних имен, в которых признак мотивированности не является очевидным, новые имена обладают прозрачной внутренней формой.

В связи с генетической вторичностью древних имен, образованных на базе апеллятивов, их структура подлежит не актуальному, а историческому членению. Однако историческое членение не всегда может вскрыть достаточно достоверно морфемную сегментацию, так как многие древние имена восходят к апеллятивам чужих языков или же полностью утраченным апеллятивам. Вследствие отсутствия внутренней мотивированности большинство личных имен нередко воспринимаются как непроемные и лишённые внутренней формы. Перечисленные факторы обуславливают существенные расхождения между структурно-словообразовательными классификациями данного разряда имен собственных в современной лингвистике [9, с. 257].

Имя — это продукт человеческой культуры. Оно создается коллективом людей, который находится на определенной ступени исторического развития, и отражает важные, значимые концепты, лежащие в основе языковой картины.

Основной фонд личных имен английского и немецкого языков формировался в течение многих веков. Первоначально имянаречение было связано с культовыми действиями. Как и в других индоевропейских языках, древние английские и древние немецкие имена были призваны магически “влиять” на судьбу человека, дарить ему силу, отвагу, победу, покровительство богов и т.п. Поэтому имянаречение той поры не могло не отразить мировоззрение и менталитет народов. Примерами имен, сохранившихся и функционирующих на современном этапе развития языка, могут служить следующие имена: англ. *Harold, Connor, Manley*; нем. *Anselm, Wolfgang, Gotlind*.

В корпусе личных имен в английском и немецком языках исторически и этимологически выделяются две группы: одноосновные и двуосновные имена.

На современном этапе в именнике как английского, так и немецкого языка представляется возможным выделить три основных пласта одноосновных имен. Первый пласт — это древнеанглийские и древневерхнемецкие имена, которые все еще используются в процессе именованья, такие как англ. *Frodo* ‘мудрый’, *Aldous* ‘старый’; нем. *Arno* ‘орел’, *Benno* ‘медведь’, *Korbinian* ‘ворон’. Второй пласт составляют имена, заимствованные из различных языков на разных этапах их развития, например, англ. *Cara* исп. ‘дорогая’, *Alan* кельт. ‘скала’, *Fluer* фр. ‘цветок’; нем. *Beata* лат. ‘счастливая’, *Agnes* лат. ‘чистая’. Третий пласт представлен именами, которые возникли на современном этапе развития языка путем онимизации апеллятивов: англ. *Beryl* ‘берил’, *Flower* ‘цветок’, *Prince* ‘принц’, *Duke* ‘герцог’; нем. *Glück* ‘счастье’, *Jasmin* ‘жасмин’, *Schatz* ‘сокровище’. Семантика одноосновных имен довольно легко соотносится с именами нарицательными.

Во всех индоевропейских языках, в том числе и в английском и немецком, изначально господствовала одноименность. В установившихся к тому времени общественных условиях жизни, в эпоху родоплеменных отношений было достаточно одного имени чтобы идентифицировать личность человека как соплеменника или члена другого племени. Некоторые современные английские и немецкие личные имена исторически уходят корнями к древнегерманским личным именам: англ.: *Hugh, Gerald, Alice, Roger*; нем.: *Helmut, Berthold, Ernst, Adelheid*.

Одноосновные имена могли носить обсервационный характер, регистрируя один из признаков, характеризующих человека. Значение таких имен не выводится из суммы значений составляющих их компонентов.

Среди двуосновных имен были выделены два основных пласта, принадлежащие к разным этапам развития языка и культуры. Первый пласт составляют имена, произошедшие от древнегерманских имен, которые изначально состояли из двух основ: англ. *Albrecht, Colbert, Luther*; нем. *Burkhard, Friedrich, Adeltraut*. Ко второму пласту принадлежат имена, созданные на современном этапе развития именника в результате сложения двух одноосновных имен: англ. *Marianne, Annamaria, Mary-Jane*; нем. *Analiene, Anne-Dore, Hanswerner*.

Для древних имен германского происхождения, которые составляют неотъемлемую часть английского и немецкого именников, как и для имен других индоевропейских языков, была типична двуосновность. Имена состояли из двух частей, которые воспринимались как смысловое единство, т. е. они были образованы по сходным моделям из лексически однородных основ, что может свидетельствовать как об общности их происхождения, так и о том, что существовали определенные, присущие каждому из этих языков традиции, в соответствии с которыми создавались имена. Эти традиции восходят к периоду существования общеевропейской общности [10, с. 9].

Набор лексем, входящих в состав двуосновных имен, более ограничен по сравнению с одноосновными именами, поскольку выбор одноосновных прозвищных имен является свободным, а двуосновных — традиционным. Так, в древнеанглийском и древневерхненемецком языках в состав двуосновного имени могли входить не любые слова, а лишь строго определенные группы антропонимических основ. При образовании личных имен применялись преимущественно существительные, часто — прилагательные, реже предлоги и другие части речи. До сегодняшнего дня сохранились английские и немецкие имена данного типа: англ. *Bailay, Christopher, Arnold, Alexander, Pandora*; нем. *Siegfried, Wilfried, Wilhelm, Heinrich, Gertrud* [11, с. 16].

В результате анализа двуосновных имен были выделены шесть типов композитных структур в рамках единой ономастической словообразовательной модели личных имен:

1. «Существительное + существительное»: англ. *Alaric* ‘чужестранец’ + ‘правитель’, *Alvin* ‘эльф’ + ‘друг’, *Marshall* ‘лошадь’ + ‘слуга’; нем. *Helmger* ‘шлем’ + ‘копье’, *Wolfram* ‘волк’ + ‘ворон’, *Sigfrid* ‘победа’ + ‘мир, защита’.

2. «Существительное + прилагательное»: англ. *Branwen* ‘ворон’ + ‘белый’, *Maynard* ‘сила’ + ‘смелый, отважный’; нем. *Gundberaht* ‘битва, борьба’ + ‘блестящий, уважаемый, достойный’, *Dietmar* ‘народ’ + ‘известный’.

3. «Прилагательное + существительное»: англ. *Jerom* ‘святой’ + ‘имя’, *Conrad* ‘лысый’ + ‘совет’; нем. *Baldwig* ‘смелый’ + ‘битва, борьба’, *Berhtram* ‘блестящий, почтенный, уважаемый’ + ‘ворон’.

4. «Прилагательное + прилагательное»: англ. *Albert* ‘благородный’ + ‘яркий’, *Adelaide* ‘благородная’ + ‘добрая’; нем. *Hartlieb* ‘сильный, смелый, мужественный’ + ‘милый, дорогой’, *Baldhart* ‘смелый’ + ‘мужественный’.

5. «Глагол + существительное»: англ. *Alexander* ‘защищать’ + ‘человек, воин’, *Chapman* ‘торговать’ + ‘человек, мужчина’; нем. *Walthild* ‘господствовать’ + ‘борьба, война’.

6. «Существительное + глагол»: англ. *Christopher* ‘Христос’ + ‘нести’, *Montague* ‘холм’ + ‘указывать’; нем. *Gottlieb* ‘Бог’ + ‘любить’, *Gotthelf* ‘Бог’ + ‘помогать’.

Указанные структурно-морфологических модели характерны как для мужских, так и для женских имен.

Личные имена с трехчленными антропоосновами, как указывает А. Бах, встречаются крайне редко. Примерами таких имен в немецком языке могут служить вторичные композиты, созданные путем сложения уже имевшихся двусоставных антропооснов с третьей именной основой: нем. *Wolfdietrich*, *Hugdietrich* [8, с. 81]. В английском языке данный структурный тип имен не выявлен.

Что касается наличия смысловых связей между компонентами двусоставных имен, трактовка таких имен как сочинительных, т. е. копулятивных сложений, смогла бы объяснить особенности их первоначальной семантической структуры.

По мнению А. Баха [8], многие двусоставные личные имена несомненно возникли в результате детерминативного или копулятивного словосложения.

Примерами имен, имеющих в своей основе **детерминативное**, т. е. определительное словосложение, могут служить такие имена, как англ. *Theodora* ‘подарок Бога’, *Brenwen* ‘белый ворон’, *Bertram* ‘яркий ворон’, *Fingal* ‘светловолосый странник’; нем. *Gerhart* ‘твердый как копье’, *Eberhart* ‘сильный как кабан’, *Bernhart* ‘сильный как медведь’, *Kunirich* ‘князь рода’, *Berhtrich* ‘блистательный князь’, *Adalberth* ‘блистательный своим благородным происхождением’.

Копулятивные композитные структуры лежат в основе следующих имен: англ. *Alvar* ‘эльф и воин’, *Adelaide* ‘благородная и добрая’, *Luther* ‘мужчина и воин’, *Albert* ‘благородный и яркий’; нем. *Flatberht* ‘красивый и блистательный (знаменитый) одновременно’, *Berthard* ‘блистательный и сильный’, *Richzog* ‘князь и вождь одновременно’, *Arnulf* ‘орел и волк одновременно’, *Wolfram* ‘волк и ворон одновременно’.

На современном этапе развития языка довольно распространенными являются имена, образованные путем объединения двух имен или их частей. Например: англ. *Anella* < Ann(e) + Ella, *Marianne* < Mary + Anne, *Saralinda* < Sara(h) + Linda; нем./ *Hanswerner* < Hans + Werner, *Hansjürgen* < Hans + Jürgen, *Hannelore* < Hanna + Lore. Создание имен путем контаминации — явление, продуктивное и в наше время, — было вызвано стремлением иметь звучное, более короткое и цельнооформленное имя. Такие графические слияния двух имен в одно пишутся либо слитно, либо через дефис.

Таким образом, в структурном отношении английские и немецкие имена личные подразделяются на одноосновные и двусоставные. К одноосновным именам относятся имена, значения которых могут быть соотнесены со значениями имен нарицательных. Двусоставные имена формируются в соответствии с определенными моделями и состоят из определенного набора основ. Двусоставные имена в свою очередь подразделяются на детерминативные и копулятивные. Значение детерминативных имен выводится из суммы значений компонентов, которые вносят дополнительные характеристики в значение друг друга. В копулятивных двусоставных именах компоненты являются самостоятельными элементами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева К. Б. Английская антропонимия и ее стилистическое использование : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Б. Зайцева — Одесса, 1979. — 20 с.
2. Живоглядов А. А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Живоглядов. — М., 1987. — 16 с.
3. Ражина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Ражина. — Краснодар, 2007. — 38 с.
4. Гарагуля С. И. Имя личное как культурно-историческая категория современного английского языка : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Гарагуля. — М., 2000. — 47 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М. : Наука, 1996. — 465 с.
6. Леонович О. А. В мире английских имен / О. А. Леонович. — М. : АСТ, Астрель, 2002. — 160 с.
7. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кисель. — Челябинск, 2009. — 24 с.
8. Bach A. Deutsche Namenkunde / A. Bach // Band I, 1. Die deutschen Personennamen. 3., unveränderte Auflage. — Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1978. — 332 S.
9. Петрова Е. С. Пределы структурно-семантического развертывания антропонимов в современном английском языке : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Петрова. — Л., 1985. — 32 с.
10. Vornamenbuch/ N. Horst, G. Schlimpert, J. Schultheis. — 1. Aufl. — Leipzig : Bibliographisches Institut. — 1988. — 160 S.
11. Fleischer W. Die deutschen Personennamen. Geschichte, Bildung und Bedeutung / W. Fleischer // 2., durchgesehene und ergänzte Auflage. — Berlin : Akademie-Verlag, 1968. — 243 S.
12. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен / А. И. Рыбакин. — М. : Русск. яз., 1989. — 224 с.
13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 366 с.
14. Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1969. — 206 с.
15. Hanks P. A Dictionary of First Names / P. Hanks, F. Hodges. — Oxford, New York : Oxford University Press, 1990. — 443 p.

Поступила в редакцию 12.05.2014 г.

STRUCTURAL PECULIARITIES OF PERSONAL NAMES
IN ENGLISH AND GERMAN

Kerova L. V.

The article focuses on the analysis of structural peculiarities of personal names in the English and German languages. The structural analysis of personal names makes it possible to distinguish one-stem and two-stem personal names. The main word-building patterns of two-stem personal names as well as the interrelation between their structure and semantics have been considered.

Key words: personal names, structural peculiarities, comparative analysis.

Керова Лариса Витальевна

Аспирант кафедры английской филологии.
Донецкий национальный университет.

Kerova Larisa Vitalievna

Postgraduate student of Department of English Philology.
Donetsk National University.

e-mail: larisa.kerova89@gmail.com.

УДК 81'373.227:811.111

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ АСТЕРОИДОВ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

© 2016. А. А. Когадеева

Статья посвящена исследованию лингвокультурологических и лексико-семантических особенностей наименований астероидов в английском и русском языках. Проанализирован лингвистический статус космонимов, установлены особенности номинации космических объектов, а также экстралингвальные факторы, влияющие на их возникновение и развитие.

Ключевые слова: космоним, космонимическая лексика, лингвокультурологический аспект, лексико-семантическая группа, наименования астероидов.

Современная ономастика имеет ярко выраженный междисциплинарный характер и акцентирует внимание, прежде всего, на коммуникативных и когнитивных аспектах имён собственных, используя постулаты когнитивной лингвистики, изучающей сложные отношения языка и мышления.

Имена собственные наделены яркой национально-культурной семантикой. Фон имени собственного в одной национальной культуре значительно отличается от фона сопоставимого имени в другой — отличия эти не выводятся из внутриязыковой семантики, а связаны с особенностями истории, этнокультуры и духовной жизни народов, которые являются носителями сопоставляемых языков.

Имена собственные способны отражать национально-специфичные образы сознания. Современные исследователи выделяют национально-культурный аспект функционирования имён собственных. Поскольку человек именует в окружающем мире в первую очередь то, что особенно важно для него и необходимо для коммуникации, имя собственное сопровождает его повсюду на протяжении всей его жизни, являясь «зеркалом», в котором отражаются все стороны действительности. Культурные, национальные, социальные, исторические знания человека о самом себе отображают фоновые знания, образующие лексический фон, которые в структуре значения имени собственного находят выражение в семантических долях, состоящих из разного рода коннотативных значений эмоционального, социального, реального и ассоциативного характера [1, с. 227–229].

Изучение названий космических объектов занимает особое место в одной из областей языкознания, науке о собственных именах – ономастике. Эту часть ономастики принято называть астрономикой, или космонимикой. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской представлены два термина для названия объектов этой науки: *космоним* и *астроним*. Астрономика изучает имена точечных небесных тел, т. е. названия планет, их спутников, астероидов и метеоритов. Космонимика изучает имена пространственных объединений небесных тел так, как они видятся земному наблюдателю: созвездия, их частей, звёздные скопления, галактики [2]. В. Д. Бондалетов же предлагает объединить названия объектов космонимики под общим термином «космоним», что и является ключевым в данном исследовании [3, с. 72].

Космонимическая лексика, как компонент языковой системы, подчиняется ее закономерностям и по своим специфическим признакам имеет ряд особенностей.

Ю. А. Карпенко указывает на то, что способы номинации космических объектов в древнем и современном мире были различными. В древности названия небесных тел

возникали вследствие ассоциаций по сходству или по смежности с общественно значимыми предметами и явлениями. В современном мире открывается много новых космических объектов, названия которым дают учёные, руководствуясь преимущественно мемориальными целями — стремлением увековечить память выдающихся людей [4, с. 97; 5, с. 21–28].

Интерес к изучению наименований астероидов не случайно проявляется в настоящее время, в период интенсивного развития и пересечения культур. В постоянном обиходе используется множество культурных персонажей, географических названий, ставших доступными всему миру через средства массовой информации. Открыто уже около 400 000 астероидов, многие из которых имеют названия, значимые для мировой культуры. Именно они формируют образ современной ноосферы Земли.

Г. Бурба утверждает, что получают имена не все астероиды, а лишь те, для которых имеются более или менее надёжно высчитанные орбиты. Наблюдались случаи, когда астероид получал имя спустя десятки лет после открытия. До тех пор, пока орбита не рассчитана, астероиду приписывается порядковый номер, отражающий дату его открытия [6, с. 17-21].

Первый астероид, *Ceres* ‘Церера’, был открыт всего два века назад: 1 января 1801 года. Продолжая мифологическую традицию именования планет, астрономы назвали первые сто астероидов в честь античных богинь, отражающих разные законы земного порядка. На звездном небе появились астероиды *Pallas* ‘Паллада’, *Juno* ‘Юнона’, *Vesta* ‘Веста’, *Astraea* ‘Астрея’, *Hebe* ‘Геба’, *Iris* ‘Ирида’, ‘Ирис’, *Flora* ‘Флора’, *Victoria* ‘Виктория’, *Amphitrite* ‘Амфитрита’, *Isis* ‘Изида’ и многие другие. Количество открываемых астероидов увеличивалось, со временем имена античных богов для именования малых планет исчерпали себя, и первый астероид, который был назван не мифологическим именем — *Massalia* ‘Массалия’, в честь города Марселя. Впоследствии астероиды стали получать имена известных людей и ученых: *Benjaminsteele* ‘Бенджаминстил’ (биолог), *Hahn* ‘Хан’ (ядерный химик), *Stallman* ‘Столлман’ (программист), *Archimedes* ‘Архимед’ (математик), *Einstein* ‘Энштейн’ (физик), *Pawlowia* ‘Павловия’ (физиолог), *Freud* ‘Фрейд’ (психолог). Один из астероидов был назван *Lavrentina* ‘Лаврентина’ в честь академика, создателя Сибирского отделения Академии наук, М. А. Лаврентьева.

Астероидам также дают названия континентов, стран и городов всего мира: *Africa* ‘Африка’, *America* ‘Америка’, *Asia* ‘Азия’, *Kenya* ‘Кения’, *China* ‘Китай’, *Armenia* ‘Армения’, *Portugal* ‘Португалия’, *Latvia* ‘Латвия’, *Germania* ‘Германия’, *Hungaria* ‘Венгрия’, *Tokio* ‘Токио’, *Peking* ‘Пекин’, *Praha* ‘Прага’, *Potsdam* ‘Потсдам’, *Roma* ‘Рим’, *Luxembourg* ‘Люксембург’, *Krakow* ‘Краков’, *Moskva* ‘Москва’, *Crimea* ‘Крым’, *Odessa* ‘Одесса’, *Stockholm* ‘Стокгольм’, *London* ‘Лондон’, *Chicago* ‘Чикаго’, и даже названия вымышленных мест, например, *Utopia* ‘Утопия’.

В течение некоторого времени использовались только женские (или феминизируемые) названия. Мужские имена появились в номенклатуре космонимов только в XX веке, когда ученые начали открывать астероиды, имеющие нестандартные орбиты: *Icarus* ‘Икар’, *Eros* ‘Эрот’, *Damocles* ‘Дамокл’ [7].

Следует также обратить внимание на правило, в соответствии с которым астероиды не могут быть названы в честь их открывателя, поэтому исследователи давали имена астероидам в честь друг друга. Александр фон Хумбольдт был первым, кто назвал астероид *Alexandra* ‘Александра’ в свою честь, не отходя от традиции называния астероидов женскими именами. Еще одним исключением из правила является астероид *Crespodasilva* ‘Кресподасильва’, который был назван посмертно в

честь его исследователя, Люси Креспо да Сильва. В настоящее время существует множество наименований астероидов по именам астрономов-открывателей разных стран: *Lamberta* 'Ламберта', *Dembowska* 'Дембовска', *Gabriella* 'Габриэлла', *Vincentina* 'Винцентина', *Ducrosa* 'Дукроза', *Piazzia* 'Пиация' (имя открывателя первого астероида Церера), *Newtonia* 'Ньютония' (имя известного физика-математика), *López Moreno* 'Лопез Морено' (имя испанского астронома), *Chernykh* 'Черных', Alexosipov 'Алексосипов' (имена русско-украинских астрономов), *Akimasa* 'Акимаса' (имя астронома из Японии).

Малой планете № 2720 дано имя *Pyotr Pervyj* 'Петр Первый' в честь русского царя (с 1721 года императора), выдающегося государственного деятеля и полководца. В память об историческом событии в годы Северной войны, когда Петром I была одержана победа при деревне Лесной на территории нынешней Белоруссии, планете № 3482 было присвоено название *Lesnaya* 'Лесная'. Многие астероиды получили именонархов и известных политиков разных эпох: *Kleopatra* 'Клеопатра' (царица Египта), *Tamara* 'Тамара' (царица Грузии), *Ramses* 'Рамзес' (фараон), *Wladilena* 'Владилена' (советский политический деятель В. И. Ленин), *Washingtonia* 'Вашингтония' (первый президент США Джордж Вашингтон), *Garibaldi* 'Гарибальди' (народный герой Италии).

Особого внимания заслуживает созданный в последней четверти XX века «Космический мемориал» героев Великой Отечественной войны. Среди наименований астероидов встречаются имена героев, ветеранов и детей Второй Мировой, имена людей, которые достойны того, чтобы их имена были увековечены: *Zoya* 'Зоя' (Зоя Космодемьянская, партизанка), *Voloshina* 'Волошина' (В. Д. Волошина, советская разведчица), *Zhukov* 'Жуков' (Г. К. Жуков, известный советский военачальник, маршал СССР), *Winton* 'Уинтон' (Николас Уинтон, спаситель 669 еврейских детей), *Tanya* 'Таня' (Таня Савичева, ребенок ленинградской блокады), *Annefrank* 'Аннафранк' (Анна Франк, ребенок-жертва нацизма). В память генералиссимуса А.В. Суворова и генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова названы малые планеты *Suvorov* 'Суворов' и *Kutuzov* 'Кутузов'.

Богатая культурная жизнь народов в разные эпохи не могла не отразиться на наименовании астероидов. Космические объекты названы именами известных писателей, как классики, так и современности, например: *Sophocles* 'Софокл', *Voltaire* 'Вольтер', *Lewis Carroll* 'Льюискарролл', *Jack London* 'Джек', *Dostoevsky* 'Достоевский', *Pushkin* 'Пушкин', *Hugo* 'Гюго', *Chaucer* 'Чосер', *Shakespeare* 'Шекспир', *Dickens* 'Диккенс' и *Verne* 'Верн', *Tolkien* 'Толкиен', *Clarke* 'Кларк' и *Asimov* 'Азимов'. Встречаются астероиды, названные в честь известных композиторов: *Mussorgskia* 'Муссоргская', *Mozartia* 'Моцартия', *Bach* 'Бах', *Beethoven* 'Бетховен', *Glinka* 'Глинка', *Shostakovich* 'Шостакович', *Pakhmutova* 'Пахмутова', *Prokofiev* 'Прокофьев', *Chopin* 'Шопен', *Vivaldi* 'Вивальди', *Strauss* 'Страусс', а также в честь популярных исполнителей и музыкантов: *Elvis* 'Элвис', *Beatles* 'Битлз', *Rolling Stones* 'Роллинг Стоунз', *Pink Floyd* 'Пинк Флойд', *Enya* 'Энья', *Sinatra* 'Синатра', *Vanessa-Mae* 'Ванесса Мэй', *Vladysotskij* 'Владвысоцкий'. Малые планеты называли именами талантливых художников и архитекторов: *Michelangelo* 'Микеланджело', *Rembrandt* 'Рембрандт', *van Gogh* 'Ван Гог', *Goya* 'Гоя', *Monet* 'Моне', *Renoir* 'Ренуар', *Matisse* 'Матисс', *Wren* 'Рен' [8; 9].

Современные исследования ономастикона во всех языках связаны, прежде всего, с изучением и интерпретацией культурно-исторической информации, которая включает в себя знания об этнической истории, социальной жизни, материальной и духовной

жизни народа, поскольку в ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого её носителя.

Наименования астероидов имеют разнообразные культурные и географические корни. На начальном этапе астероидам давали имена героев римской и греческой мифологии, впоследствии открыватели обратились к именам знаменитых людей, героев Великой Отечественной войны, учёных, исследователей космоса, а также названия географических объектов всего мира из разных временных отрезков. Культурная жизнь народов разных эпох также не могла не отразиться на наименованиях малых планет, в основу которых положены имена известных писателей, художников и музыкантов. Наряду с астероидами греческого и римского происхождения, встречаются также единицы, имеющие кельтские, норвежские, французские, немецкие и испанские корни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шерстюкова Е. В. Национально-культурный аспект функционирования имён собственных на материале немецкого языка / Е. В. Шерстюкова, А. А. Колесников, А. П. Пересыпкин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 1 (5). — Ч. 1. — С. 227–229.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М. : Наука, 1978. — 199 с.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
4. Карпенко Ю. А. Названия звездного неба / Ю. А. Карпенко. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 184 с.
5. Карпенко Ю. А. Астронимика / Ю. А. Карпенко // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О. Н. Трубочёва. — М. : Школа-Пресс, 1994. — С. 21–28.
6. Бурба Г. Космические лилипуты / Г. Бурба // Вокруг света. — М. : ЗАО «Орбита Медиа Сервис», 2003. — №10 (2757). — С. 17–21.
7. Семира В. Астрология и мифология [Текст] / В. Семира. — СПб. : ЗАО «Атон», 1998. — 1072 с.
8. Dictionary of Minor Planet Names / Astronomisches Rechen-Institut. Lutz D. Schmadel. — 5th ed. — Berlin : Springer, 2003. — 992 p.
9. Dictionnaire de l'Astronomie et de l'Espace. Philippe de la Cotadiere, Jean-Pierre Penot. — Larousse-Bordas / HER, Paris, 1999. — 526 p.

Поступила в редакцию 06.02.2014 г.

LINGUOCULTURAL ASPECT OF NOMINATION OF ASTEROIDS IN MODERN ENGLISH AND RUSSIAN

Kogadyeyeva A. A.

The article deals with linguocultural and lexico-semantic features of the names of asteroids in English and Russian. Linguistic status of cosmonyms has been analysed, the peculiarities of nomination of space objects as well as the extra-linguistic factors, which influence their appearance and development, have been revealed.

Key words: *cosmonym, cosmonimic lexis, linguacultural aspect, lexico-semantic group, names of asteroids.*

Когадеева Анна Александровна

Аспирант кафедры общего языкознания и истории языка.

Донецкий национальный университет.

Kogadyeyeva Anna Aleksandrovna

Postgraduate student of Department of General Linguistics and Language History.

Donetsk National University.

УДК: 811.111'373.2:[811.112.2+811.134.2+811.161.1+811.161.2]

СТРУКТУРА ОТЗООНИМНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕМЕЦКИМ, ИСПАНСКИМ, РУССКИМ И УКРАИНСКИМ ЯЗЫКАМИ

© 2016. О. А. Кравченко, О. В. Мандрыко

Статья посвящена изучению структуры отзоонимных глаголов английского языка в сопоставлении с немецким, испанским, русским, и украинским языками. Представлены структурные классификации отзоонимных глаголов, выявлены изоморфные и алломорфные черты, определена степень продуктивности структурных типов отзоонимных глаголов в английском и других сопоставляемых языках.

Ключевые слова: отзоонимный глагол, степень продуктивности структурных типов.

Целью настоящей работы является комплексное исследование структуры глаголов, образованных от наименования животных (зоонимов), или отзоонимных глаголов (далее — ОГ). Анализируются глаголы английского языка в сопоставлении с другими языками: германской группы (немецкий), романской группы (испанский), славянской группы (русский, украинский). Исследование направлено на выявление сходств и отличий в структурной организации глаголов английского и других указанных языков. Изучение структуры ОГ базируется на опыте исследования отыменных глаголов, осуществленном в работе В. Д. Калиущенко «Типология отыменных глаголов» [3]. Также были использованы результаты исследований, представленных в трудах Ш. Р. Басырова [1], Е. С. Кубряковой [4, 5] и других. Количество английских ОГ, отобранных из словарей стандартной и нестандартной английской лексики, составляет 137 единиц. В сопоставляемых языках количество проанализированных глаголов следующее: в немецком – 123 единицы, в испанском — 140 единиц, в русском — 72 единицы, в украинском — 164 единицы. Общее количество отобранных для анализа глаголов — 636 единиц.

Словообразовательный анализ ОГ в английском, немецком, испанском, русском и украинском языках позволил выявить общие и отличительные способы образования этих языковых единиц. В целом способы образования ОГ в сопоставляемых языках обусловлены системными отношениями, присущими глагольному словообразованию каждого из исследуемых языков.

Основным способом образования ОГ в анализируемых языках является эксплицитный способ (морфологическая деривация), который охватывает следующие структурные типы ОГ:

- 1) суффиксальные ОГ;
- 2) префиксальные ОГ;
- 3) полупрефиксальные ОГ;
- 4) префиксально-суффиксальные ОГ.

Одновременно выявлены специфические структурные типы образования ОГ, а именно:

- 1) ОГ с рефлексивной частицей;
- 2) ОГ, образованные путем сложения слов;
- 3) ОГ типа «существительное + послелог»;
- 4) ОГ с рефлексивным комплексом.

Рассмотрим подробнее выделенные способы и структурные типы ОГ в английском, испанском, немецком, русском и украинском языках.

Суффиксальные ОГ представлены во всех сопоставляемых языках. В ОГ этого структурного типа соединительная словообразовательная морфема располагается после образующей основы. Сущность суффиксальной модели заключается в том, что суффикс упорядочивает определенную лексическую единицу в пределах более широкой семантической категории, в данном случае — действия или состояния. Как отмечает В. Н. Немченко, «существенным признаком суффиксального способа словообразования является присутствие в суффиксальных производных различных морфонологических изменений: чередования звуков образующей основы, усечения основ, наложения морфем и т.д., которые воспринимаются как вспомогательные словообразовательные средства» [6, с. 123].

В ходе анализа в английском языке выявлено только два суффиксальных ОГ (1,4 %), образующихся с помощью суффиксов *-ize*, *-lion*:

(1) англ. *tolionize* шутол. ‘носитья (с кем-н.) как со знаменитостью’; редк. ‘показывать или рассматривать памятники’ (← *lion* ‘лев’);

(2) англ. *toserpentine* книжн. ‘извиваться, виться и передвигаться как змея, по-змеиному’; ‘заставлять крутиться’ (← *serpent* ‘змея’).

По мнению А. И. Смирницкого, низкая продуктивность суффиксальных ОГ объясняется тем, что «... глагольное аффиксальное словообразование в английском языке, как и в других германских языках, характеризуется чрезвычайной бедностью словообразовательных аффиксов» [7, с. 111].

Осуществленный структурный анализ ОГ немецкого языка позволил выявить 19 суффиксальных ОГ (15,4%). В образовании немецких ОГ принимают участие такие суффиксы: *-el-*, *-er-*, *-s-*, *-z-*, *-enz-*, *-ch-*, *-ier-*, *-lier-*, *-ig-*. Среди них наиболее продуктивным является суффикс *-el-* (47% немецкой выборки), далее следует суффикс *-er-* (16 %); остальные суффиксы имеют низкую продуктивность. Например:

(3) нем. *miezeln* ‘ласкать, ласкаться, флиртовать’ (← *Miez* ‘кошечка, киса’);

(4) нем. *rackeln* ‘скрипеть, кряхтеть, хрипеть’ (← *Racke* ‘галка, грач’);

(5) нем. *haselieren* ‘шутить, душить, болтать’ (← *Hase* ‘заяц’);

(6) нем. *kluckern* ‘квохтать’ (← *Klucke* ‘наседка’).

Стоит отметить уникальный случай одновременного использования в немецком языке двух суффиксов (*-ig-*, *-el-*) при образовании такого ОГ:

(7) нем. *schweinigen* ‘свинячить’ (← *Schwein* ‘свинья’).

Словообразовательный анализ ОГ в испанском языке зафиксировал 89 суффиксальных образований (63,5 % выборки из испанского языка). Среди них наиболее продуктивными оказались суффиксы *-ar*, *-ear*, *-izar* (глаголы I спряжения), а также суффиксы *-er* и *-ecer* (глаголы II спряжения). Следует добавить, что наиболее продуктивным выступает суффикс *-ear* (64 ед. / 72 %). Например:

(8) исп. *anadear* ‘ходить, переваливаясь; ходить утиной походкой’ (← *ánade* ‘селезень, утка’);

(9) исп. *buitrear* ‘охотиться на грифов’ (← *buitre* ‘гриф’).

В современном украинском языке выявлено 51 ОГ (30 %), образованных по анализируемому структурному типу. Высокую продуктивность имеют аффиксы *-ит-* (*-ит-*), *-уват* - (*-юват-*), *-ат* - (*-ят-*), *-ут-*. Среди них самым продуктивным является суффикс *-ит-* (*-ит-*) (53 % выборки из украинского языка). Например:

(10) укр. *вошивіти* ‘стать вшивым’ (← *воша* ‘вошь’);

(11) укр. *тавити* ‘быть невнимательным, нерасторопным’; ‘терять какую-нибудь возможность’ (← *тава* ‘ворона’).

В русском языке количество отзоонимных глаголов, образованных с помощью суффиксации, составляет 31 единицу, то есть 43 % выборки. Наиболее продуктивными являются суффиксы *-ить-* (64,5 %) и *-ать-* (*-ять-*) (25,8 %). Например:

(12) русск. *бакланить* 'есть, принимать пищу'; 'разговаривать о чем-то, болтать' (← *баклан*);

(13) русск. *ехидничать* разг. 'быть ехидным, вьедливым; 'ехидно язвить' (← *ехидна*).

Таким образом, суффиксальный способ образования ОГ оказался наиболее употребляемым при образовании ОГ в испанском и русском языках, а наименьшее количество суффиксальных ОГ зафиксировано в английском языке.

Префиксально-суффиксальный способ образования ОГ имеется в трех языках: в испанском, русском и украинском.

Префиксально-суффиксальный способ словообразования объединяет определенные особенности префиксального и суффиксального способов. Как отмечает В. Н. Немченко, такой «смешанный способ аффиксального словообразования наиболее распространен в русском языке» [6, с. 124].

Основные словообразовательные средства в префиксально-суффиксальном способе образования ОГ создаются различными комбинациями префиксальных и суффиксальных словообразовательных морфем путём одновременного присоединения их к образующей основе.

Анализ ОГ в испанском языке обнаружил 19 единиц (13,6 %), образованных таким способом. Префиксально-суффиксальное словообразование в испанском языке реализуется с участием приставок *a-*, *des-*, *en-* / *em-* и суффиксов *-ar*, *-ear*, *-izar*. При этом наиболее продуктивной комбинацией аффиксов является сочетание (*en-* / *em-* + *-ar*) (42,1 %). Например:

(14) исп. *encabronar* 'злиться; беситься' (← *cabrón* 'козел').

Далее следуют комбинации (*a-* + *-ar*) (31,5%) и (*des-* + *-ar*) (15,8%). Например:

(15) исп. *amoscar* 'отгонять мух' (← *mosca* 'муха');

(16) исп. *descorderar* 'отделить ягнят от матки' (← *cordera* 'молодая овца').

Соединение (*a-* + *-ear*) и (*des-* + *-izar*) представлены единичными примерами:

(17) исп. *aperrear* 'спускать (натравливать) собак (на кого-либо)'; 'заваливать работой, загонять (кого-либо)' (← *perro* 'собака');

(18) исп. *desratizar* 'травить крыс' (← *rata* 'крыса').

В украинском языке префиксально-суффиксальная модель представлена 48 ОГ (29,2% выборки из украинского языка). Префиксально-суффиксальное словообразование в украинском языке реализуется с участием таких префиксов: *за-* (*з-*), *по-*, *о-*, *про-*, *при-*, *ви-*, *від-*, *с-*, а также суффиксов: *-ит-* (*-им-*), *-уват-* (*-юват-*), *-ат-* (*-ят-*). При этом наиболее продуктивными комбинациями приставок и суффиксов являются: (*по-* + *-ит-/им-*) (18,8 %), (*за-/з-* + *-ит-/им-*) (16,6 %) и (*о-* + *-ит-/им-*) (16,6 %). Например:

(19) укр. *порибалити* 'рыбачить какое-то время' (← *риба* 'рыба');

(20) укр. *зчервивити* 'стать червивым, непригодным для употребления' (← *черв* 'як 'червяк');

(21) укр. *обаранити* 'стать непонятливым'; 'очень растеряться' (← *баран* 'баран').

В русском языке было выявлено 18 ОГ, образованных при помощи префикса и суффикса (25 % выборки из русского языка). Образование ОГ осуществляется с помощью префиксов *за-*, *на-*, *без-*, *о-*, *от-*, *по-*, *при-*, *про-*, *с-* в сочетании с суффиксами *-ить-*, *-еть-*, *-ать-*. Наиболее продуктивными комбинациями оказались следующие: (*о-* + *-еть-*) (17 %), (*за-* + *-ить-*) (11 %), (*за-* + *-ать-*) (11 %) и (*при-* + *-ать-*) (11 %). Следующие примеры демонстрируют эти комбинации:

(22) русск. *осоветь* ‘стать сонным, расслабленным, полусознательным (от переутомления, отравления, пьянства и т. д.)’ (← *сова*);

(23) русск. *защучить* ‘захватить неожиданно’ (← *щучка*);

(24) русск. *завшиветь* ‘стать вшивым’ (← *вшия*);

(25) русск. *присобачивать* ‘пристраивать, присоединять, прикреплять’ (← *собака*).

ОГ с рефлексивной частицей. В сопоставляемых языках большинство глаголов являются каузативными. Каузативные (от лат. *causa* ‘причина’) глаголы (= каузативы) – это переходные глаголы, которые имеют значение причины или повода для совершения действия. Также выделяются глаголы, производные от каузативных — откаузативные (рефлексивные) глаголы. Структура откаузативных глаголов характеризуется наличием рефлексивного элемента: в немецком языке – это рефлексивное местоимение *sich*, в русском и украинском языках – аффикс (постфикс) *-ся*; в английском языке рефлексивным компонентом выступает сложное рефлексивное местоимение *oneself*, в котором вторым компонентом в структуре является существительное *self*, то есть ‘собственная личность, собственное’я” [1, с. 44–45].

В испанском, русском и украинском языках отмечены случаи образования ОГ с помощью рефлексивной частицы.

В испанском языке это местоименные глаголы, то есть глаголы с рефлексивным элементом *-se* в конце слова. Например:

(26) исп. *aburrarse* ‘глупеть, дуреть, тупеть’ (← *burro* ‘осел, ишак’).

Эта форма рассматривается как аффиксальный дериват, в образовании которого одновременно может участвовать частица *-se* в сочетании либо с суффиксом, или с суффиксом и префиксом. Продуктивность этой модели составляет в испанском языке 22,9 % (32 ед.). Сочетаемость частицы *-se* с суффиксом отмечена в 20 испанских ОГ (62,5 %) (*avisparse* ‘оживляться, вдохновляться’; ‘беспокоиться, заботиться’; ‘пугаться’← *avispa* зоол. ‘оса’; *ratonarse* ‘объедаться мышами (о кошке)’ ← *ratón* ‘мышь’) сочетаемость частицы *-se* с префиксом и суффиксом составляет 12 единиц (37,5 %) (*entigrearse* ‘бурлить, неистовствовать (о непогоде)’ ← *tigre* ‘тигр’).

В украинском языке ОГ могут образовываться с помощью постфикса *-ся* в комбинации с префиксом / суффиксом. Продуктивность этой модели составляет 39 % (64 ед.). Сочетаемость постфикса *-ся* с суффиксом отмечена в 25 ОГ (39% выборки), а сочетаемость постфикса *-ся* с префиксом и суффиксом составляет 39 единиц (61 %). Например:

(27) укр. *тарганитися* ‘таскаться’ (← *тарган* ‘таракан’);

(28) укр. *розголубитися* ‘начать излишне нежиться’; ‘понежиться’ (← *голуб* ‘голубь’).

Так же, как и в украинском языке, ОГ в русском языке образуются с помощью постфикса *-ся* в сочетании с суффиксом или с префиксом и суффиксом одновременно. Таким образом, в русском языке было выявлено 22 глагола, образованных по этой модели, что составляет 30,6% от выборки и русского языка. Сочетаемость постфикса *-ся* с суффиксом, так же, как и сочетаемость постфикса *-ся* с префиксом и суффиксом составляют равную продуктивность: в каждой модели было обнаружено 11 единиц, что составляет 50 %. Например:

(29) русск. *выёживаться* ‘вести себя вызывающе, пытаться приковать к себе внимание’ (← *ёж*);

(30) русск. *окрыситься* ‘злобно, раздраженно ответить’; ‘рассердиться на кого-то’ (← *крыса*);

(31) русск. *собачиться* ‘ругаться, ссориться’ (← *собака*)

(32) русск. *ягниться* ‘рождать ягнят; оягниться’ (← *ягненок*).

Сложение слов. ОГ, образованные путем сложения слов были обнаружены в английском, русском и украинском языках.

Отметим, что подобные ОГ свойственны преимущественно английскому словообразованию, в украинском и русском языке они представлены лишь единичным примером (33) укр. *коногонити* (← ‘гнати коня’ ← ‘кінь’), (34) русск. *коногонить* ‘быть коногоном’.

Путем сложения основ в английском языке образовано 11 ОГ (8 %). Такие глаголы пишутся в английском языке слитно или через дефис.

Например:

(35) англ. *tobird-dog* ‘отбивать чью-л. девушку’; ‘наблюдать за кем-л.’ (← *bird* ‘птица’ + *dog* ‘собака’);

(36) англ. *tocoldcock* ‘вырубить, оглушить (нанести удар, от которого теряют сознание)’ (← *cold* ‘холодный’, *cock* петух’);

(37) англ. *todoggone* ‘чаще всего употребляется с местоимением *it* для выражения удивления, раздражения или гнева *doggoneit* — черт возьми’ (← *dog* ‘собака’ + *gone* ‘опустившийся, пропащий’);

(38) англ. *tofly-fish* ‘удить на муху, на блесну’ (← *fly* ‘муха’ + *fish* ‘рыба’).

ОГ типа «существительное + послелог». Только в английском языке обнаружены ОГ, образованные путем объединения существительного и стоящего после него предлога (частицы). Например:

(39) англ. *to bug out* ‘спешно собираться и перебираться на другое место’ (← *bug* ‘жук’)

(40) англ. *to clam up* ‘замолчать, замолкнуть’ (← *clam* ‘двустворчатый моллюск’);

(41) англ. *to mouse around, about, along* ‘следить, отслеживать, выслеживать’ (← *mouse* ‘мышь’);

(42) англ. *to wolf down* ‘пожирать с жадностью’ (← *wolf* ‘волк’).

Послелог – разряд служебных слов, выражающих различные отношения между главным и зависимым членами словосочетания и выполняющих функцию подчиненной синтаксической связи внутри словосочетания и предложения. Функционально послелог соответствует предлогу, но в отличие от него всегда находится в постпозиции. В связи с тем, что послелог часто выражает синонимичное значение (*to crow about / over* ‘злорадствовать, насмехаться’ ← *crow* ‘ворона’), подсчитать производительность каждого из них не представляется возможным. Всего было выявлено 27 глаголов (19,7%), образованных по такой модели. Чаще всего используются предлоги, стоящие после существительного *out, around, up* и *over*.

Только в немецком языке выявлены **ОГ, образованные с участием рефлексивного комплекса**. Под рефлексивным комплексом подразумевается сложный словообразовательный формант, неотъемлемой частью которого является немецкий рефлексивный элемент *sich* (см.: [1, с. 5]).

Рефлексивный комплекс может состоять из рефлексивного элемента и префикса, рефлексивного элемента и суффикса или из рефлексивного элемента, префикса и суффикса.

В немецком языке ОГ могут образовываться с помощью рефлексивного элемента *sich* в следующих комбинациях:

(43) основа существительного + *sich* + формант *-en* (*sichaalen* разг. ‘нежиться, потягиваться’ (← *Aal* ‘угорь’);

(44) полупрефикс + основа существительного + *sich* + формант *-en* (*sichabdackeln* ‘устать, набегаться’; ‘хлопотать за кого-н.’ (← *Dackel* ‘такса’);

(45) основа существительного + суффикс + *sich* + умлаут + формант *-en* (*sichschlängeln* ‘извиваться, виться, выгибаться, змеиться’ (← *Schlange* ‘змея’));

(46) полупрефикс+ основа существительного + суффикс + *sich* + умлаут + формант *-en* (*sichdurchschlängeln* ‘пробираться, прокрадаться’ (← *Schlange* ‘змея’)).

Продуктивность этого способа образования ОГ составляет в немецком языке 8,9 % (или 11 единиц). Наиболее продуктивным структурным типом является комбинация «основа существительного + *sich* + формант *-en*» (6 единиц, или 54,5 %). Далее следует структурный тип «полупрефикс + основа существительного + *sich* + формант *-en*» (3 единицы, или 27%). Другие комбинации представлены единичными примерами.

Только в немецком языке **выявлены полупрефиксальные ОГ**. Полупрефиксы характеризуются некоторыми особенностями, в значительной мере приближающими их к связанным морфемам (истинным префиксам). Многие полупрефиксы совпадают как по звучанию, так и по смыслу с предлогами. Глагольные полупрефиксы могут сочетаться с основами имён существительных, то есть выступать средством «оглаголивания» основ имён существительных, как и отдельные префиксы. Проведенный анализ ОГ немецкого языка выявил 10 единиц (8,1 %) с полупрефиксами *ab-*, *an-*, *aus-*, *ein-*. Наиболее продуктивным среди них является полупрефикс *ab-*, который участвует в образовании 7 единиц (70%), другие производные представлены единичными примерами и составляют 10%. Например:

(47) нем. *abferkeln* ‘опороситься’ (← *Ferkel* ‘поросенок’);

(48) нем. *andackeln* (*angedackeltkommen*) ‘медленно приближаться’ (← *Dackel* ‘такса’);

(49) нем. *ausfischen* ‘выловить всю рыбу’ (← *Fisch* ‘рыба’);

(50) нем. *Einsauen* ‘запачкать что-то’ (← *Sau* ‘свинья’).

Префиксальные ОГ. Префиксация, так же как и словосложение, является древним, но продуктивным до нашего времени способом словообразования. Сущность данного словообразовательного процесса состоит в том, что корню слова предшествует, присоединяясь к нему, словообразовательная морфема, которая изменяет лексическое значение слова, но в большинстве случаев не влияет на принадлежность его к тому или иному грамматическому классу. Не изменяются при этом и грамматические формы слова: существительное сохраняет свой грамматический род и склонение, глагол — тип склонения. От модели словосложения префиксация отличается тем, что первой частью слова является морфема, которая не выступает в качестве самостоятельной лексической единицы.

Данный способ образования ОГ присутствует только в немецком языке. Он характеризуется формально тем, что связанная словообразовательная морфема предшествует образующей основе. Как отмечает М. Д. Степанова, «префиксация в целом не является средством перевода одной части речи в другую. Исключения составляют глагольные префиксы *be-*, *ent-*, *er-*, *ver-*, *zer-*, которые присоединяются как к глагольным, так и к именным основам» [8, с. 527]. Наиболее продуктивными являются префиксы *ent-*, *ver-* (по 2 ед. с каждым префиксом). Например:

(51) нем. *entmotten* ‘избавляться от моли’ (← *Motte* ‘моль’);

(52) нем. *verlausen* ‘стать вшивым, покрыться вшами’ (← *Laus* ‘вша’).

Префиксы *be-* и *er-* представлены единичными ОГ (16,6%).

Например:

(53) нем. *befischen* ‘вылавливать рыбу’ (← *Fisch* ‘рыба’);

(54) нем. *erfischen* ‘выудить’ (← *Fisch* ‘рыба’).

Имплицитный (безаффиксный) способ образования ОГ характеризуется взаимным переходом частей речи без участия словообразовательных средств (суффик-

сов, префиксов). Словообразование без какого-либо различия в аффиксах принято называть конверсией: «Конверсия является таким видом словообразования, при котором словообразовательным средством выступает сама парадигма слова», – отмечает А. И. Смирницкий [7, с. 71].

Конверсия всегда рассматривалась как типологическая особенность английского языка. Конверсия исследуется как особая разновидность процессов транспозиции, то есть процессов, устанавливающих связи между отдельными частями речи. При конверсии источник деривации и ее результат оказываются материально тождественными. Важно подчеркнуть, что особенность этого явления состоит не в расширении и не в сужении мотивирующей основы, а в ее переосмыслении, в «повороте» основы и рассмотрении её под новым углом.

Особенностью конверсии в английском языке является сложность определения в плане синхронии производной основы от образующей основы ввиду отсутствия словообразовательного аффикса — маркера производного слова (обычно этот вопрос может быть решен только в аспекте исторической этимологии). Наличие «внутренней флексии» (аблаута, умлаута) целесообразно, по мнению М. Д. Степановой, рассматривать «как функционирование одной и той же основы в условиях разной дистрибуции (то есть различного окружения) ...» [8, с. 527]

Проведенный анализ ОГ английского языка обнаружил 97 единиц (70,8 %), образованных путем конверсии. Например:

(55) англ. *toshrimp* ‘ловить креветок’; ‘ловить на креветку (используя в качестве приманки)’ (← *shrimp* ‘креветка’);

(56) англ. *topeacock* ‘кичиться, задаваться’; ‘рисоваться, позировать’ (← *peacock* ‘павлин’).

Анализ ОГ немецкого языка обнаружил 77 единиц (62,6 %), образованных имплицитным способом:

(57) нем. *aalen* ‘ловить угрей’ (← *Aal* ‘угорь’)

(58) нем. *storchen* разг. ‘ступать, как на ходулях, переставлять ноги, как аист’ (← *Storch* ‘аист’).

Модель имплицитного словообразования является наиболее продуктивной в английском и немецком языках. В испанском, русском и украинском языках эта словообразовательная модель не представлена.

Итак, для английского, как и для немецкого, языка наиболее продуктивным способом образования ОГ является модель имплицитного (безаффиксного) словообразования. По этой модели в английском языке образуется 71 % от общего количества проанализированных глаголов, а в немецком — 63 %. Вторым по продуктивности в английском языке является способ словосложения (28 %), не отмеченный в немецком языке. Противоположная ситуация наблюдается в случае суффиксального образования ОГ: в немецком языке суффиксальные образования составляют 15%, а в английском языке только 1,5 %.

При рассмотрении эквивалентной пары «имя — глагол» было выявлено, что в испанском, украинском и русском языках ОГ могут образовываться исключительно аффиксальным способом (морфологическая деривация). Наиболее продуктивным способом образования ОГ в испанском языке является суффиксация (63,5 %). На втором месте стоят ОГ, образованные с помощью только возвратной частицы *-se* или ОГ с участием префикса, суффикса и возвратной частицы (22,9 %). Наименее продуктивно в испанском языке ОГ образуются префиксально-суффиксальным способом (13,6 %).

В русском языке наиболее продуктивным способом создания ОГ является суффиксальный (43 %), второй по продуктивности является модель образования ОГ с

участием постфикса *-ся* и суффикса или префикса и суффикса одновременно (30,6 %). Префиксально-суффиксальный способ образования ОГ достигает 25 %, а модель сложения основ» представлена единичным примером (*коногонить* ‘быть коногоном’ ← ‘гнать коня’). В украинском языке примерно одинаковую продуктивность обнаруживают три способа образования ОГ: а) суффиксальный, б) префиксально-суффиксальный и в) структурный тип с использованием рефлексивного комплекса.

Только в английском языке отмечены производные ОГ с участием послелога, а также образованные путем конверсии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках / Ш. Р. Басыров. — Донецк : ДонНУ, 2004. — 333 с.
2. Дресслер В. У. Об объяснительной силе естественной морфологии / В. У. Дресслер // Вопросы языкознания. — 1986. — № 5. — С. 33-46.
3. Калиущенко В. Д. Типология отыменных глаголов: Монография / В. Д. Калиущенко. — Донецк : Донеччина, 1994. — 422 с.
4. Кубрякова Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия, 2002. — 707 с.
5. Кубрякова Е. С. Конверсия в современном английском языке // Вестник ВГУ. — Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 2. [Электронный ресурс] / Е. С. Кубрякова, В. А. Гуреев. — Режим доступа: <http://vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2002/02/kubryzkova.pdf> (дата обращения 11.01.2016).
6. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. — М.: Высшая школа, 1984. — 255 с.
7. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка / А. И. Смирницкий. — М.: Добросвет, 1988. — 238 с.
8. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. Краткий очерк / М. Д. Степанова // Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. — М.: Русский язык, 1979. — С. 519–536.

Поступила в редакцию 26.01.2016 г.

STRUCTURE OF VERBS DERIVED FROM ZOONYMS IN ENGLISH IN COMPARISON WITH GERMAN, SPANISH, RUSSIAN AND UKRAINIAN

Kravchenko O. A., Mandryko O. V.

The article addresses the structure of English verbs derived from zoonyms. They are compared with the ones in German, Spanish, Russian and Ukrainian. The structural classification of these verbs is suggested with isomorphic and allomorphic features being identified. The productivity of structural types in English and other languages under analysis has been considered.

Key words: zoonyms, structure, degree of structural types productivity.

Кравченко Оксана Анатольевна

Доктор филологических наук, профессор.

Донецкий национальный университет.

Kravchenko Oksana Anatolievna

Doctor of Philology, Professor.

Donetsk National University.

e-mail: 1234oksana@rambler.ru.

Мандрыко Ольга Вячеславовна

Магистр филологии.

Донецкий национальный университет.

Mandryko Ol'ga Vyacheslavovna

Master of Philology.

Donetsk National University.

e-mail: ilovespaik@rambler.ru

УДК 811.161.2'42

АРГУМЕНТАЦІЯ ОЦІНКИ В ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ТЕКСТІ

© 2016. М. М. Михальченко

Стаття посвящена аналізу аргументації оцінки в публіцистическому тексті. Охарактеризовано місце аргументації в структурі оцінки, розглянуто вплив аргументації на переконливість оціночних суджень. Проаналізовані основні способи обґрунтування оцінки в публіцистическому тексті. Виявлені основні функції аргументації оцінки.

Ключевые слова: оцінка, аргумент, аргументація, текст.

Антропоцентричний характер сучасних мовознавчих досліджень актуалізує всебічне вивчення феномену оцінки, що нерозривно пов'язаний з пізнанням і осмисленням дійсності. Різні аспекти функціонування оцінки у мові висвітлені в працях як українських, так і зарубіжних дослідників (Н. Арутюнова, В. Гак, Г. Золотова, Т. Космеда, Т. Маркелова, В. Ткачук, В. Шинкарук та ін.). Контекстуальна залежність оцінки та її текстотвірний потенціал спрямовують увагу науковців до виявів цієї категорії в текстах різних типів, цікаві спостереження знаходимо в роботах І. Арнольд, О. Вольф, Т. Губаєвої, М. Крамаренко, І. Онищенко, О. Островської, А. Папіної, С. Равлюк та ін. Зв'язок інформування та переконування, яскраво репрезентований у соціальній комунікації, активізує дослідження оцінки в публіцистическому тексті. Незважаючи на значну кількість лінгвістических студій з проблем оцінки, у сучасній науці про мову недостатньо уваги приділено питанню аргументації оцінних суджень.

Мета пропонованої статті – дослідити специфіку аргументації оцінки в текстах українських ЗМІ. Мета зумовлює реалізацію таких завдань: 1) розглянути особливості аргументів як елементів структури оцінки; 2) з'ясувати основні способи аргументації оцінки в публіцистическому тексті; 3) виявити функції аргументів оцінки в тексті сучасних ЗМІ.

Як відомо, оцінка має потужні можливості впливу, що зумовлює актуальність вивчення її функціонування саме в публіцистическому тексті. Висловлені автором такого тексту оцінки впливають на читача, викликають реакцію, спонукають до певних міркувань і вчинків. Важливо, що саме в публіцистическому тексті, розрахованому на масового адресата, активізується соціальна зумовленість оцінки: (1) *Про пошанування милосердя. Йому потрібно ставити пам'ятники, щоб будити приспану пам'ять нащадків і постійно нагадувати про єдність українців* (День. – 31 січня 2014). Як справедливо зауважує Н. Арутюнова, «оцінне висловлення вже саме по собі виражає комунікативну мету рекомендації, спонукування до дії, застереження, похвали або осуду. Воно виховує норми поведінки» [1, с. 6]. Імперативно-регулятивна специфіка оцінки повною мірою реалізується в тексті ЗМІ, а тому особливо вагомими стають аргументи.

У структурі оцінки аргументація посідає особливе місце. Аргумент можна кваліфікувати як факультативний, проте важливий, елемент оцінної конструкції, що допомагає сприйняттю та розумінню оцінного висловлення. Наприклад: (2) *Дуже страшно «затюкати», зламати дитину, її волю, позбавити її власної думки, змусити сліпо і беззаперечно підкорятися старшим. Адже виховуючи дітей, ми готуємо їх до життя в суспільстві, допомагаємо їм розвинути в собі особистісні якості* (Gazeta.ua. – 11 лютого 2014). У «Короткому словнику з логіки» аргументацію

визначено як «судження (або сукупність взаємопов'язаних суджень), за допомогою якого обґрунтовується істинність якого-небудь іншого судження (або теорії)» [2, с. 17]. Під аргументацією оцінки ми розуміємо наведення доводів з метою пояснити оцінку, посилити оцінне значення або переконати адресата в правдивості оцінки. Для аргументів, що супроводжують оцінне судження, важливе дотримання автором класичних правил аргументації, що забезпечує адекватне розуміння оцінки [2, с. 18]: аргументи мають бути істинними; істинність аргументів має встановлюватися незалежно від тези; аргументи мають бути належною підставою для тези. Саме такі аргументи сприятимуть переконливості оцінного судження. Наприклад: (3) *В бюджеті-2014 медицина буде профінансована краще, ніж будь-коли раніше. Загальні видатки на медицину у бюджеті на 2014 рік сягають 60.9 млрд гривень, що на 6.3% більше, ніж у минулому році. 85% суми піде на оплату праці медперсоналу, 15% – на закупівлю медикаментів та обладнання. Галузь охорони здоров'я буде профінансовано на 4.9% ВВП. За словами експертів, це найвищий рівень фінансування галузі за роки незалежності* (День. – 5 лютого 2014). Подібна аргументація сприяє висхідній градації оцінки: у наведеному прикладі позитивна оцінка посилена шляхом наведення конкретних даних, порівняльного аналізу показників, акцентування на об'єктивності інформації, а також звернення до авторитету експертів.

Як наголошує В. Гак, аргументація оцінки «покликана показати об'єктивність суджень мовця та переконати слухача в оцінці» [3, с. 93]. Для публіцистичного тексту важливою є здатність аргументації посилювати вплив оцінки на адресата, а тому необхідно, щоб аргументи були універсальними, розрахованими на сприйняття кожним читачем. У такому випадку аргументи привертають увагу читача до оцінки, дозволяють залучити його до формування думки про оцінюване явище чи об'єкт. Аналізуючи значення оцінних слів, А. Папіна робить висновок про те, що «для адресата важливе не розуміння значення слів оцінки, а її інтерпретація, оскільки при цьому мають бути враховані «численні прагматичні імплікації», тобто додаткова інформація, заснована на життєвому досвіді адресата, який інтерпретує оцінку, намагаючись розтлумачити її» [4, с. 267]. Справді, аргументи можуть не знайти інтерпретації адресата, якщо розуміння неможливе без наявності пресупозицій. У наведених прикладах обґрунтування позитивної (4) та негативної (5) оцінок розраховане на людей, обізнаних у певній галузі, зокрема у мистецтві (4) та комп'ютерних технологіях (5): (4) *«Такі роботи відкривають інший світ! У графіці все інакше, це – найдавніший вид передачі образів, який пішов ще з первісних людей. Графіка – це ораторія, де беруть участь усі жанри образотворчого мистецтва»*, – поділився враженням народний художник України, графік Володимир Шендель (День. – 13 лютого 2014); (5) *Для жертв зараження може обернутися катастрофічними наслідками. Шкідливе ПЗ перехоплює всі комунікаційні канали і збирає найбільш важливу інформацію з комп'ютера користувача. Виявити зараження надзвичайно складно через доступні в рутині механізми приховування і наявні додаткові модулі кібершпигунства. На додаток до вбудованих функцій, зловмисники могли закачувати на заражений комп'ютер модулі, що дозволяють виконати набір будь-яких шкідливих дій* (День. – 12 лютого 2014).

Різновидом аргументів, за О. Вольф, постає відкриття мотивів оцінки [6, с. 121]. Водночас, як стверджує Г. Рузавін, «оскільки під час аргументації доводиться добиватися згоди аудиторії з твердженнями, припущеннями, рішеннями, що висувуються, та доводами та підтвердженнями, що їх обґрунтовують, остільки аргументатор повинен бути готовим до аналізу тих неявних ціннісних орієнтацій, на які спирається, переважно імпліцитно, та чи інша аудиторія» [7, с. 145]. Саме тому перед автором

тексту виникає непросте завдання, передбачити, спрогнозувати вплив аргументів на читача. Мотиви автора не завжди можуть стати аргументами для адресата.

У публіцистичному тексті активізується комунікативне прагнення переконати адресата, отже доведення істинності оцінок автора набуває особливої значущості. Частотним є вживання аргументів до авторитету: покликання на висловлення видатних науковців, суспільних діячів, експертів апелює до їхнього авторитету. Наприклад, автор статті про депозити в українських банках звертається до авторитетної особи: (6) **Відомий експерт, виконавчий директор Міжнародного фонду Блейзера Олег Устенко вважає, що гривневі депозити залишаються для українців найбільш зручним засобом заощадження та примноження коштів. Про це він сказав в ефірі телеканалу БТБ (День. – 13 лютого 2014).** Однак не слід забувати, що «покликання на те, що певна людина дотримується певної думки, нічого не говорить про істинність цієї думки» [2, с. 18]. Водночас покликання на конкретні показники або розрахунки нерідко постає переконливим для читача, далі в тексті аналізованої статті читаємо: (7) **«Якщо думати щодо курсу гривні та привабливості, наприклад, гривневих депозитів, то все одно вона (ставка) залишається найпривабливішою: якщо дивитися, скажімо, середню депозитну ставку за річними депозитами на гривню, вона сягає близько 18%. Наприклад, для ставки депозитів за долларом США – це близько 8% у середньому – я маю на увазі по 12-місячних. Якщо дивитися в Євро, то це трохи менше ніж 7%. Тобто в будь-якому разі доходність у гривні вища», – наводить докази експерт (День. – 13 лютого 2014).** Необхідно зауважити, що аргументація безпосередньо пов'язана із градацією оцінки, її інтенсивність посилюється із додаванням кожного наступного аргументу: (8) **«Навіть якщо думати просто з приводу перерахунків за курсом, то це означає: коли ви вкладаєте зараз там, скажімо, при курсі 8,5 грн за 1 доллар, то у вас є люфт фактично плюс ще 1,7 грн для того, щоб ви могли отримати ту ж суму в доларах. Тобто 8,5+1,7 – це 10,3. Вас дуже б влаштував курс 10,3 – це ваша додаткова вигода», – додав він (День. – 13 лютого 2014).**

У результаті дослідження текстових виявів оцінки нами виділено чотири способи обґрунтування оцінки (рис. 1): фінальна аргументація оцінки, ініціальна, замкнена та кільцева [8].

У проаналізованих нами публіцистичних текстах репрезентовані всі наведені способи обґрунтування оцінки. Розглянемо їх детальніше.

1. Фінальна аргументація оцінки представлена в тексті після репрезентації оцінки (**оцінка → аргументація**). Наприклад:

(9) **Прогноз тривалості шлюбу буде сприятливішим, коли родину створюють люди віком 25-30 років. До цього часу вони вже встигли пожити самотійно, навчилися вирішувати проблеми і не перекладати відповідальність за свої вчинки на партнера (Gazeta.ua. – 10 січня 2014).**

Н. Арутюнова зауважує, що хоча «загальна оцінка є підсумком зіставлення позитивних і негативних властивостей об'єкта (предмета або стану справ), послідовність повідомлень часто не відбиває хід практичного міркування: мовець спочатку повідомляє аксіологічний підсумок, а потім приступає до фактичної характеристики об'єкта» [9, с. 216]. У публіцистичному тексті такий спосіб реалізації оцінки часто застосовується, зокрема й для привернення уваги, наприклад у заголовках. Так, нерідко у заголовку реалізовано позитивну чи негативну оцінку, а аргументи на її підтвердження подані в тексті статті. Заголовок з чіткою позицією автора не залишається без уваги, змушує замислитись про мотиви такої позиції, спонукає погодитись із запропонованою думкою або заперечити її. Наприклад: (10) **Свята**

найкраще проводити на горі Тростян ((Gazeta.ua. – 10 січня 2014). У прикладі (11) *Екзотичний дизайн і приголомшливий вид на океан – казкова вілла в Таїланді* (Gazeta.ua. – 14 січня 2014) вербальний копонент тексту доповнено невербальним: наведені фото також переконують в істинності оцінки вілли автором. У заголовку автор нерідко може пом'якшувати оцінку, наприклад, замінюючи ствердження на питання: (12) *Чому видобуток сланцевого газу не може сильно нашкодити екології?* (День. – 17 грудня 2013). У такий спосіб автор також активізує увагу читача, анонсує конкретні аргументи в тексті статті.

На окрему увагу заслуговують фотоаргументи. Наприклад, у виданні «Gazeta.ua» від 17 лютого 2014 року під заголовком *«Фото, які доводять, що собака – найвірніший друг людини»* розміщено серію фото на підтвердження такої думки.

У випадку фінальної аргументації вираження оцінки супроводжується її тлумаченням, що не лише підкреслює думку та доводить її справедливість, але й налаштовує читача на сприйняття наведеного судження саме в такому смисловому плані. Подібне спрямування інтерпретативної діяльності набуває особливого значення для негативних оцінок, що більшою мірою потребують уточнення:

(13) *При подібній реакції шкіри на мороз не радить приймати препарати проти алергії.*

«Вони лише нашкодять і викличуть побічні ефекти, приміром, додаткові висипання на шкірі. Пригадую, як одна молода дівчина почала приймати антигістамінні таблетки, не проконсультувавшись із фахівцем. Як побічний ефект, з'явилася сухість у роті, навіть температура піднялася. Варто пам'ятати: справжню алергію лікують препаратами, а алергію на холод ліквідують, долаючи симптоми» (Gazeta.ua. – 10 січня 2014). У наведеному прикладі показовим є звернення до реального випадку з життя.

Переконливим аргументом оцінки постає також вказівка на можливий наслідок (негативний або позитивний) зі зворотного реальному стану речей: (14) *Неприпустиме забуття жертв усіх часів, маємо робити висновки, щоб не повернулася наша трагічна історія* (День. – 20 січня 2013). Водночас гіпотетичний негативний результат посилює позитивну оцінку, і навпаки: (15) *Утім їсти їх слід правильно, бо інакше можна суттєво зашкодити здоров'ю, особливо тим, хто має проблеми зі шлунково-кишковим трактом, підшлунковою залозою, печінкою тощо* (Львівська газета. – 4 травня 2013).

Як наголошує В. Здоровега, у журналістиці більш поширена фактологічна аргументація, за якої журналіст безпосередньо звертається до дійсності [5, с. 123]. Саме така інформація, з послідовним наведенням статистичних даних і кількісних показників, домінує у фінальній аргументації оцінки. Наприклад: (16) *Падіння промвиробництва катастрофічно прискорилося. Обсяги промислового виробництва в Україні в січні 2014 року скоротилися на 5%, порівняно з січнем минулого року. Про це повідомила Державна служба статистики. А порівняно з груднем минулого року падіння промвиробництва в січні-2014 досягло 16%* (Gazeta.ua. – 18 лютого 2014).

2. Ініціальна аргументація подана в тексті перед вираженням оцінки (аргументація → оцінка). Наприклад:

(17) *Таке розмаїття приписуваних слову «накладанець» значень свідчить про те, що воно органічно вписується в національно-мовну картину світу й, отже, має майбутнє. То чому б не підтримати тих українців, які віддають перевагу слову накладанець, що виникло з питомих ресурсів української мови, над германізмом бутерброд чи полонізмом канапка?* (Gazeta.ua. – 23 грудня 2013).

Наведені аргументи ініціюють сприйняття аксіологічної інформації, спрямовують прочитання оцінки. Оцінка ж у такому викладі є вмотивованим висновком. Наприклад: (18) *Безумовно, кияни люблять і цінують не стіни «Жовтня», а його культурну роботу, репертуарну багатогранність, фестиваліні програми та інші креативні новації. У нас є своя аудиторія, це, здебільшого, освічені і культурні громадяни. «Жовтень» входить до міжнародної професійної спільноти кінозакладів «Європа Сінема» зі штаб-квартирою в Парижі. Це доводить відповідність роботи «Жовтня» міжнародним стандартам якості* (День. – 12 лютого 2014).

Особливо переконливим аргументом постає апеляція мовця до оцінок інших осіб: (19) *Знаєте, коли ми набираємо у школу чи студію, то навіть об'яв робити не потрібно бо за одне місце змагаються по 20-25 чоловік! І це говорить про величезний інтерес молоді до фольклору, народного танцю, і зокрема, величезне бажання виступати у нашому ансамблі* (День. – 17 січня 2014). Водночас важливо, щоб це були особи, які є авторитетними і для автора, і для адресата. У такий спосіб підвищено об'єктивність суджень: автор намагається відмежуватись від судження, покликаючись на іншого суб'єкта, що сприяє висхідній градації оцінки: (20) *Дослідження французьких вчених засвідчило, що велика кількість кави та чаю в раціоні людини не є такою шкідливою для здоров'я, як повна їх відсутність* (Львівська газета. – 19 червня 2013).

3. Закннена аргументація оцінки подана в тексті між реалізаціями оцінки (*оцінка → аргументація → оцінка*). Початкова та прикінцева оцінки в такому блоці переважно мають різні ступені інтенсивності, оскільки надання аргументів уточнює попереднє оцінне значення та впливає на сприйняття наступного.

(21) *І ось несподіваний і бажаний результат музейного Різдва — серед відгуків у фейсбуці одна з мам написала: «Моя малеча в захваті від подарунку письменника Сашика Дерманського. Читали в дорозі, на зупинках, навіть увечері на дні народження... Книжки перемогли гаджети!»* (День. – 16 січня 2014).

Сприяє переконанню адресата й емоційно-образна аргументація оцінки. У прикладі (22) образна позитивна оцінка курорту доповнена запереченням негативних аспектів відпочинку. У такий спосіб автор прогнозує реакцію читача та заздалегідь уникає ймовірних заперечень:

(22) *Виявляється, Південний берег Криму взимку – як огранений діамант порівняно із самородним алмазом. Ні тобі довжелезних черг у численні музеї, ні тисяч автівок на вузьких звивистих дорогах, ну а ціни зовсім не кусаються – 100-200 гривень за номер у комфортабельному готелі у самій Ялті – столиці курортного Криму. ... І нехай Крим не має такого національного колориту, як Карпати, нехай він має значно більшу популярність улітку, але і взимку його варто відвідувати, особливо якщо ви хочете із зими поринути у м'яку субтропічну осінь і якщо давно мрієте побачити кримські пам'ятки без натовпу туристів* (День. – 12 січня 2014).

У наведеному оцінному блоці знаходимо цікавий приклад висхідної градації позитивної оцінки: (23) *Я щасливий, бо моя дружина — співачка, солістка Національної опери України Алла Родіна. Багато чого пишу спеціально для неї, на її голос. Не можу не писати, бо її голос звучить в мені, він наче сам наспівує щось, а мені залишається тільки розкидати знаки по нотному стану. Це найбільше щастя, коли Алла виконує мої твори. Наприклад, на Великодньому фестивалі в лютеранській церкві вона потрясаюче співала мою Мессу для сопрано й оркестру. Довелося, правда зробити інтерпретацію для струнного квартету (оркестр зібрати поки що не зміг). Записали ми з нею і кантату на вірші Шарля Бодлера «Любов Смерть». Тож мрії*

втілюються, хай не всі, але суттєві! (День. – 31 січня 2014). Позитивна оцінка композитором своєї долі (*я щасливий*) посилюється з розгортанням аргументів (*це найбільше щастя*), зростаючи до кінцевих показників на оцінній шкалі (*мрії втілюються*).

4. Кільцева аргументація оцінки в тексті поєднує в собі ініціальну та фінальну аргументацію: оцінка міститься між повідомленням аргументів: *аргументація* → *оцінка* → *аргументація*. Наприклад: (24) *«Інтерв'ю CNN я давав англійською мовою. І оскільки не володію англійською досконало, то мої відповіді могли бути невірно інтерпретовані. До того ж, я не завжди на сто відсотків міг зрозуміти зміст і тонкощі питань»*, – заявив Євген Плющенко (Gazeta.ua. – 10 лютого 2014).

С. Оганесян стверджує, що «успіх аргументації значною мірою залежить від урахування аргументатором чинника адресата» [10, с. 12]. Безперечно, наводячи аргументи, суб'єкт оцінки зважає на можливість їхнього впливу на адресата. Цікавими у цьому розрізі видаються приклади аргументів, що апелюють до чуттів адресата та пропонують самостійно переконатися у справедливості оцінки: (25) *В одному приміщенні буде представлено класичну експозицію оригіналів, інсталяції з використанням сучасних технологій та нестандартних способів презентації, тому відвідувачам будь-якого віку буде цікаво, – продовжує Н. Заболотна. – Що ж до змісту, то я впевнена – для творів Шевченка немає віку давності, бо вони будуть актуальними завжди. У кого є сумніви – той може прийти і переконатися в цьому сам* (День. – 11 лютого 2014). У такий спосіб автор компенсує можливу інформативну недостатність аргументів, наведених на початку блоку.

У прикладах кільцевої аргументації репрезентовані переважно різні типи аргументів. Так, аргумент до авторитету відкриває текстовий блок, готуючи читача до сприйняття оцінки, а інформативні аргументи в кінці блоку детально її пояснюють: (26) *Фахівці «Центру сімейної медицини» переконують, що ультразвукове дослідження на сьогодні не має протипоказань. Це безболісний, високоефективний метод дослідження захворювань у дорослих і дітей. УЗД – дослідження на апаратах експертного класу, що дозволяє візуалізувати найдрібніші деталі, побачити найменші структурні зміни в органах і системах* (Gazeta.ua. – 13 січня 2014).

Для публіцистичного тексту важливими є і раціональні, і емоційні оцінки, оскільки, за слушним твердженням В. Здоровеги, «публіцист вдається до своєрідного поєднання логічно-абстрактного і конкретно-образного мислення, впливаючи на розум і почуття людини, стимулюючи її певні вчинки, соціальну активність» [5, с. 230]. Проте варто зазначити, що в аналізованих публіцистичних текстах вагомішими та інформативнішими постають аргументи, пов'язані з раціональними оцінками. Повідомлення аргументів робить оцінку переконливою, забезпечуючи дотримання категорії якості кооперативного принципу спілкування («Намагайся, щоб твоє висловлення було істинним») [11]. Наявність аргументів у структурі оцінного текстового блоку сприяє встановленню «спільного смислового поля» [12, с. 14] автора та читача.

Аргументація оцінних суджень у тексті сучасних ЗМІ не лише реалізує оцінку автора, деталізує та доводить її, але й впливає на формування позиції читача. Розгортаючи аргументацію в тексті, автор посилює інтенсивність реалізованої оцінки та її переконливість. Для подальшого дослідження лінгвістичної категорії оцінки важливим постає глибокий аналіз її виявів у текстах різних типів.

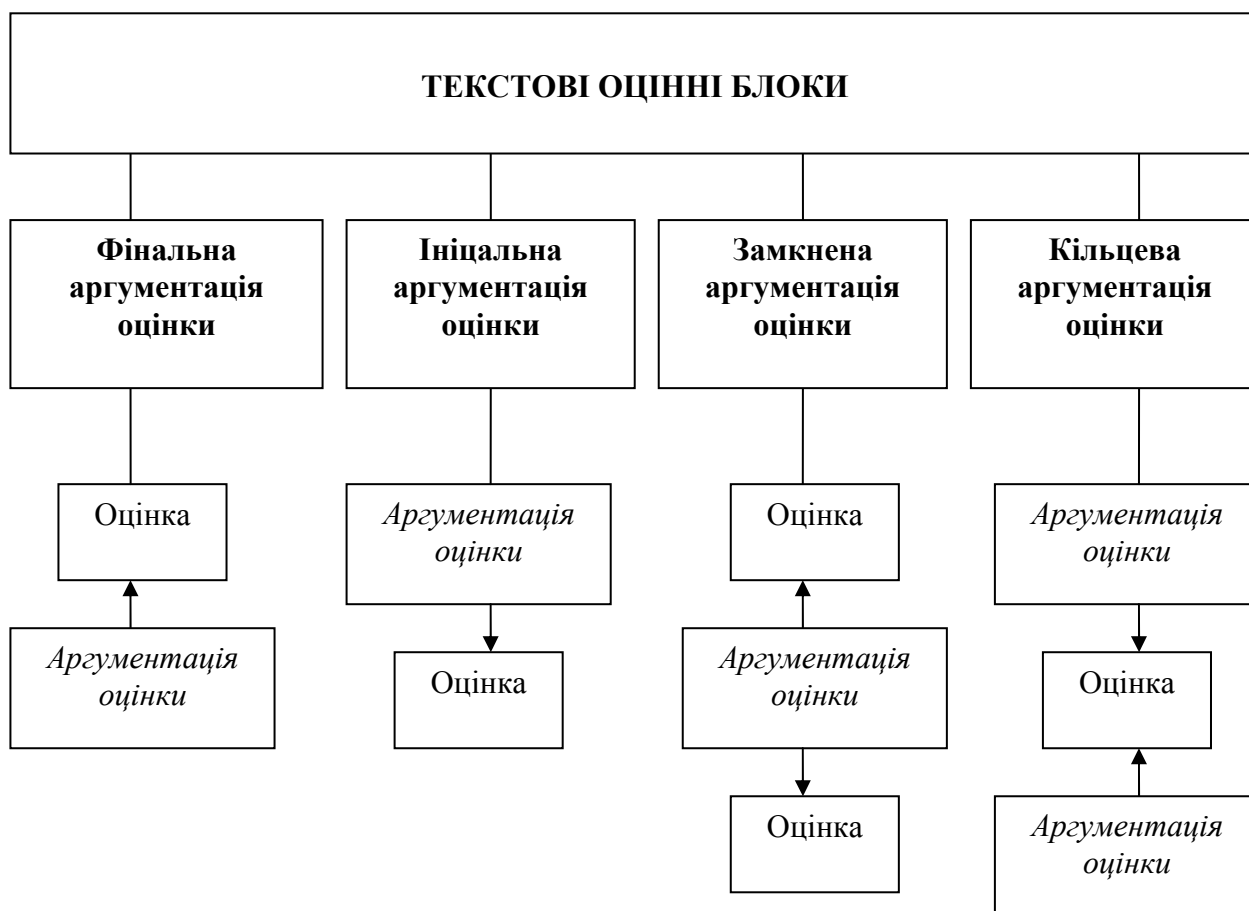

Рис. 1. Способи аргументації оцінки в тексті.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова Н. Д. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Горский Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
3. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1997. – № 3. – С. 87–94.
4. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : [учебник для студ.-журналистов и филологов] / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
5. Здоровега В. Й. Теорія і методика журналістської творчості : [підручник] / В. Й. Здоровега. – 3-те вид. – Львів : ПАІС, 2008. – 276 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – [изд-е 2-е, доп.]. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
7. Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации / Г.И. Рузавин. – М. : [Б. и.], 1997. – 204 с.
8. Михальченко М. М. Внутрішньотекстова градація оцінки: комунікативно-прагматичні функції: Дис. ... канд. філол. наук / М. М. Михальченко. — Донецьк, 2010. — 224 с.

9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. — 895 с.
10. Оганесян С. Г. Предметная область аргументации и основные понятия теории аргументации / С. Г. Оганесян // Философские проблемы аргументации. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1986. – С. 8–20.
11. Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / Т. В. Романова ; под. ред. проф. Г. Н. Акимовой. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 296 с.
12. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.

Поступила в редакцию 29.04.2014 г.

EVALUATIVE ARGUMENTATION IN JOURNALISTIC TEXT

Mykhalchenko M. N.

The article deals with the analysis of evaluative argumentation in journalistic texts. The status of an argument in the evaluation structure is revealed. The effect of argumentation upon the evaluative persuasiveness has been considered. The principal ways of evaluative argumentation in journalistic texts have been analysed. The main functions of evaluative argumentation have been singled out.

Keywords: evaluation, argument, reasoning, text.

Михальченко Марина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент.

Донецкий национальный университет.

Mikhalchenko Marina Nikolayevna

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

e-mail: mykhalchenkomm@mail.ru

УДК 821.161.1'367

ПРОЕКТ СИНТАКСИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПЕРВЫЕ ИТОГИ¹

© 2016. *Н. В. Патроева*

Статья посвящена характеристике перспективного и удобного для применения в исследовательской практике средства инвентаризации грамматического материала – конкорданса, который представлял бы в полном объеме синтаксический репертуар поэзии того или иного автора либо литературного направления, метода, школы, периода в развитии русской поэзии.

Ключевые слова: русская поэзия, лирика, поэтический синтаксис, идиостиль, конкорданс, словарь языка поэзии.

Создание словарей языка русских поэтов (индивидуальных или связанных с каким-либо периодом в развитии литературы), в т.ч. компьютерная лингвография, с такими подразделами, как лексикография, фразеография, морфемография, паремиография, – активно и плодотворно развивающееся в современной лингвистике и стилистике направление. Апробированные уже методики создания словарей и конкордансов позволяют выявить общеязыковые и индивидуально-авторские словоупотребления, зафиксировать лексическую многозначность и омонимию, представить толкования значений, выяснить морфологические особенности используемых поэтами слов и словоформ разных частей речи, проанализировать грамматические и смысловые особенности ключевых слов, слов в позиции рифмы, частотность лексем и словоформ и т.п. Однако несмотря на то, что современная отечественная филология накопила уже значительный опыт создания традиционных и компьютерных словарей авторской речи (из наиболее авторитетных изданий следует отметить коммуникативный словарь Г. А. Золотовой [1], семантический словарь под редакцией Л. Г. Бабенко [2], а также «Словарь языка русской поэзии XX века» [3]; подробная характеристика словарей русской поэзии представлена в работе [4; с. 380-435]), существующие словари и конкордансы не позволяют эффективно использовать их данные для регистрации и многостороннего описания материалов поэтических текстов на синтаксическом уровне. Даже при всем том богатстве возможностей, которые предоставляет исследователям, например, «Национальный корпус русского языка», «на настоящий момент он не располагает инструментами поиска в одном из самых продуктивных направлений стиховедческих штудий последних десятилетий, а именно в сфере поэтического синтаксиса» [5; с. 105]). В современной отечественной и мировой филологии нет опыта создания словаря-конкорданса синтаксического типа, который представлял бы тезаурус конструкций, используемых при построении поэтического текста разными авторами, представителями целого ряда литературных методов и направлений, а также выяснить особенности индивидуально-авторского слога на синтаксическом уровне.

Накопленные на сегодняшний день в отечественной филологии словарные материалы, корпуса текстов, конкордансы отдельных писателей и литературных эпох не позволяют пока в полной мере выявить особенности идиостиля автора на

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00180.

синтаксическом уровне в силу отсутствия специальных компьютерных программ-лемматизаторов, выполняющих синтаксический разбор текстов на уровне не только словосочетания, но и предложения, выясняющих грамматические модели построения простого и сложного предложения в авторском тексте, частотность той или иной конструкции. В результате область поэтического синтаксиса остается лишенной столь перспективного и удобного для применения в исследовательской практике средства инвентаризации грамматического материала – конкорданса, который представлял бы в полном объеме синтаксический репертуар поэзии того или иного автора либо литературного направления, метода, школы, периода в развитии русской поэзии.

В последние два десятилетия не столько лингвистами, сколько литературоведами, с опорой на высказанные много ранее О. Бриком, Г. Винокуром, Б. Томашевским, Б. Ярхо идеи, ведется активная работа по изучению типологии синтаксических связей внутри строки, строфы, на границе между ритмическими единицами поэтической речи (см., напр.: [6, с. 164-167; 7, с. 268-269; 8]), однако выявление степени «тесноты», «силы» или «слабости» грамматических связей не может решить всех задач, связанных с анализом поэтического дискурса, его синтаксической специфики и эволюции.

Конкретными целями, стоящими перед создателями «Синтаксического словаря русской поэзии», стали регистрация, классификация, компьютерное (сетевое) представление репертуара всех синтаксических единиц и конструкций, используемых русскими поэтами XVIII – первой половины XIX вв., в их соотносительности с жанром, литературным методом, автором, ритмо-метрической схемой, частотностью использования.

Синтаксический словарь русской поэзии должен стать словарем-конкордансом и одновременно частотным словарем, демонстрирующим общие и частные тенденции в творческой эволюции отдельных поэтических идиостилей, в развитии русской поэтической речи, а также русского литературного языка в целом на грамматическом уровне, в аспекте традиционности, преемственности или становления синтаксических, жанрово-стилистических, ритмо-метрических норм.

Создание синтаксического словаря-тезауруса в ближайшем будущем позволит представить в динамике и жанрово-стилистической обусловленности историю синтаксического строя русского литературного языка ломоносовской, карамзинской и пушкинской поры, общую картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлабо-тонической поэзии XVIII – первой половины XIX вв., выяснить общее и различное в общелитературном и поэтическом синтаксическом строе.

Основным результатом первого годового этапа выполнения научного проекта являются подготовленные для внесения в открывающий синтаксический словарь-конкорданс том, таблицы с синтаксической и ритмо-метрической разметкой конструкций, используемых русскими поэтами XVIII века (А. Кантемир, М. Ломоносов, М. Херасков, А. Сумароков, В. Тредиаковский, Г. Державин, И. Дмитриев, Н. Карамзин, И. Крылов, А. Радищев), представляющие синтаксический инвентарь русской поэзии эпохи барокко, классицизма и сентиментализма, частотность разных структурно-семантических типов предложений и расширяющих либо осложняющих элементарную модель синтагм у того или иного автора в их соотношении со строфической и метрической организацией поэтического текста (на материале малых жанров – од, посланий, басен, сатир, переложений псалмов, эпиграмм и др.).

Создание синтаксического словаря-тезауруса позволяет не только представить в динамике и жанрово-стилистической обусловленности историю синтаксического строя русского литературного языка ломоносовской и карамзинской поры (поскольку преобладающими жанрами данного периода были именно поэтические жанры), общую

картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлаботонической поэзии XVIII – первой половины XIX вв., выяснить общее и различное в общелитературном и поэтическом синтаксическом строе, но и выявить идиостилевые доминанты каждого поэта на синтаксическом уровне организации стихотворного произведения. Это позволит в ближайшем будущем создать фундаментальную историческую грамматику русской поэтической речи как частной подсистемы русского литературного языка XVIII – первой половины XIX вв., поскольку именно в этот период судьбы языка художественной литературы и книжно-письменного языка были тесно связаны, в силу того что реформаторами языка являлись поэты той эпохи (Ломоносов, Тредиаковский, Карамзин).

Разработанная руководителем проекта Н. В. Патроевой новая методика лексикографического представления поэтических контекстов предоставят возможность отбора единиц: а) по условному образцу (например, структурная схема) или типологической рубрике (например, двусоставное или односоставное, простое или сложное и т.д. предложение); б) по частоте использования; в) по заглавным лексемам или первым строкам произведения (в неозаглавленных стихотворениях); г) по жанровой принадлежности; д) по ритмо-метрической схеме; е) с точки зрения типа строфы или наличия астрофической либо полистрофической организации текста. В результате пользователь будущего словаря может получить список всех синтаксических примеров (контекстов), относящихся к рассматриваемому типу конструкции, ритмо-метрической схеме, композиционному типу, жанровой разновидности, а при необходимости и выяснить распространенность того или иного типа синтаксических структур в стихотворном творчестве выбранного автора либо ряда поэтов, относящихся к одной литературной школе, направлению, методу (с целью выявления стилистических синтаксических доминант).

Открывают созданный в течение первого проектного года таблицы с синтаксической разметкой простых двусоставных, простых односоставных, осложненных простых двусоставных, осложненных простых односоставных предложений. Затем следуют таблицы, описывающие сложные бинарные (с сочинением, подчинением и бессоюзием) и многокомпонентные сложные (с разными видами синтаксических связей между предикативными частями) предложения. Табличные данные представляют, помимо структурной характеристики, типологию простых предложений по целеустановке, интонации, модальной характеристике и сложных предложений с точки зрения смысловых отношений между частями полипредикативной конструкции. В таблицах также указывается длина предложения, тип метрической схемы стиха, тип композиционной строфической (по типу строфы) либо астрофической организации, наличие или отсутствие анжамбемана (переноса из строки в строку).

Важнейшими результатами научного проекта «Синтаксический словарь языка русской поэзии XVIII – первой половины XIX века» должны стать:

1) создание конкорданса используемых в русской поэзии XVIII – первой половины XIX вв. синтаксических конструкций, в их соответствии с семантикой, строением, длиной предложения, коммуникативной целеустановкой высказывания, интонацией фразы, композицией (строфическим либо астрофическим построением) и ритмо-метрической схемой стихотворного текста;

2) создание научных трудов по проблемам истории и типологии русского поэтического синтаксиса, содержащих анализ отдельных авторских идиостилей на грамматическом уровне;

3) внедрение полученных сведений и лексикографических разработок в учебный (образовательный) процесс;

4) разработка новейших методик и программ синтаксической разметки, лемматизации и анализа поэтического текста на синтаксическом уровне.

Опыт создания синтаксического словаря русской классической поэзии позволит в дальнейшем распространить и использовать полученные результаты, программы и методики в современной исследовательской работе, лексикографической практике и образовательном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — М. : УРСС, 2001. — 439 с.
2. Русские глагольные предложения : экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — М. : Флинта: Наука, 2002. — 462 с.
3. Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.). Т. I-V. — М. : Языки славянской культуры, Знак, 2001-2013 (продолж. изд.).
4. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 464 с.
5. Белоусова А. С. Проблемы исследования стихотворного синтаксиса и поэтический корпус / А. С. Белоусова // Корпусный анализ русского стиха: Сб. научных статей. Вып. 2. — М. : Издательский центр «Азбуковник», 2014. — С. 105–112.
6. Шапир М. И. *Universum versus*: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII-XX веков. / М. И. Шапир. — Кн. 1. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 536 с. 7. Гаспаров М. Л. Статьи о лингвистике стиха / М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 288 с.
8. Скулачева Т. В. Стих и проза: сочинение и подчинение / Т. В. Скулачева, М. В. Буякова // Вопросы языкознания. — 2010. — № 2. — С. 37–54.

Поступила в редакцию 30.04.2014 г.

SYNTACTIC DICTIONARY OF RUSSIAN POETRY OF 18TH – FIRST HALF OF 19TH CENTURY: FIRST RESULTS

Patroyeva N. V.

The article focuses on the analysis of Concordance, which is used in the research practice and treated as a promising and convenient tool of grammar material inventory. Concordance can represent the syntactic repertoire of a poet or a literary trend, of a method, a school as well as a period in the development of the Russian poetry. Due to the above-mentioned circumstances, the relevance and novelty of the theme of the expected fundamental project seems to be quite reasonable.

Key words: Russian poetry, lyric poetry, poetic syntax, idiosyncrasy, concordance, dictionary of language of poetry.

Патроева Наталья Викторовна

Доктор филологических наук, профессор.

Петрозаводский государственный университет.

Patroyeva Natalya Viktorovna

Doctor of Philology, Professor.

Petrozavodsk State University.

e-mail: kafrus@petsu.ru.

УДК 811.161.1'282.4'33'373.2:639.2.081.1(477.74)

ФРЕЙМ ЯК ОДИНИЦЯ ЛЕКСИКОГРАФІЧНОГО ОПИСУ

© 2016. Л. А. Петрова, А. В. Просяна

В статье рассматривается теория фрейма применительно к познавательным особенностям человека в лингвистике, к процессам обобщения человеческого опыта, также подаются варианты определения этого термина. Приводятся определения этого термина таких выдающихся лингвистов, как Е. Селиванова, Н. А. Кульчицкая, И. А. Тарасова, Е. А. Юрина, Е. В. Падучева, С. А. Жаботинская. Рассматривается фрейм в соответствии с концепцией М. Минского как представляющий стереотипные ситуации в сознании (памяти) человека. Фреймовая теория является перспективным направлением в когнитивной лингвистике. В настоящее время исследователи признают факт того, что наиболее эффективным способом представления знаний является их систематизация, накопление человеком в виде фреймов.

Ключевые слова: фрейм, фреймовый подход, ассоциативно-образное поле.

У центрі уваги когнітивної лінгвістики виявилися питання, пов'язані з поясненням розумових особливостей людини, з тим, як пізнавальні процеси і процеси узагальнення людського досвіду виявляються в мові. В наш час у розвитку лінгвістичної науки дослідники визнають факт того, що найбільш ефективним способом представлення знань є їх схематизація (представлення знань), накопичених людиною у вигляді фреймів.

Фрейм, за М. Мінським, — це структура, що репрезентує стереотипні ситуації у свідомості (пам'яті) людини або інтелектуальної системи і призначена для ідентифікації нової ситуації, що базується на такому ситуативному шаблоні [1, с. 10].

Цю категорію було введено в 1974 році М. Мінським, відомим дослідником в галузі штучного інтелекту. Він розглядав два види фреймів, що зараз прийнято називати статичними (або просто фреймами) і динамічними фреймами (сценаріями). Статистичний фрейм є структурою знань у вигляді таблиці, що представлена вузлами (що в лінгвістиці виражені лексикою), зв'язані дугами. Динамічний фрейм схожий на концепт-сценарій. Фрейми є структурами представлення знань, що відбивають типову інформацію про об'єкти. Фрейм є структурою, що має заголовок і набір вузлів, пов'язаних між собою. Вузол є визначеним поняттям, що може бути, а може і не бути задане в явному вигляді. Якщо поняття не конкретизоване, воно пояснюється в результаті процесу узгодження цього фрейму з деякою конкретною ситуацією, що має місце в зовнішньому світі. Вузли, не задані в явному вигляді (Мінський називає їх терміналами) є нижнім рівнем графової структури, а верхній рівень складають поняття, що завжди правильні стосовно цього фрейму. Розшифровка значення фрейму відбувається під час конкретизації й узгодженні терміналів. Важливим є використання тих самих терміналів різними фреймами. Це дає змогу координувати інформацією, що збирається з різних джерел. Значенням вузла, крім простого значення, може бути й інший фрейм [1, с. 6].

Концепція фреймів формувалася у контексті відомого Стенфордського Проекту створення інтегрального робота «око – рука», де фрейм мислився як знаряддя для моделювання процесу сцен з дійовими особами, супутніми предметами, фоном тощо. Фрейми означали стереотипні, еталонні сцени, добре відомі людині з життєвого досвіду або спеціальних знань, під які можна було підводити нові, близькі до них сцени, щоб у такий спосіб розпізнавати структуру нових сцен та ситуацій [2, с. 645-646].

Концепцію М. Мінського інтерпретував Ч. Філлмор із метою опису семантичних ролей складників ситуації як відмінкової рамки й розуміння нової інформації на підставі шаблону цієї рамки [2, с. 62]. Рівнями когнітивної структури тексту, на думку М. Мінського, є поверхнево-синтаксичний фрейм (знання про синтаксичну структуру, порядок слів, прийменникові зв'язки), поверхнево-семантичний фрейм (значення слів, які репрезентують подію, і відношення між актантами, сірконстантами та предикатом), тематичний фрейм, пов'язаний із темою, портретами, оточенням; і фрейм оповіді (нарративна схема, що представляє загальні моделі сюжетів, фокус уваги оповідача і т. ін.) [1, с. 28—30].

Фреймовий підхід є доволі перспективним у сучасній когнітивній лінгвістиці, адже модель фрейма є гнучкою й узгодженою із психологічними концепціями пам'яті й експериментальними психофізіологічними даними Р. Шенк підкреслював, що винахід фрейма став справжньою сенсацією для штучного інтелекту, ця структура виявилася надзвичайно важливою для створення моделей розуміння природної мови. Структура фрейма розглядається по-різному. Деякі дослідники ототожнюють його із пропозицією, предикатно-актантною рамкою, чим засвідчують виключно вербальну природу й істинність, несуперечливість фіксованої інформації (Ч. Філлмор, Р. Ленекер, Д. Норманн, Д. Румельхарт та ін.). Вузлами предикатно-актантної структури фрейма є слоти. Інші когнітивісти доповнюють пропозиційне ядро фрейма термінальною частиною периферії, модусом і концептуальним планом. Розширення структури фрейма забезпечує його нове розуміння не лише як вербальної структури знань, а і як багатовимірної, що поєднує з мислиннево-вербальною інформацією образну, сенсорно-моторну, емоційну та прагматичну [2, с. 645–646].

Розширення структури фрейма забезпечує його нове розуміння не лише як вербальної структури знань, а і як багатовимірної, що поєднує з мислиннево-вербальною інформацією образну, сенсорно-моторну, емоційну та прагматичну.

Дослідженням «фреймової теорії» в наш час займаються багато відомих мовознавців, які виокремили певні твердження, поняття про «фрейм».

Олена Селіванова говорить про фрейм, як про структуру репрезентації знань, у якій відображено набуту досвідним шляхом інформацію про деяку стереотипну ситуацію та про текст, що її описує, а також інструкцію по її використанню [2, с. 645]. Н. О. Кульчицька наголошує на тому, що фрейм – це багатокомпонентний, об'ємний концепт, він найбільшою мірою пов'язаний з поняттям семантичного поля [4, с. 301–302]. І. А. Тарасова вирізняє відмінності семантичного поля і фрейму: а) фрейм – більш тверда структура, що відображає типові зв'язки в типових ситуаціях; поле – структура більш м'яка, асоціативно-конкретна, іноді – індивідуальна; б) інтегруючою базою у фреймі слугує ситуативна близькість, у полі – асоціативно-семантична близькість; в) структурна організація фрейму припускає наявність вузлів (слотів), поля – ядра, центра та периферії, границі яких дуже нечіткі і рухливі; г) лексична репрезентація фрейму краще за все відповідає тематичній групі, ментальна модель семантичного поля обумовлює необхідність введення терміна «концептуальне поле» [5, с. 45]. Є. А. Юріна вирізняє образне лексико-семантичне поле, включаючи метафоричне поле й асоціативно-образне поле [6, с. 41—45]. Відомий мовознавець Є. В. Падучева вважає, що тематичний клас (або група) є формальним аналогом семантичного поля, тому що тематичний клас поєднує слова з загальним семантичним компонентом, що займає центральне місце в їх значеннєвій структурі [7, с. 105]. С. А. Жаботинська розрізняє п'ять типів фреймових структур, залежно від виду слотів та їх взаємозв'язків: 1) предметноцентричний фрейм, який складається із системи

пропозицій, це до одного й того ж логічного суб'єкта приєднується декілька логічних предикатів; у центрі уваги перебуває сам предмет; 2) акціональний фрейм, конституювантми якого є декілька предметів, які наділяються семантичними ролями, акцент зміщується на взаємодію одного предмета з іншими; 3) партонімічний фрейм, предметні сутності якого співвідносяться між собою як ціле і його частина; 4) гіпотонімічний фрейм, у якого предметні сутності поєднуються родо-видовими відношеннями; 5) асоціативний фрейм, що ілюструє відношення схожості, яке базується на зближенні концептів у мисленні самого індивіда [8, с. 13].

У своїй теорії М. Мінський не проводить кордон між теорією людського мислення та теорією структури «мислячих» машин (штучного інтелекту). Він стверджує, що процеси людського мислення базуються на зберігачих в його пам'яті матеріалізованих, багаточисленних запам'ятованих структурах даних – фреймах, із допомогою яких людина пізнає зорові образи (фрейми візуальних образів), розуміє слова (семантичні фрейми), обговорення, дії (фрейми-сценарії) і т. ін. Процес розуміння при цьому супроводжується активізацією в пам'яті даного фрейма і погодженням його термінальних вершин із даною ситуацією. У випадку невдачі, із пам'яті з допомогою мережі пошуку інформації, яка об'єднує систему фреймів, «обирається» інший фрейм, термінали якого, можливо, будуть між собою кращими по відношенню до тієї ж ситуації, яка розглядалася [1, с. 125].

Процес послідовної заміни одного фрейма іншим особливо проявляється в таких областях людського мислення, як розуміння природної мови, обговорення, висновок до аналогії тощо. Це впливає із наших інтуїтивних уявлень щодо процесу мислення.

Уявлення знань про світ із допомогою систем фреймів вийшов дуже плідним в багатьох областях досліджень із штучного інтелекту, починаючи від розуміння природної мови та закінчуючи проблемами машинного сприйняття слухових і зорових образів. Підтвердженням тому є численні роботи таких видатних спеціалістів в області штучного інтелекту як Р. Шенк, Р. Абельсон, У. Ригер, С. Чарняк, Дж. Чілкс та багато інших, роботи присвячені конкретизації та розвитку теорії фреймів.

Можемо наголосити на тому, що підхід М. Мінського по відношенню проблем уявлення знань не набув ідеальності. Оскільки, людина здатна зрозуміти не тільки відоме, але й нове (нові ситуації), до чого фрейми ще не дійшли.

Оскільки фрейм можна уявити собі у вигляді мережі, що складається з вузлів і зв'язків між ними, то кожен вузол має бути заповнений своїм «завданням», що є тими або іншими характерними рисами ситуації, якій він відповідає. В загальному випадку у фреймі можна виділити декілька рівнів, ієрархічно пов'язаних один з одним. Вузли фрейма, що належать до верхніх рівнів, є загальнішими речами, які завжди справедливі відносно передбачуваної ситуації. Ці вузли вже заповнені своїми завданнями. Наприклад, вузол самого верхнього рівня фрейма зазвичай заповнений назвою ситуації, назвою зорового образу, назвою дії. Вузли нижніх рівнів, по суті, не заповнені своїми завданнями. Такі незаповнені вузли називають терміналами. Вони мають бути заповнені конкретними даними, що є їх можливими завданнями в процесі пристосування фрейма до конкретної ситуації, з того класу ситуації, які представляють цей фрейм. Кожен термінал здатен створювати умови, яким повинен відповідати його завдання. Звичайні умови встановлюються «маркерами», які можуть вимагати, наприклад, щоб завданням терміналу був предмет достатнього розміру, якась елементарна дія чи «вказівник» на інший фрейм, який представляє іншу, зазвичай більш часткову ситуацію і зветься субфреймом. Більш складні умови можуть встановлювати зв'язки між завданнями для декількох терміналів.

Група фреймів може об'єднуватися в систему фреймів. Результати характерних дійств відображаються з допомогою трансформації між фреймовими системами. Вони використовуються для того, щоб швидше відбувалось обчислення даних видів при умові змін однієї і тієї ж ситуації.

У зв'язку зорового образу різні фрейми системи описують картину із різних боків досліджень, а трансформація одного фрейма в інший відображає результати переміщення з одного місця в інше. Різні фрейми системи використовують один той самий термінал. Характерною рисою описового підходу являється можливість використання різних видів передбачень, очікувань. Фрейм містить велику кількість деталей, які можуть і не підтвердитись даною ситуацією. Завдання відсутності «неякісно» з'єднані зі своїми терміналами, тому вони можуть бути легко «витиснені» другими завданнями, які краще підходять для даної ситуації.

Після того, коли вибрали фрейм для представлення ситуації, відбувається процес узгодження фрейма з даною конкретною ситуацією, який полягає в знаходженні таких завдань для терміналів фрейма, які сумісні з маркерами терміналів. Процес узгодження частково контролюється інформацією, пов'язаною з фреймом (у яку входить вся інформація відносно того, як діяти в разі появи незвичайних ситуацій, "сюрпризів").

Якщо вибраному фрейму не вдається погоджуватись з реальністю, тобто якщо не можливо знайти завдання для терміналів, які відповідним чином узгоджуються з умовами маркера, то відбувається звернення до так званої мережі пошуку інформації, за допомогою якої з'єднуються між собою системи фреймів. Ця мережа дозволяє знайти інші способи представлення знань про факти, аналогії і іншу інформацію, яку можна використовувати для узгодження з реальністю.

Особлива чутливість до концепції фреймів та успішна асиміляція цієї концепції в лінгвістиці пояснюється тим, що по-суті фрейм не є для неї абсолютно новим поняттям. Прямими аналогами або лінгвістичними прообразами такої концепції можна вважати ті лінгвістичні напрями, що займаються відмінковими «рамками» дієслів. Це насамперед відома «глибинно-відмінкова граматики» (Ч. Філлмор), а також концепція ситуаційно-рольового тлумачення лексичних значень та тематичних груп (Ю. Д. Апресян, О. К. Жолковський, Ю. С. Мартем'янов, В. Ю. Розенцвейг, Ю. К. Щеглов та інші); теорія семантичних полів Й. Трира, концепція репрезентації певних типів лексичних значень мовою думок *Lingua mentalis* А. Вежбицької тощо. Найзначніші теоретичні та прикладні результати дає використання фреймів для розроблення систем розуміння природної мови.

Отже, теорія фрейма характеризується неоднозначним розумінням в сучасній лінгвістиці: як структура репрезентації знань (О. Селіванова); як об'ємний концепт, який найбільшою мірою пов'язаний з поняттям семантичного поля (Н. О. Кульчицька); як образне лексико-семантичне поле, включаючи метафоричне поле й асоціативно-образне поле (Є. А. Юріна) та ін. Найбільш прийнятним визначенням теорії фрейма, на наш погляд, те що фрейм – це структурована одиниця знання, в якій виділяються певні компоненти і відношення між ними. Фрейм включає систему оцінок, показники істинної ситуації «культурні, прагматичні, енциклопедичні знання, які фіксуються як у пропозитивній, так і в термінальних частинах, а також концептуальні плани – інструкції для використання фрейму.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский; [пер. с англ.]. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.

2. Селіванова О. Сучасна лінгвістика / О. Селіванова // Термінологічна енциклопедія. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 715 с.
3. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.
4. Кульчицька Н. О. Фреймова теорія як актуальний напрямок сучасної лінгвістики / Н. О. Кульчицька // Гуманітарний вісник. Сер. : «Іноземна філологія». – 2006. – Вип. 10. – С. 300–303.
5. Тарасова И. А. Фреймовый анализ в исследовании идеостилей / И. А. Тарасова // Филологические науки. – 2004. – Вып. 11. – С. 42–49.
6. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка : Автореф. дис. ... д-ра наук. / Е. А. Юрина. – Томск, 2005. – 47 с.
7. Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис и семантика / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 101–116 .
8. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С. А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. Сер.: «Філологічні науки». – 1999. – Вип. 11. – С. 12–15.

Поступила в редакцію 12.05.2014 г.

FRAME AS A PART OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

Petrova L. A., Prosiyana A. V.

The article discusses the frame theory with reference to human mentality as reflected in linguistics. The frame theory is also considered with regards to the process of human experience generalization. Different definitions of the term “frame” are provided, the ones by such famous linguists, as O. O. Selivanova, N. O. Kulchitska, I. A. Tarasova, I. A. Jurina, E. V. Paducheva, S. A. Zhabotinska being among them. M. Minsky’s frame theory is also approached as representing stereotypical situations in human cognition (memory). Frame theory seems to be a perspective instrument in cognitive linguistics. At present frames are recognized to be the most effective way of schematizing, accumulating and representing human knowledge.

Key words: a frame, a frame approach, associative-figurative space.

Петрова Луиза Александровна

Доктор филологических наук, профессор.
Крымский инженерно-педагогический университет.

Petrova Luiza Aleksandrovna

Doctor of Philology, Professor.
Crimean Engineering and Pedagogical University.
e-mail: liza_nada@mail.ru.

Присяная Алена Викторовна

Аспирант кафедры русского языка.
Крымский инженерно-педагогический университет.

Prosiyana Alyona Viktorovna

Postgraduate student of Department of Russian Language.
Crimean Engineering and Pedagogical University.

УДК 821.134.2–312.6.09

ГЕНЗИС ТА РОЗВИТОК ІСПАНОМОВНОГО АВТОБІОГРАФІЧНОГО РОМАНУ У СКЛАДІ МЕТАЖАНРУ

© 2016. А. С. Руденко

В статье речь идет об исследовании генезиса и развития автобиографического письма в испаноязычной литературе, в частности автобиографического романа как жанровой разновидности. Автобиографическое письмо как объемный понятийный блок занимает важное место в творческих и критически-теоретических процессах испаноязычной литературы. Согласно особенностям исторического развития очевидно, что его зарождение и развитие является не простыми, но закономерными. Автобиографический роман как жанровая разновидность тянется корнями к эпохе Возрождения, но заявляет о себе лишь в конце XX – начале XXI веков.

Ключевые слова: испаноязычная литература, автобиографический роман, автобиографическое письмо, генезис и развитие.

Сьогодні іспаномовна література заохочує до своїх просторів широкі кола читачів, оскільки вона є представленою різнобарв'ям імен письменників-лауреатів Нобелівської премії, різноманіттям жанрів, невичерпністю тем, широкою географією, оскільки мова йде не тільки про Іспанію, але й про країни Латинської Америки, що надає їй особливого статусу.

Треба зазначити, що особлива привабливість цієї літератури полягає у блоку автобіографічного письма, який у свою чергу розподіляється на різні жанри та жанрові утворення, а також мікрожанри. Це у свою чергу викликає необхідність досліджень та вивчення всіх можливих жанрових варіацій, їх походження, особливостей асиміляції. Треба зазначити, що в останні десятиріччя ведеться плідна дослідницька робота з різних аспектів *автобіографічного письма*.

Актуальність нашої роботи зумовлюється, з одного боку, активним розвитком та інтересом до автобіографічного письма як з боку читацької, так і критичної думки, з іншого – нерозвиненістю вивчення іспаномовної літератури в рамках вітчизняного літературознавства.

Метою роботи є систематизувати накопичений матеріал та зробити огляд щодо генезису та розвитку іспаномовного автобіографічного письма, зокрема автобіографічного роману як жанрового різновиду у складі метажанру, орієнтуючись, перш за все, на дослідницькій досвід науковців Іспанії та Латинської Америки.

Іспанські дослідники вказують на те, що поняття «автобіографія» входить до іспанської літератури у XIX ст. Саме цей період стає епохою, у якій цей термін набуває особливого рельєфу, відображаючи сучасний характер цього нового літературного жанру, пов'язуючи особливості буржуазного письма та нової ідеології індивідуалізму.

Треба позначити, що поштовх до досліджень автобіографічного письма саме в Іспанії, зумовлюється, перш за все, виникненням термінів автобіографія (*autobiografía*) та автобіографічний (*autobiográfico*) у другій половині XIX ст. Спочатку терміни не приживаються у широкому використанні, панує поняття «література про себе» або мемуари, як серед письменників, так і серед критиків. З часом критики беруть до уваги термін «автобіографія», визнаючи його жанром, але залишають відкритим питання щодо до існування та взаємодії фактуального й фікційного, що стає базою для низки досліджень. Як результат, починаючи з 1890 року, увійшовши у XX ст., автобіографія

зазнає важливого розвитку, як у літературно-творчому процесі (двадцять років), так й у критичному вивченні (сімдесят років) [1, с. 5].

Згідно з А. Г. Трояно, твори-мемуари, автобіографії (й у певному сенсі деякі типи листування та книги про пригоди та мандри) з'являються та набувають розвитку протягом XVIII-XIX ст., а також нарощують характеристики, які дозволяють класифікувати їх, як окремих специфічний "блок", із відмінними ознаками "іншого" письма не тільки відносно спроб письменників попередніх століть, але й відносно власного літературного виробництва в рамках епохи.

Головним чином, подібні твори, перш за все, є спрямованими на відтворення реального досвіду, представляють своєрідне правдиве свідчення, яке за своєю природою виключає будь-яку спробу щодо існування фікції. Як наслідок, у творах даного типу відтворюється реальний світ – суспільне життя або приватне, інтимне в більшій або меншій мірі [2, с. 243–245]. А. Г. Трояно також вказує на взаємозв'язок жанру автобіографії з культурою часу.

Цю думку продовжує Ф. Л. Гарсія, звертаючи увагу, перш за все, на особливості розвитку поезії. Він вказує, що "в останню третину XIX ст. іспанська література, втомлена від поезії пізнього бароко й романтичного пафосу, вибирає у якості форми (само)вираження прозаїчну поетичність та її об'єктивність. <...> Автобіографія у віршах є мікрожанром, який процвітає та стає популярним у другій половині XIX ст. <...>". Так, виникає таке поняття, як *поетизована автобіографія*, яке треба розуміти як особливий різновид, що залучає до свого нарративного дискурсу окремі елементи автобіографії й мемуарів. <...> Ці автобіографії у поетичній формі мали на меті сформуванню серію під назвою "*Autores cómicos (Perfiles)*" ("*Автори-коміки (Профілі)*"). З одного боку, вони повинні були розважати публіку через грайливий тон, з іншого – відповідати вимогам "*профілю*", тобто мати загальні положення. Через ці самі "профілі" публіці були запропоновані нариси (ескізи) життя письменників, написані ними самими [3].

У іспанської дослідниці А. Кабальє знаходимо такі дані щодо розвитку автобіографічного жанру: "<...> Автобіографія отримала раннього й дивовижного розвитку в Іспанії, хоча потім нібито зачахла, саме тоді, коли у решті країн Європи починала розквітати. Річ у тому, що XVIII ст., схильне до розгляду власного буття об'єктивно й ретельно, представляє собою одну з найвидатніших епох презентації автобіографічного письма в європейському й американському світах. На жаль, в Іспанії після виходу *«Життя» Торреса Вільяроеля (Мадрид, 1743)* довге мовчання нависає над цією літературною формою, сили руху якої, піддаються у Просвітницьку добу важливій трансформації. Знадобиться час, щоб дочекатись публікації *«Літературне життя» Хоакіна Вільянуєви (Лондон, 1825)* і вибуху політичного меморіалізму дев'ятнадцятого сторіччя, щоб визволитися із цієї пастки. Починаючи з того часу автобіографічна література представлена у наших письменнях безперервністю, або інакше мовити, у творах, які демонструють її елементи, міститься у рівному ступені пристрасне бажання залишити свідчення власної духовної унікальності авторів" [4, с. 39].

М. Коддоу досліджує питання автобіографічного письма здебільшого в межах латиноамериканської літератури та вказує наступні закономірності розвитку й становлення цього "*старшого жанру*": "Власне термін був винайдений наприкінці XVIII ст., коли стало зрозумілим, що є необхідність у ширшому вокабулярі для позначення різноманітних форм, за допомогою яких автори переказували власний досвід. Більш просувним стає XIX ст., у той час як серед письменників улюбленими термінами залишаються мемуари, спогади, життєписи, серед видавців та науковців

почало фігурувати поняття автобіографії щодо “письма про себе” як жанру. Так, на практиці витоки автобіографії відносять до твору Святого Августина (VI ст.), але як термін у критиці і як показник особливого жанру автобіографія почала вживатися у XIX ст. <...> Незважаючи на те, що <...> автобіографія у багатьох своїх проявах має довгу історію, теоретичні розробки щодо неї, дослідження численних розбіжностей всередині жанру є відносно недавніми. Можна констатувати, що не було нічого до кінця XX ст., коли з’явився дійсний і потужний інтерес щодо дослідження жанру, <...> визначення або конструювання значення “власного “я” й суб’єкту [5].

Отже, як бачимо, зародження автобіографічного письма в іспаномовній літературі постало саме в добу стрімкого розвитку людської думки у сфері самопізнання, коли людство прагне до нових можливостей саморозкриття та самоствердження. Саме Просвітництво стає добою зародження ідей автобіографізму в іспанській літературно-філософській думці, проявляючи себе не тільки в прозі, але й у поезії.

Далі цей ланцюг тільки набирає нових кілець, формуючи тісні зв’язки між жанрами та родами, відкриваючи нові жанрові різновиди (або родожанрові утворення). Саме таким утворенням є автобіографічний роман, який є широко представлений в іспаномовній літературі.

Так, іспанська дослідниця “письма про себе” М. М. Боркоскі наголошує на тому, що в іспаномовних письменах (ще XVII ст.) з’являються елементи автобіографізму, що знаходять відображення, головним чином, у романах, і в подальшому розвивають перспективу автобіографізму як невід’ємного композиційного блоку розважальних (шахрайських) романів («Гусман де Альфараче» Матео Алемана, «Життя пройдисвіта дона Пабло» (1626), Франсіска де Кеведо тощо). Також М. М. Боркоскі доповнює свою думку цікавим прикладом, а саме, демонструє один з найвеличніших творів іспанської літератури – “Винахідливий ідальго Дон Кіхот Ламанчський” Мігеля де Сервантеса як твір, що в певному сенсі розширює межі автобіографічного письма, оскільки Сервантес установлює зв’язок між дійсно автобіографічним й суто вигаданим.

У епізоді з каторжниками письменник вводить *Хінеса де Пасамонте* (Хінес де Пасамонте – вигаданий персонаж, але через нього письменник констатує реальні життєві обставини, які йому самому довелося пережити, а саме – каторгу, полон (декілька разів). Також через роман «Винахідливий ідальго Дон Кіхот Ламанчський» Сервантес розкриває свою непросту, нещасну долю, яка багато в чому збігається з долею головного героя, а саме: у жазі до пригод, у спробах відшукати себе, покращити свій соціальний статус), вигаданого персонажа, але легітиміє його як “вираження правди” відносно фікції:

– *І як називається книжка?*

– *Життя Хінеса де Пасамонте, – відповідав каторжник.*

– *І вона є закінченою? – запитав Дон Кіхот.*

– *Як же вона може бути закінченою, – відповів він, – якщо моє життя ще не закінчилося? – заперечив Хінес. – Я почав із дня народження й встиг довести мої записи до тієї самої хвилини, коли мене останнього разу відправили на галери.*

– *Це значить, що ви там вже були? – запитав Дон Кіхот.*

– *Минулого разу я прослужив там Богу і королю чотири роки й скуштував сухарів та плитки, – відповідав Хінес. – І я не дуже жалкую, що мене знов відправляють туди, – там в мене буде час закінчити книгу. Адже мені належить розповісти багато чого <...>*

– *Спритний ти, як я бачу, – сказав Дон Кіхот.*

– *I нещасний, – промовив Хінес. – Людей обдарованих нещастя переслідують невідступно* [6].

Але треба позначити, що роздуми М. М. Боркоскі з цього приводу не є унікальними. У Ф. Р. Галана, у його міркуваннях про співіснування та поєднання автобіографії і роману ми також зустрічаємо подібні приклади. Ці думки не є дубльованими, але вони ще раз доводять те, що “жанр роману існує дуже близько до автобіографічного самоаналізу або літератури про себе, це є більшим виміром ніж просто фікційна оповідь <...> Автобіографічна оповідь є спадкоємицею традицій роману <...> Роман передує їй <...>” [7, с. 83].

Проникнення елементів автобіографізму до категорії фікційного свідчило про можливість поєднання двох полярних, але взаємодоповнюючих категорій. Тобто, як існування автобіографізму в рамках роману, так й існування художнього в автобіографічному тексті є абсолютно природнім явищем. Як бачимо з наведеного прикладу, такі жанри, як роман (художній класичний) та автобіографія (документальний класичний) тягнулися один до одного ще з давніх часів. Але якщо у випадку з Сервантесом, Кеведо, Алеманом ми маємо справу з елементами автобіографізму в параметрах великого епічного жанру, то у сучасній літературі іспаномовного світу ми зустрічаємо велику кількість творів, що у широкому сенсі представляють суто автобіографічні твори, а саме автобіографічний роман.

Бурхливий розвиток критичної та дослідницької роботи щодо автобіографічного письма відбувається саме у другій половині ХХ ст. як на території Іспанії, так і в Латинській Америці. Це не є випадковістю або штучно створеним інтересом, оскільки саме у цей період “письмо про себе” або “*інтимне письмо*” захоплює увагу багатьох письменників, чому сприяють багато різноманітних причин, як особистих, так і загальних.

Розвиток автобіографічної літератури, як ми вже зазначали, часто пов’язують з культурою часу, зовнішніми умовами, які впливають на формування поглядів покоління, їх пріоритетів. ХХ ст. відбилося у розумах та серцях багатьох людей як сторіччя, з одного боку, прогресу, руху, завоювань, з іншого – війн, втрат, перевороту свідомості тощо.

У багатьох дослідників, наприклад, Х. Р. Кастільо, А. Г. Трояно, М. Альберка та ін. ми знаходимо підтвердження цієї думки, яке можна підсумувати так: кінець режиму Франко, початок переходу до демократії та подальші розчарування з політичних причин стали умовами, що визначили звернення багатьох письменників до власного досвіду (особистісного) як до своєрідного “захистку”.

З проєкції впливу культури часу на розвиток автобіографістики, іспаномовний автобіографічний роман є плодом впливу об’єктивних та особистісних чинників (суб’єктивне сприйняття та осмислення дійсності). Особистісне переплітається з об’єктивним та існують невід’ємно.

Друга половина ХХ – початок ХХІ ст. дають яскраві зразки автобіографічних романів в іспаномовному просторі: Іспанія – Хав’єр Маріас «Усі душі» (1989); Хав’єр Серкас «Швидкість світла» (2005); Іспанія – Аргентина – Абелардо Ар’яс – «Стерильний виноградник» (1969); Перу – Маріо Варгас Льоса «Тітка Хулія та писака» (1977), «Риба у воді» (1993); Чілі – Мануель Рохас «Син крадія» (1951); Колумбія – Габріель Гарсія Маркес “Жити, щоб розповідати про життя» (2002); Ісабель Альєнде «Паула» (1994), «Сума днів» (2007); Домініканська Республіка – Єзекіль Хіменес «Коханню мого життя» (2011) тощо.

Як бачимо, географія автобіографічного роману є вражаючою, але здебільшого домінують імена латиноамериканських письменників. Це не означає, що в іспанській літературі є відсутніми твори, що належать до даного жанрового різновиду, але це є частково пов'язаним з обмеженістю теоретичної розробки цього питання, оскільки, термінологічна база має певні розбіжності з вітчизняною, і як результат – іншим є підхід до визначення жанрових особливостей твору. Це у свою чергу ускладнює доступ до творів цього жанрового утворення.

Однак дослідження іспанського науковця М. Альберки розширюють можливості вивчення автобіографічного роману, перш за все, іспанського. У фундаментальній роботі «El pacto ambiguo: De la novela autobiográfica a la autoficción» (2007) («Двозначний пакт: від автобіографічного роману до автофікції») (2007). М. Альберка приділяє пильну увагу саме автобіографічному романові, трактує основні положення щодо розрізнення понять автобіографії, автофікції, художньої автобіографії (фікційна автобіографія “autibiografía ficticia”) та автобіографічного роману (“романи про себе” – “novelas del yo”), розподіляючи таким чином, останній на підтипи щодо його функціональних особливостей.

Отже, розглянуті теоретичні здобутки вказують на те, що автобіографічне письмо як об'ємний понятійний блок (або метажанр) посідає важливе місце у творчих та критично-теоретичних процесах іспаномовної літератури. Згідно особливостей історичного розвитку бачимо, що зародження та розвиток цього метажанру є не простими, але закономірними.

Автобіографічний роман як жанровий різновид також є непростим явищем, складним за структурою, дискусійним за природою, але привабливим за протиріччями, що вміщує у собі. Він тягнеться корінням до епохи Відродження, але заявляє про себе лише наприкінці ХХ – початку ХХІ століть.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. García F. L. De la entrada de la voz de autobiografía en España y su aplicación al ámbito de la literatura (1854-1898) / F. L. García // Hesperia. Anuario de filología hispánica XII – 2. — 2009. — P. 5–27.
2. Troyano A. G. La autobiografía en la literatura española del siglo XIX: Referencias para una aproximación / A. G. Troyano // Anales de la univesidad de Cádiz. — 1992. — 199. — P. 243–247.
3. García F. L. La autobiografía festiva en verso y el canón autobiográfico [Електронний ресурс] / F. L. García // Режим доступу : www.biblioteca.org.ar/libros/151486.pdf (дата звернення: 25.10.2013).
4. Caballé A. Aspectos de la literatura autobiográfica en España / A. Caballé // Scriptura (Lérida), 2. — 1986. — P. 39–49.
5. Coddou M. Propuestas para una lectura crítica de las autobiografías de Isabel Allende [Електронний ресурс] / M. Coddou // Режим доступу : <http://critica.cl/literatura/propuestas-para-una-lectura-critica-de-las-autobiografias-de-isabel-allende> (дата звернення: 25.10.2013).
6. Borkosky M. M. Los escritos del yo en las literaturas francesa e hispánica [Електронний ресурс] / M. M. Borkosky // Режим доступу : <http://todaypdf.org/los-escritos-del-yo.pdf-id5954636> (дата звернення: 25.10.2013).
7. Galán F. R. El espacio urbano en la escritura autobiográfica: el ejemplo de Ávila / F. R. Galán. — Madrid : Biblioteca Nueva. — 2009. — 480 p.
8. De Toro A. Meta-Autobiografía/Autobiografía Transversal Postmoderna o la imposibilidad de una historia en la primera persona A. Robbe-Grillet, S. Doubrovsky, A. Djébar, A. Khatibi, N. Brossard y M. Mateo / A. de Toro // Estudios Públicos. — 2007. — P. 213–308.
9. Alberca M. El pacto ambiguo: De la novela autobiográfica a la autoficción / M. Alberca. — Madrid : Biblioteca Nueva. — 2007. — 329 p.

Поступила в редакцію 15.01.2014 г.

GENESIS AND DEVELOPMENT OF HISPANIC AUTOBIOGRAPHICAL NOVEL
AS A PART OF METAGENRE

Rudenko A. S.

The article focuses on the study of genesis and development of autobiographical writing in Hispanic literature, autobiographical novel in particular. As a conceptual unit autobiographical genre places an important role in the creative and critical-theoretical processes of Hispanic literature. According to the characteristics of the historical development it's evident that the genesis and development of this metagenre is not simple, but logical. Autobiographical novel as a genre type (or a subgenre) is deeply rooted in the Renaissance, but shows up and represents itself only in the late 20th– early 21st centuries.

Key words: Hispanic literature, autobiographical novel, autobiographical writing, genesis and development.

Руденко Анна Сергеевна

Преподаватель.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Rudenko Anna Sergeevna

Assistant lecturer.

Luhansk Taras Shevchenko National University.

УДК 81'373.611

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОДХОДА К
РАЗГРАНИЧЕНИЮ ТИПОВ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

© 2016. Л. В. Соснина

В данной статье рассматриваются семантические и синтаксические особенности простых и сложных атрибутивных сочетаний, а также исследуются пути исторического развития русских генитивных конструкций. Аtribuтивные сочетания определяются как номинативный комплекс, сохраняющий достаточную независимость по отношению к предложению в целом. Они реализуются в русском языке путем комбинации слов, представляющих разные части речи, а именно существительные, прилагательные и причастия.

Ключевые слова: атрибут, композит, конденсация, семантика, словосочетание, причастие, универбализация.

Под атрибутом в широком смысле понимают необходимое, существенное, неотъемлемое свойство объекта или явления. Атрибут обозначает какой-либо признак предмета, т. е. «выражает не свой собственный признак, а признак другого имени» [1, с. 148] и всегда выступает зависимым членом при определяемом имени. Цель данной статьи заключается в описании всех типов атрибутивных конструкций с учетом ономаσιологического подхода к изучению частей речи и особенно имен прилагательных. Специфика атрибутивного сочетания заключается в тесном смысловом единстве, которое позволяет определять всю конструкцию как номинативный комплекс, когда атрибут «преследует цели лексической актуализации субстанционального значения, его экстенционального уточнения» [2, с. 158]. Семантика атрибута нацелена на «актуализацию виртуального понятия об объекте в именной группе» и «раскрывает существенные признаки, данные в предметной основе» [3, с. 197]. По мнению Л. Д. Тарасовой, грамматическая и семантическая зависимость прилагательного от существительного указывает на первичность атрибутивной функции и вторичность предикативной [4]. С другой стороны, В. В. Богданов [5], А. А. Малышева [6] считают атрибутивное сочетание потенциально тяготеющим к предикативной конструкции и являющимся единицей «вторичной предикативности». Ученые, вслед за В. В. Виноградовым [7], указывают на взаимообратимость этих отношений и возможность трансформации атрибутивных сочетаний в предикативную конструкцию. При этом не всегда возможной представляется обратная трансформация из предикативной конструкции в атрибутивную, поэтому «предикативную связь следует признать генетически исходной» [3, с. 197]. Семантическая и синтаксическая близость атрибутивного признака с именем, по мнению ученого, не является «основанием считать атрибутивные отношения первичными» [3, с. 197], для актуализации признака в атрибутивном типе связи его необходимо «вычленил из предметной основы» (*Это яблоко — Это яблоко (есть) зеленое — Это зеленое яблоко*).

Мы выделяем два типа атрибутов — простые (*девушка с веслом, красивая девушка*) и сложные (*зеленоглазая красавица, красавица с зелеными глазами*). В функции определения могут выступать не только имена прилагательные, но и имена существительные. Синтаксической моделью для выражения атрибутивных отношений чаще всего выступает сочетание «прилагательное + существительное». В любом словосочетании с конкретным именем «лексическое значение существительного

содержит в себе сему, указывающую на возможность или необходимость признака, которая реализуется с помощью зависимого компонента — прилагательного» [8, с. 249]. И. И. Ковтунова выделяет атрибутивные и субстантивные словосочетания, т. е. конструкции типа «прилагательное + существительное» и «существительное + существительное» [9, с. 100]. Она указывает на большую значимость имен существительных в атрибутивных словосочетаниях (*белые лилии, на зеленых блюдах, слабый свет*), в то время как в субстантивных словосочетаниях «более сильное ударение несет на себе зависимая предложно-падежная словоформа: *приклад ружья, загон для скота, куча листьев, вдоль берега реки*» [9, с. 100]. Это один из самых продуктивных способов выражения атрибутивных отношений в русском языке, когда происходит распространение имени существительного как главного компонента словосочетания именами существительными в родительном падеже и в косвенных падежах с предлогами, подобные словосочетания выражают отношение посессивности: *дом отца, дневник друга, записки изобретателя*. Еще Г. П. Павский в «Филологических наблюдениях над составом русского языка» обратил внимание на факт существования таких пар слов, как *писчая бумага — бумага для письма, деревянный стол — стол из дерева, весенний месяц — месяц весны* и указал на возможность развертывания относительных прилагательных в существительные. С его точки зрения, понятия о происхождении и разных отношениях вещей могут выражаться «посредством падежей, предлогов и взаимного сочетания имен существительных» [10, с. 1–2], поэтому «многие прилагательные могли бы и не существовать в языке» [10, с. 2]. В русском языке в прилагательные превратились имена существительные в родительном падеже, «когда ими выражается присвоение лицам или животным», например, *Петров дом, Иванова лошадь, лисицина нора*. Традиционное название *притяжательные* (лат. Possessiva) ученый предлагает изменить на *усвоительные* [10, с. 2]. Дальнейшее описание имен прилагательных Г. П. Павский осуществляет в двух направлениях, выделяя качественные и усвоительные единицы.

В русском языкознании XX столетия (Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов) притяжательные прилагательные, выражающие отношение одного предмета к другому, например, *гусиный (гусиное перо — перо гуся), верблюжий (верблюжий пух — пух верблюда), сестрин (сестрин муж — муж сестры)*, предлагалось выделять в особую группу относительных прилагательных с учетом специфической семантики (значение принадлежности) и особенностей склонения отдельных типов таких слов [11, с. 128].

Учёные-лингвисты сходятся во мнении, что генитивные словосочетания являются собой «особый тип именных групп», представляющих собой объединение слов «одного морфологического ряда» [12, с. 61]. Семантика русской генитивной конструкции такова, что опорное существительное всегда интерпретируется как реляционное и представляет собой реалию, находящуюся в отношениях с другой реалией. Согласимся с тем, что «одной из основных валентностей существительного является способность соединяться с различного рода определениями, в том числе определениями, выраженными существительным в родительном падеже, которое подчинено управляющему компоненту группы – ядру генитивного словосочетания» [12, с. 61] Р. О. Якобсон отмечает метонимическую природу генитивных словосочетаний и полагает, что родительный падеж имеет значение исключения обозначенного им предмета из содержания высказывания или этот предмет может быть представлен только частично [13, с. 149]. Генитивная конструкция не всегда может быть обращена в атрибутивную, например, *ручка двери* трансформируется в сочетание *дверная ручка*, а *ножка стула* не имеет атрибутивного эквивалента.

В русском языке семантически сложными представляются структуры, именуемые «родительный части» и «родительный атрибутивный», например, А. Р. Лурия рассматривает два примера — *кусоч хлеба и брат отца*. Словосочетание *кусоч хлеба* выражает отношения между объектом и его частью, в то время как конструкция *брат отца* является сложной ввиду того, что выражает не два изолированных объекта (брата и отца) и не один конкретный объект (кусоч хлеба), а обозначает третье лицо, неупомянутый в данной конструкции объект — дядю [14, с. 151].

Согласно классификации В. В. Виноградова, все словосочетания, в т. ч. атрибутивные, можно разделить на простые и сложные. К простым атрибутивным сочетаниям относятся двусловные конструкции *синее небо, простые люди*, к ним же семантически примыкают трехсловные словосочетания, в которых «определяющая часть представляет собой семантически неделимое словосочетание с целостным смысловым содержанием: *человек острого ума, девушка скромного поведения*» [8, с. 250]. Принцип построения сложных словосочетаний заключается в комбинированности различных связей между главным и зависимыми словами — *красивая лампа с абажуром* (согласование + управление). Н. В. Юдина предлагает вычленять среди сочетаний «прилагательное + существительное» особые структуры — атрибутивно-субстантивные комплексы, которые являются промежуточными единицами между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Учёный полагает, что АСК существуют в сознании носителей языка в виде «целостной когнитивной структуры, имеющей имплицитный «надсмысл», в большинстве своем не выводимый из семантики составляющих компонентов, а основанный на фоновых знаниях индивида» [15, с. 247].

1. Особое место в русском языке занимают коррелятивные конструкции типа *девушка с голубыми глазами — голубоглазая девушка*. В современном языкознании существует устойчивая тенденция к сведению всех словообразовательных процессов в один — конденсацию, которая объединяет семантическую и лексическую направленность. Л. А. Кудрявцева трактует семантическую конденсацию как «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [16, с. 123]. Например, *гуманитарная помощь — гуманитарка* (универбация): *На стадион «Донбасс-Арена» прибыла первая автоколонна с гуманитарной помощью* (ТВ Экспресс, №36, 3.09.15); *Талончики на получение новой гуманитарки продолжали выдавать и сегодня* (События недели, №51(185), 16.12.15); *генеральный директор — генеральный* (эллипс в сторону зависимого слова), *высокая температура — температура* (эллипс в сторону главного слова).

2. Под лексической конденсацией понимается «стяжение компонентов словосочетания в сложное слово» [17, с. 179], например, *с черными бровями — чернобровый: Маменькина дочка Марфушка, чернобровая и со свекольным румянцем во всю щеку, поразила воображение кинозрителей* (Звезды, №5, 2013); *К судьям выходит Инна Шевченко, загорелая блондинка с черными бровями* (Вива-Биография, №11(77), 2013).

Констатируем, что лексическая конденсация имеет две разновидности — деривационное и универбализационное композитостроение. Отмеченные примеры мы относим к универбализационным композитам, в частности, к бахуврихи. В. И. Теркулов определяет универбализацию как процесс «механической замены словосочетания эквивалентным словом без разрушения актуального тождества номинатемы вследствие семантического саморазвития единицы-источника, характеризующего лексикализацию» [17, с. 185]. Деривационные же процессы предполагают образование новых номинативных единиц, семантика которых должна отличаться от семантики базовых слово-

сочетаний. Такие процессы базируются на основе деривационных мотивационных отношений. В результате универбализационных процессов не возникает никаких семантических различий между словосочетанием и новообразованным композитом. Вслед за В. И. Теркуловым мы утверждаем, что «между производящей и производной единицами вовсе не существует отношений внешней словообразовательной мотивации» [17, с. 193], а существуют «внутренние, межгlossовые мотивационные отношения» [17, с. 194]. Все это позволяет заключить, что «получившаяся лексема является наряду со словосочетанием дублетом номинатемы, включающей в свой состав оба эти компонента» [17, с. 194]. Напомним, что под дублетностью понимается «смысловая и функциональная равнозначность конструкций, полностью накладывающихся друг на друга и не различающихся никакими оттенками внутри общего грамматического значения» [18, с. 6–7].

В русском языке бахуврихи, являясь неидиоматизированными единицами, существуют как «однословные реализации аналитических лексико-семантических вариантов номинатем с доминантой словом, выполняющих в речи атрибутивную функцию» [17, с. 202]. Бахуврихи типа *девятимесячный* являются полным эквивалентом атрибутивной парадигмы исходного словосочетания, поскольку могут заменять и конструкцию *девяти месяцев* (*девятимесячный ребенок — ребенок девяти месяцев*), и *в девять месяцев* (*срок в девять месяцев — девятимесячный срок*). Иначе говоря, *девятимесячный* — универбат всех возможных атрибутивных употреблений словосочетания *девять месяцев*: *Главой объединенного государства стал девятимесячный английский престолонаследник* (Звезды, № 5, 2013); *Ребенок девяти месяцев всё также с удовольствием подражает движениям взрослых* (<http://www.minibanda.ru>); *Советский Союз обязался вывести свой контингент в девятимесячный срок* (<http://www.inosmi.ru>); *В этом отношении срок в девять месяцев последнее время то вырывается вперед, то «проигрывает» популярнейшему полугодовому сроку. И так, в области максимумов полугодовой срок на сегодняшний день «выигрывает» у девятимесячного срока* (<http://investfunds.ua>).

В качестве зависимого слова в атрибутивном словосочетании могут выступать и причастия. В «Русской грамматике» (1980) дается следующее определение: «Причастие — это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т.е. значение действия и собственно определительное» [19, с. 665]. В. В. Бабайцева отмечает особый характер причастных форм и считает основным отличительным свойством причастий «их синкретичное категориальное значение: в нем сочетаются значения действия и признака предмета» [20, с. 324]. И. К. Сазонова выделяет глагольные, стативные и адъективные значения причастий. Наиболее близки именам прилагательным причастия с адъективной семантикой, в то же время ученый признает их мотивированность глагольными значениями, они «не выходят за рамки глагольной семантической зоны» [21, с. 11]. Вопросам адъективации причастий посвящены работы И. К. Сазоновой, Ю. П. Князева, Л. П. Калакуцкой, И. В. Замятиной. Исследователи сходятся во мнении, что «конечный результат адъективации — приобретение причастиями адъективных значений (*цветущий сад*)», когда у причастий появляются формы качественных прилагательных: степени сравнения, возможность образования наречий на *о-*, *е-*; действительные причастия оказываются способными к образованию кратких предикативных форм; причастия могут иметь антонимы; иногда адъективные значения имеют относительный характер — *ведущие актеры, мнимый больной* [22, с. 6–7]. В. В. Виноградов не употребляет термин *адъективация*, заменяя его формой «окачествление» («развитие

качественных значений», «насыщение качественными оттенками», «качественно-прилагательное значение»). Исследователь определяет страдательные причастия как те единицы, в которых процесс «окачествления» пошел дальше всего, формы прошедшего времени «гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастия настоящего времени на *-мый*» [7, с. 225]. Подвергая сомнению связь страдательных причастий прошедшего времени с глагольной основой инфинитива, он указывает, что «полная форма причастий на *-нный, -тый* является очень сложным гибридным словесным образованием. Качественные значения в большей части таких причастных форм явно преобладают» [7, с. 229].

По мнению И. В. Замятиной, «двойственная природа полной причастной формы проявляется в любой характерной для нее синтаксической позиции» и даже в позиции «согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного» [23, с. 121]. Двойственная семантическая природа проявляется у причастия в позиции синтаксического актанта, особенно если речь идет о субстантивированных причастиях. Напомним, что в классификации частей речи, предложенной В. И. Теркуловым с точки зрения ономаσιологического подхода, причастия относятся к атрибутам актанта.

Действительные и страдательные причастия являются структурными компонентами универбализационных композитов, реализующих атрибутивную функцию. Важно отметить, что причастные словосочетания в адъективной функции частично теряют процессуальные семы и актуализируют признаковые. И. В. Замятина справедливо считает, что «причастие – уникальная форма: с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имён, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным» [24, с. 11]. Существует две разновидности конструкций данного типа, различие которых состоит только в числовой характеристике зависимого имени – Прич + Сущ⁵ ед (мн), например, *утоляющий боль* — *болеутоляющий*: Они всю ночь бодрствуют; вслух, не торопясь и по частям читают Коран; при этом глубоко грустят, в этом чтении обретают спасительный бальзам, *утоляющий боль* (<http://www.halifat.info/>); Ученые оценивали *болеутоляющий* эффект от просмотра фотографий с любимыми людьми по степени нагрева термостимулятора, при которой боль становилась нестерпимой (<http://tramadola.net/interesnye-fakty>); Иногда глаза становились мутными, гасли с похмелья. Мама не разрешала давать *болеутоляющий* опиум. Только ром. [Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001); Национальный корпус русского языка; (www.ruscorgora.ru); *суживающий сосуды* — *сосудосуживающий*: Авторы заключили, что почка вырабатывает *суживающий сосуды* белок (События недели, №51(185), 16.12.15); Открытие ренина и механизма его *сосудосуживающего* действия представляет большой клинический интерес (<http://www.medin.org.ua>).

Фиксируем также конструкции с зависимым атрибутом, которые могут быть описаны формулой Прич + Прил⁵: *рожденный мертвым* — *мертворожденный*, *рожденный слепым* — *слепорожденный*, *рожденный свободным* — *свободнорожденный*: Альтернативой диктатуре общества, диктатуре личности и диктатуре системы, я вижу только общество *свободнорожденных* системных социальных эгоистов (<http://www.sunhome.ru/philosophy>); *Рожденный свободным*, юноша недолго терпел неволю и, когда бежал, домой решил не возвращаться (<http://cthulhuhammer.mybb.ru/>).

Таким образом, в русском языке атрибутивная функция реализуется простыми и сложными конструкциями. Атрибутивные конструкции представляют собой номинативный комплекс, сохраняющий достаточную независимость по отношению к предло-

жению в целом. Синтаксической моделью для реализации атрибутивных отношений между предметом и признаком выступают сочетания «прилагательное + существительное» (*синее небо*), «существительное + существительное» (*лицо женщины*), сложные конструкции с комбинированной связью между главным и зависимым словом (*большой дом с мезонином*), бахуврихи (*розовощекий младенец — младенец с розовыми щеками*), а также модель «причастие + существительное» (*тепловыделяющий элемент — выделяющий тепло элемент*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов ; АН СССР, Отд. лит. и яз., Отв. ред. В. З. Панфилов, П. Я. Скорик. – Л. : Наука, 1978. – 387 с.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 216 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
3. Копкова Е. В. К онтологии грамматики имени прилагательного: атрибутивная и предикативная функции / Известия Российского государственного университета им. А.И.Герцена. – Вып.111, 2009. – С. 196–200.
4. Тарасова Л. Д. Особенности функционирования имен прилагательных в именной группе // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях: Межвуз. сб. научных трудов. – Киров, 1985. – С. 41–46.
5. Богданов В. В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста / Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981. – С. 5–13
6. Малышева А. А. Атрибутивное словосочетание в предложении как выразитель вторичной предикативности / Системный анализ простого и сложного предложения: межвуз. сб. науч. трудов. – Л., 1990. – С. 32–38.
7. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 560 с.
8. Хлопьянов А. В. Об изучении русских поэтических атрибутивных словосочетаний в иноязычной аудитории / А.В. Хлопьянов // Мова. – 2014. – № 21. – С. 249–253.
9. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
10. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. Отд-ние 1. Об именах существительных / [Соч.] протоиерея Г. Павского. — 2-е изд. — СПб. : Тип. Имп. АН, 1850. – 335 с.
11. Шанский Н. М. Современный русский язык : учебн. пособие [для студ. пед. ин- тов по спец. «Русский язык и литература»] : в 3 частях / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – 2-е изд. – Ч. 2. Словообразование. Морфология. – М. : Просвещение. 1981. – 270 с.
12. Белоусова Т. А. Субстантивные генитивные словосочетания в современном немецком языке / Т. А. Белоусова, Н. В. Фисунова // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки, 2015. — №6 (203). – Вып. 25. – С. 60–65.
13. Якобсон Р. О. Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
14. Лурия А. Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
15. Юдина Н. В. К вопросу о рекуррентности лексических образований в сфере фразеологии (на материале сочетаний «прилагательное +существительное») / Вестник Новгородского госуд. университета, 2014. – №77. – С. 245–248.
16. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л.А. Кудрявцева. – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с. – (Киевский нац. ун-т.)
17. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : Дисс. ...д-ра филол. наук: 10.02.02 «Русский язык» / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
18. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). – М. : Просвещение, 1966. – 155 с.
19. Русская грамматика : в 2-х тт. / [гл. ред. Н.Ю. Шведова]. – М. : Наука 1980.– Т. 1. – 784 с.
20. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. Монография / В. В. Бабайцева. – М. – 2000. – 640 с.
21. Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь / И. К. Сазонова. – М. : Русский язык, 1989. – 587 с.

22. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке / Л. П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1971. – 227 с.
23. Замятина И. В. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность / И. В. Замятина, Г. Ю. Сызранова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология, 2013. – № 3 (27). – С. 118–127.
24. Замятина И. В. Грамматика русского причастия : Автореферат дисс. ... д-ра филол. наук / спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. В. Замятина. – Москва, 2010. – 50 с.

Поступила в редакцию 08.01.2016 г.

PECULIARITIES OF SEMANTIC AND SYNTACTICAL APPROACH TO ATTRIBUTIVE CONSTRUCTIONS DIFFERENTIATION

Sosnina L. V.

The article deals with semantics and structure of simple and complex attributive constructions. The ways of historical evolution of Russian genitive constructions are also touched upon. The attributive constructions are treated as nominative complexes, which are viewed as independent combinations in the context of the sentence. The attributive constructions are expressed in the Russian language by means of different parts of speech (nouns, adjectives, participles) being combined in a construction.

Key words: attribute, composite, condensation, semantics, word-combination, participle, univerbalisation.

Соснина Людмила Васильевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Донецкий национальный технический университет.

Sosnina Ludmila Vasilievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National Technical University.

e-mail: ludmilasosnina@gmail.com

ПЕДАГОГИКА

УДК 811.111:378.147

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

© 2016. *Е. Ю. Конько*

Статья посвящена изучению инновационным методам преподавания английского языка в высших учебных заведениях. Рассматриваются преимущества инновационных методов преподавания английского языка. Устанавливаются и анализируются особенности инновационных методов преподавания студентам высших учебных заведений. Представлены примеры технических средств обучения английскому языку.

Ключевые слова: информационные компьютерные технологии, английский язык, методика преподавания, технические средства.

Вопрос о применении новых информационных технологий при обучении английскому языку становится всё более актуальным. Под применением новых информационных технологий в обучении английского языка подразумевают не только практическое применение современных технических средств и технологий, но и использование новых форм и методов преподавания английского языка и подхода к процессу обучения в целом. Одной из основных задач преподавателя является активизация деятельности каждого студента, создание ситуации для их творческой активности. Совершенно очевидно, что использование компьютера и мультимедийных средств помогает не только осуществить личностно-ориентированный подход в обучении, но и обеспечить индивидуализацию и дифференциацию с учётом уровня знаний учащихся. Очень многое зависит от преподавателя, от его желания использовать информационные технологии на занятиях иностранного языка. На вопрос: заменит ли преподавателя компьютер, можно смело ответить: нет, никогда не заменит, но его заменит преподаватель, владеющий информационными технологиями.

В данной статье, с одной стороны, речь идёт о несомненных преимуществах использования информационных компьютерных технологий (далее — ИКТ) на занятиях английского языка, а, с другой стороны, анализируются проблемы, возникающие при их применении на практике.

В настоящее время многие основные методические инновации, внедряемые в высшее профессиональное образование, связаны с применением информационных технологий и методов обучения. Проблемы совершенствования образовательного процесса с использованием информационных технологий отражены в работах таких авторов, как В. П. Беспалько, М. А. Бовтенко, Б. Г. Гершунский, Е. С. Полат, И. В. Роберт, К. Б. Солодовник, R. Gagne, L. Briggs, K. Ahmad, C. Corbett, M. Rogers, R. Sussex, Patricia A. Duff и др.

Опыт использования компьютерных технологий позволил выделить ряд преимуществ в усвоении английского языка. Следует выделить несколько преимуществ ИКТ в обучении английскому языку:

- возможность индивидуализации темпа усвоения материала;

– методические достоинства компьютерного обучения: большая степень интерактивности обучения, чем при работе в аудитории; возможность самостоятельно выбирать темп и уровень выполняемых заданий соответствует принципам индивидуального обучения;

– технические преимущества обучения английскому языку при помощи компьютера: возможность осуществлять технический перевод, использование программы проверки грамматики и орфографии, использование мультимедиа, интерактивного видео при обучении устной речи. Графические возможности компьютера выделяют этот метод обучения на фоне традиционных и позволяют реализовать принцип наглядности обучения;

– более быстрая обратная связь с преподавателем во время занятий с возможностью отследить прогресс каждого студента;

– быстрая самопроверка за счет наличия в предлагаемых компьютерных заданиях «ключей», правильных ответов;

– оптимизация самостоятельной работы студентов под руководством преподавателя;

– повышение мотивации к изучению иностранных языков;

– повышение профессионального уровня преподавателя.

Большое значение имеет использование компьютерных технологий для оптимизации самостоятельной работы, в том числе при подготовке к занятиям. Т.к. это показывает, что качество выполнения самостоятельной работы дома с использованием компьютера повышается, поскольку появляется возможность незамедлительной самопроверки и коррекции знаний студентов за счёт соответствующих справочных источников обычно прилагаемых к компьютерным программам. Особенно это заметно, если учебная деятельность с использованием компьютеров практикуется и на аудиторных занятиях с преподавателем, а домашние задания являются ее органичным продолжением [7, с. 112].

Для достижения нового качества образования, действительно адекватного современности, сегодняшний преподаватель английского языка не только должен овладеть ИКТ, но и осознать, насколько изменяется подход к соотношению функций процесса обучения: традиционно руководящая и контролирующая функции постепенно замещаются ориентирующей и систематизирующей. Таким образом, только при этих условиях, может полноценно осуществляться целенаправленная совместная деятельность преподавателя и студентов в информационно-образовательной среде (далее — ИОС).

Если в традиционном обучении главной задачей являлась передача студенту определённой суммы знаний, формирование ряда умений, то цель обучения в ИОС – научить учащегося ставить и решать познавательные проблемы, а для этого находить, перерабатывать, использовать и создавать информацию, ориентироваться в информационном пространстве.

Основными характеристиками ИОС являются:

1) открытость, которая обеспечивается за счёт взаимодействия среды с информационно-образовательным пространством и позволяет организовать вариативное обучение, отвечающее задачам развития личности студента.

2) внутреннее единство процесса обучения – целей обучения, деятельности преподавателя, деятельности студентов и планируемого результата. Единство процесса обучения возникает в результате сознательных действий участников педагогического процесса и формируется с учётом содержания учебно-методического материала, оптимальных методов, способствующих достижению целей обучения и развития.

3) многофункциональность процесса обучения. Среда может быть, как источником знаний, так и одновременно способствовать организации различных форм самостоятельной работы студентов вуза. ИОС позволяет реализовать дидактические возможности инновационных технологий, эффективно организовать индивидуальную и коллективную работу студентов [2, с. 95].

Сегодня уже совершенно ясно, что именно обучение в информационно-образовательной среде значительно повышает эффективность образования вообще и изучения иностранного языка в частности. Однако, одной из проблем является та парадоксальная ситуация, когда в результате гигантского разрыва между поколениями в уровне компьютерной грамотности преподаватель впервые начал ощущать свою ущербность перед студентами.

Информационное пространство, которое студенты, владеющие современными компьютерными технологиями, активно осваивают, открывает перед учащимися огромные возможности для приобретения знаний и навыков, часто, к сожалению, недоступных даже преподавателю, много лет проработавшему в вузе. Хочется отметить, что в свободном доступе достаточно электронных образовательных материалов, представлен большой ассортимент файлов с различными электронными ресурсами, претендующих на роль языковых курсов. Однако, хорошо известно, что множество электронных образовательных ресурсов несут заведомо ложные знания, искажают сущность изучаемых явлений, особенно опасны тем, что приучают молодых людей неразборчиво пользоваться непроверенными данными при самостоятельной работе. Здесь чрезвычайно важен контроль со стороны преподавателя, имеющего соответствующую подготовку и способного научить студентов тщательно отбирать информацию [3, с. 314].

Вполне естественно, что преподаватель испытывает значительный психологический дискомфорт, осознавая, что молодёжь гораздо лучше его ориентируется в новой информационной среде. Более того, очень трудно удерживать внимание учащихся, родившихся в век информатизации, исключительно традиционными учебными методами.

В условиях изменения содержания образования ИКТ открывают огромные возможности повышения мотивации учащихся и формирования прочных языковых навыков.

Компьютерные обучающие программы имеют много преимуществ перед традиционными методами обучения. Они позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в разных комбинациях, помогают осознать языковые явления, сформировать лингвистические способности, создавать коммуникативные ситуации, автоматизировать языковые и речевые действия, а также обеспечивают реализацию индивидуального подхода и интенсификацию самостоятельной работы студентов в высших учебных заведениях.

Компьютер позволяет задействовать у обучаемого все три канала восприятия: слуховой и визуальный, что позволяет увеличить объем и прочность усвоения изучаемого материала, значительно повышает статус студентов в учебном процессе, увеличивает познавательную активность учащихся и поддерживает интерес к предмету, а также расширяет поле для самостоятельной деятельности учащихся, даёт возможность создавать ситуации личностнозначимые для каждого студента, позволяет использовать Интернет как средство погружения в виртуальное пространство.

Однако, когда речь идёт об использовании ИКТ в высших учебных заведениях, возникают следующие проблемы.

Во-первых, очень невелико количество вузов, оснащённых соответствующими техническими средствами в достаточном объёме.

Во-вторых, преподавателям английского языка требуется квалифицированная помощь в освоении как компьютера, так и специальных электронных обучающих программ. Что касается оснащения вузов современным оборудованием, то этот вопрос должен решаться на уровне администрации конкретных учебных заведений. Для решения второй проблемы на факультетах повышения квалификации, преподавателям ВУЗов предлагаются курсы для обогащения их профессионального багажа за счёт изучения разнообразных мультимедийных программ.

Оценивая мультимедийные программы, преподаватели ВУЗов отмечают, что электронные обучающие средства оказывают огромную помощь преподавателю в развитии такого сложного навыка как восприятие иноязычной речи на слух. Разнообразие аудиоматериалов в сочетании с видеоприложениями создают уникальную возможность для формирования навыка понимания разговорной английской речи. Кроме того, встроенные англо-русские и русско-английские словари являются неплохой базой для расширения лексического запаса. Недостатком упражнений по грамматике и лексике можно считать их поверхностность, отсутствие тщательной проработки тех или иных языковых явлений. Но ведь арсенал современного преподавателя позволяет ему сделать правильный выбор и найти сбалансированное решение, умело сочетая лучшие традиционные методы обучения и возможности инновационных технологий [5, с. 225].

Самыми распространёнными примерами технических средств обучения английскому языку являются проекторы, ноутбуки, компьютеры, программа Internet Explorer, CD, DVD диски, программы Microsoft Power Point, Microsoft Word, Skype и др.

Данные преимущества способствуют повышению познавательной активности и мотивации обучения, формированию навыков исследовательской работы и умений работать с информацией, расширению и углублению знаний, умений, навыков в овладении иноязычной коммуникативной деятельности, стимулированию интереса учащихся к изучению предмета, развитию речемыслительной деятельности и повышению индивидуализации обучения.

На сегодняшний день наиболее универсальным техническим средством обучения являются электронные интерактивные доски SMART Board. Электронная сенсорная доска с соответствующим программным обеспечением с успехом заменяет массу дополнительного оборудования – DVD-проигрыватель, аудиомэгнофон, телевизор – и способна превратить любой кабинет иностранного языка в динамичную среду обучения.

Электронные интерактивные доски – это эффективный способ внедрения электронного содержания учебного материала и мультимедийных материалов в процесс обучения. Материал урока четко вырисовывается на экране интерактивной доски и нацеливает каждого учащегося на активную плодотворную деятельность. Заранее подготовленные тематические тексты на английском языке, обучающие и проверочные упражнения, красочные картинки различного характера, материал англоязычных мультимедийных дисков, аудио-, видеоматериалы служат для введения или активизации материала урока, повторения или закрепления лексических единиц и грамматической структуры языка, контроля и самоконтроля знаний.

Интерактивная доска позволяет работать без использования клавиатуры, «мыши» и монитора компьютера. Все необходимые действия можно проделывать непосредственно на экране посредством специального маркера или даже пальца. Преподаватель не отвлекается от урока для проведения необходимых манипуляций за компьютером.

Это положительно сказывается на качестве подачи учебного материала. Таким образом, используя интерактивную доску, можно организовать постоянную работу учащегося в электронном виде. Это значительно экономит время, стимулирует развитие мыслительной и творческой активности, включает в работу всех учащихся, находящихся в аудитории.

Хочется подчеркнуть, что настораживает не только огромная пропасть между громкими лозунгами о модернизации образования и реальным положением вещей. Ещё большее опасение вызывает общее снижение уровня знаний у студентов, свободно пользующихся всеми доступными им современными достижениями информационных технологий. С полной ответственностью можно заявлять о том, что не только знания, но даже уровень развития учащихся резко снизился в связи с использованием ИКТ. Оказалось, что оснащение ВУЗов по последнему слову техники, постоянное проведение занятий в компьютерных классах привело к очевидным отрицательным последствиям. Это проявляется в том, что учащиеся не в состоянии грамотно оформлять свои мысли как устно, так и письменно. Молодёжь утратила способность внятно высказываться на родном языке, чаще всего их речь представляет собой набор отрывочных, логически не связанных, уродливых речевых образований. Научившись пользоваться электронными ресурсами и «скачивать» готовые тексты для курсовых работ, студенты разучились изучать и анализировать материалы, потеряли всякий интерес к самостоятельному творчеству. Что касается английского языка, то, безусловно, доступность и обилие аутентичных материалов может только радовать преподавателей. Но преподавателя английского языка столкнулись с тем, что студенты, предпочитают довольно сомнительные по качеству фильмы и передачи на английском языке. Практически не читая книг и получив неограниченный доступ к низкосортным продуктам массовой культуры, студенты с уверенностью демонстрируют примитивную и вульгарную речь, как на русском, так и на английском языке. Сегодняшние студенты старших курсов обладают чрезвычайно ограниченным запасом слов, для них характерно отсутствие всякого желания углубиться в серьёзное изучение английского языка, основанное на том, что у них «закачаны» любые электронные словари, и они всегда смогут найти необходимое слово. Невозможно отрицать то, что коммуникативная направленность в изучении языка является ключевой, но добиваться результативности этого подхода надо не облегчённым путём механического воспроизведения речевых моделей, а более трудоёмким путём сознательной перестройки мышления на реалии изучаемого языка [6, с. 10].

Таким образом, приходится констатировать, что обилие разнообразных современных устройств, а также непродуманное использование компьютерных технологий на занятиях английского языка обернулось отсутствием у студентов привычки учить лексику, развивать языковую интуицию, вникать в суть грамматических явлений, прислушиваться к рекомендациям преподавателя.

Несомненно то, что вузы должны быть оснащены самыми современными техническими средствами обучения, о неоспоримых преимуществах которых подробно говорилось в статье. Преподаватели английского языка, владеющие ИКТ, могут целесообразно, по мере необходимости, сочетать традиционные методы и электронные средства на своих занятиях. Мы должны стремиться не к тому, чтобы превратить свои занятия в череду эффектных презентаций и бесконечное мелькание ярких картинок на экранах мониторов. Технологии ни в коем случае не должны заслонять собой то, ради чего они, собственно говоря, и созданы – целенаправленное и плодотворное общение студента под грамотным руководством преподавателя. На сегодняшний день задача

преподавателя английского языка состоит в том, чтобы, с одной стороны, привить студентам навыки приобретения основательных знаний, а, с другой стороны, научить молодёжь осмысленно овладевать необходимой информацией.

Итак, разумное использование практически безграничных возможностей современных технических средств на занятиях английского языка должно способствовать формированию языковых компетенций, развитию творческого мышления и, самое главное, стремлению к постоянному совершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Patricia A. Duff. Case study research in applied linguistics / Duff P. A. — N. Y. : Lawrence Erlbaum, 2008. — 233 p.
2. Беспалько В. П. Слагаемые педагогических технологий / В. П. Беспалько. — М. : Педагогика, 1989. — 192 с.
3. Солодовник К. Б. Метод кейс-стади в преподавании иностранных языков как свидетельство современных интеграционных процессов в образовательной системе / К. Б. Солодовник // Материалы III международной научной конференции «Актуальные проблемы современного научного издания»; под общей ред. Н. А. Стадильской. — Ч. 2. — Пятигорск : ПГЛУ, 2010. — С. 313-315.
4. Бовтенко М. А. Информационно-коммуникационные технологии в обучении : учеб. пособие / М. А. Бовтенко. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. — 92 с.
5. Gagne R. Instructional Technology Foundations. Hillsdale / R. Gagne. — NJ : Lawrence Erlbaum Assoc, 1987. — 357 p.
6. Гершунский Б. С. Готово ли современное образование ответить на вызовы XXI века? / Б. С. Гершунский // Педагогика. — 2001. — № 10. — С. 3–12
7. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособ. для студ. высш. учебн. завед. / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров ; под ред. Е. С. Полат. — 4-е изд., стер. — М. : Издат. центр «Академия», 2009. — 272 с.
8. Роберт И. В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты) / И. В. Роберт. — М. : ИИО РАО, 2007. — 224 с.

Поступила в редакцию 19.02.2014 г

INNOVATIVE METHODS OF TEACHING ENGLISH AT HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Konko Y. Y.

The article deals with innovative methods of teaching English at higher educational institutions. Advantages of innovative methods of teaching English are considered. Their role and peculiarities in training students at higher educational establishments are analyzed. Some examples of technical aids application in teaching the English language are provided.

Key words: *information computer technology, the English language, methods of teaching, hardware.*

Конько Елизавета Юрьевна

Преподаватель.

Донецкий национальный университет.

Konko Elizabeth Yuryevna

Assistant lecturer.

Donetsk National University.

e-mail: elizaveta_harlam@mail.ru.

УДК 811.161.1: 372.24

**И. Ф. ГУДЗИК О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
КОМПЕТЕНТНОСТИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛАХ**

© 2016. Л. В. Мельникова

В данной статье сделана попытка обобщить исследования известного лингводидакта И. Ф. Гудзик по проблеме формирования языковой личности в условиях компетентностно ориентированного обучения и в ситуации двуязычия (многоязычия). Лингводидактическое наследие учёного включает данные исследования, проведённого в рамках подготовки монографии «Компетентностно ориентированное обучение русскому языку в начальных классах (в школах с украинским языком обучения)». Анализ работ исследователя позволил сделать обобщения и обозначить перспективы дальнейшего изучения проблемы языковой личности в условиях двуязычия школьного образования.

Ключевые слова: языковая личность, языковая компетенция, лингводидактика, компетентностно ориентированное обучение, двуязычие, многоязычие, модель языковой личности, социо-языковая ситуация, языковое сознание.

В традиционной лингвистике, в риторике, в социолингвистике, лингвокультурологии, психолингвистике составляющие языковой личности существовали как самостоятельные предметы рассмотрения. В условиях внедрения новой концепции языкового образования исследование проблемы языковой личности очень актуально, а результаты научных изысканий следует учитывать при разработке теории и практики современного школьного языкового образования, составления программ, учебников и пособий по русскому языку как для школ с обучением на русском языке, так и с обучением на украинском и других языках.

Исследования проблемы не новы и предполагают синтез равноправных подходов, что открывает перспективы более глубокого и равностороннего описания языка. Эта тема представлена в работах В. В. Виноградова, Т. Г. Винокура, Ю. Н. Караулова, В. П. Мусиенко, А. В. Пузырёва, С. Е. Никитиной, Н. П. Шумаровой и др.

Среди лингвистических исследований, посвященных проблеме языковой личности на современном этапе, можно отметить ряд основных направлений:

- разработка модели языковой личности (Ю. Н. Караулов, Г. И. Богин, С. Г. Воркачев);
- анализ языковой личности как *homo loquens* (Г. В. Ейгер, С. В. Лебедева, И. А. Раппопорт, А. А. Залевская);
- рассмотрение языковой личности как носителя национального языка и культуры (Н. В. Уфимцева, Н. Л. Чулкина, В. М. Богуславский);
- выделение социолингвистического или психологического подтипа – языковая личность ребенка, интеллигента, жителя деревни, ведущего и т. д. (А. В. Захарова, Л. П. Крысин, Г. Н. Беспмятнова, Т. А. Ивушкина, М. В. Ляпон);
- переход от языковой личности к речевой личности (Л. П. Клобукова, Е. Ю. Прохоров, В. В. Красных) и другие.

Например, Т. Г. Винокур пишет о том, что «компоненты словосочетания *языковая личность*, квалифицируемого как терминологическое, указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а во-вторых, – на индивидуально-дифференцирующую характеристики» [1, с. 11].

Структура языковой личности, по Ю. Н. Караулову, состоит из трёх уровней: «1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определённых значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в определённую «картину мира», отражающую иерархию ценностей; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности» [2, с. 5].

Остаётся открытой проблема, которая особенно интересует лингводидакта, – языковая личность в ситуации двуязычия (многоязычия). Воспитание интереса к языкам, культурам народов, живущих в би-/полилингвальной стране, – важная задача школы.

По твёрдому убеждению И. Ф. Гудзик, «анализ проблем, очерченных понятием языковой личности, важен не только для языковой теории, но и для решения прикладных задач, в частности, для планирования языкового образования в целом, разработки содержания и методов обучения конкретным языкам, а также для развития национального, культурного самосознания учащихся, частью которого является самосознание» [3, с. 31]. В лингводидактике эти вопросы рассматривали Н. С. Вашуленко, Г. Ю. Богданович, Л. И. Мацько, Г. А. Михайловская, В. И. Стативка, Н. П. Шумарова и другие.

Цель данной статьи – представить взгляд И. Ф. Гудзик на проблему формирования языковой личности в контексте компетентностно ориентированного обучения русскому языку в школах. «Понятие языковой личности в современной лингвистике – одно из самых эксплуатируемых. Повышенное использование этого понятия очень точно отражает устремление современной лингвистики к человеку думающему, говорящему и включённому в процесс коммуникации» [4, с. 23]. С точки зрения И. Ф. Гудзик, «оно используется для того, чтобы преодолеть разрыв в описании языка и человека, который использует его, и в результате лучше понять и феномен языка, и человека – носителя языка» [3, с. 29]. Исследование языковой личности предполагает синтез разноплановых подходов, что открывает перспективы для более глубокого и разностороннего описания языка.

В круг научных интересов Ирины Филипповны вошли исследования, касающиеся не только языка учебника, но и формулировки учебных заданий, содержания и объёма учебных текстов, возможностей для самостоятельной работы школьников (это задания на осознание цели работы, её планирование, оценивание сделанного, размышление о ходе выполнения задания и др.), отражения лингвонародоведческого и социокультурного компонентов, соотношения речевой и языковой линии содержания обучения, наличия заданий на формирование практических языковых умений и навыков в учебниках по русскому языку и т. п. Именно это последнее является, по утверждению лингводидакта, важным признаком компетентностно ориентированного обучения языку, которое в первую очередь направлено на формирование практических умений и навыков.

По мнению О. В. Сухомлинской, наследие как историко-педагогический источник оживает тогда, когда мы начинаем его анализировать, задавать ему вопросы. И от того, какие вопросы мы ему задаём, зависит и наше представление о личности, которая оставила наследие [5, с. 37]. В этих исследованиях достойное место должно занять лингводидактическое наследие И. Ф. Гудзик, которое мы анализируем с целью выявления конструктивных и перспективных идей, а также для целостного представления о личности учёного и его наследия, что в свою очередь является основой для последующего анализа и соответствующих размышлений [5, с. 37].

Новые образовательные стандарты (отрасль «Филология») рассматривают язык как продукт культуры, ее важную составляющую (аксиологический компонент школьного курса русского языка). Аксиологический подход выражается в необходимости максимально учитывать особенности языковой личности.

Круг научных интересов И. Ф. Гудзик – проблема языковой личности в ситуации двуязычия. Опираясь на многочисленные работы в этой области, лингводидакт исследует вопрос, обозначенный Ю. Н. Карауловым, который замечает, что при доминантном типе двуязычия (когда язык является исходным, основным) проблем не возникает, а при равноправном типе двуязычия «вопрос о квалификации соответствующей языковой личности остаётся, по всей видимости, открытым» [7, с. 47]. Конкретное наполнение этой модели ещё недостаточно разработано, существенную лепту в решение вопроса внесла И. Ф. Гудзик. Формирование «языковой личности» определено в работах лингводидакта как цель и стратегия обучения русскому языку в условиях многоязычия [7; 8; 9]. Многоязычие – это богатство, и школа должна в полной мере воспользоваться им. Проблема персонального двуязычия актуальна разных стран, и отдельным его аспектам посвящены многочисленные исследования, самым важным результатом которых является мысль о том, что при рассмотрении такой сложной проблемы нет места упрощённым выводам. Каково влияние персонального двуязычия (положительное или отрицательное) – зависит от многих факторов, тщательное изучение которых даёт нужные результаты.

И. Ф. Гудзик провела анализ терминов, связанных с обучением русскому языку, что дало ей возможность более глубоко понять специфику тех процессов, которые определяют особенности языкового образования в целом и специфику обучения русскому языку, в частности, в начальной школе.

Рассмотрение школьного обучения языку через призму понятия языковой личности предполагает усиление работы над всеми видами речевой деятельности. Учёный не без основания считает, что первостепенное значение в обучении должны приобрести свободные высказывания учащихся (устные и письменные) о том, что их действительно занимает, радует, волнует, тревожит, о тех представлениях об окружающей действительности, которые у них сложились, об их восприятии прослушанного или прочитанного текста. Именно в этих высказываниях, убеждена лингводидакт, они могут показать себя в определённой степени сложившимися (формирующимися) языковыми личностями, которые стремятся выразить себя. Такое видение, по мнению исследователя, вполне согласуется с известными линиями содержания обучения языку, но понятие языковой личности даёт возможность сформулировать проблему более чётко, подчеркнуть недопустимость превалирования формально-грамматического, описательного подхода к школьному курсу русского языка.

Языковая личность рассматривается на основе созданных ею текстов, которые являются показателем уровня владения языковыми средствами (лексикой, грамматикой), свидетельством определённых установок личности. Ученые выделяют следующие основные сущностные характеристики языковой личности: языковая способность, языковое сознание, коммуникативная потребность. «И для общества в целом, и для школы важны степень владения тем или иным языком, сферы его использования, отношение к разным их носителям, к двуязычию (многоязычию) в той или ином варианте и готовность учить языки, знакомиться с особенностями той культуры, носители которой пользуются данным языком и т.д. При этом очевидно, что и при доминантном типе двуязычия возникают значительные проблемы, например, если государственным становится язык, который не является доминирующим для части

населения, а доминирующий для них язык оказывается негосударственным и теряет свои позиции в обществе», – утверждает лингводидакт и подтверждает тезисы данными социологических исследований, проведёнными ею среди учащихся начальных классов в нескольких образовательных организациях [3, с. 32-37].

И. Ф. Гудзик комментирует утверждение Н. П. Шумаровой о том, что модель языковой личности, спроектированная Ю. Н. Карауловым, «является ничем иным, как многомерной структурой языковой компетенции» [10, с. 23]. Исследователь признаёт понятия «языковая личность» и «языковая компетенция» соотносимыми, однако считает нежелательным использовать в дидактических целях определение «языковой» лишь в самом широком значении, без уточнения того, к собственно языковому или речевому аспекту он относится.

Одной из существенных задач развития языковой личности учёный определяет выработку у школьников надлежащего отношения к языковым проблемам в условиях значительных изменений социо-языковой ситуации в мире, поэтому в своих исследованиях Ирина Филипповна опирается на интуицию и данные социологических опросов. Так, например, анкетирование было проведено в учебных заведениях с обучением на украинском языке в городах Виннице, Киеве, Тернополе, Харькове, а также Киевской и Харьковской областях. Всего около 300 респондентов. Цель анкетирования – выяснение отношения к языкам, которые изучаются в школе, и сфер использования русского и украинского языков. Анкета включала следующие вопросы: «Насколько важно для тебя в жизни знать украинский язык, русский язык, иностранный язык?», «Каким языком ты пользуешься в семье и общении с друзьями?», «На каком языке (на каких языках) есть книги у тебя дома?» и т. д. Индивидуальное восприятие значимости каждого языка учащимся было предложено оценивать с помощью баллов (от 3 до 0, где 3 – нужен больше всего, 2 – также очень нужен, 1 – нужен, но в меньшей степени, 0 – не думаю, что будет нужен). Результаты исследования обобщены, данные представлены в таблицах [3, с. 33-34].

В дополнение к разработанным И. Ф. Гудзик анкетам учащимся предложили задание для ассоциативного эксперимента. Был использован так называемый «свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией цепи ответов, когда испытуемому предлагается реагировать таким количеством слов, которое он может или успеет воспроизвести в определённое время», так как задача реагирования в обычном ассоциативном эксперименте одним словом решается обычно спонтанно, в ней нет неизвестных, её решением движет не мысль, а сам язык [3, с. 34]. Школьников предварительно ознакомили с фрагментами из Словаря ассоциативных норм русского языка. Интересны ассоциации учащихся, связанные с понятие «русский язык». Отношение школьников к языкам, утверждает Ирина Филипповна, может служить основанием для успешного решения языковой проблемы в любом государстве. Ею сделаны выводы и сформулированы рекомендации для разработчиков школьного курса русского языка. Результаты опроса, естественно, являлись лишь предварительными. Материал исследования по количеству опрошенных не может рассматриваться как репрезентативный, однако он даёт основание для определённых размышлений. Анкетирование проводилось только среди учащихся начального звена (3, 4 классы), что обосновано целями диссертационного исследования на соискание научной степени доктора педагогических наук, но можно с уверенностью сказать о том, что полученные данные аналогичны возможным результатам среди учеников 5 классов школ с украинским языком обучения (1-й и 5-й годы обучения русскому языку).

Совершенствование языкового образования является наиболее важным направлением реформирования современной школы. Анализ проблем, очерченных понятием «языковая личность», важен не только и не столько для языковой теории, но и для решения прикладных задач, в частности, в ходе концептуального планирования языкового образования в государстве, разработки содержания и методов обучения конкретным языкам (в нашем случае – русскому языку), а также для развития национального, культурного самосознания учащихся, частью которого является языковое самосознание. Актуальность исследования проблемы языковой личности в условиях билингвизма обосновывала в своих работах И. Ф. Гудзик. Она считала, что результаты таких исследований следует учитывать при разработке школьного курса русского языка и языкового образования в целом. Лингводидакт выявила противоречие между реальным уровнем разработки теории и практики школьного курса русского языка и современными лингвистическими исследованиями, в которых представлен анализ не только формальных языковых средств, но и семантики языковых единиц, а также когнитивного и прагматического уровней языковой личности. Это противоречие обуславливает актуальность исследования разных аспектов проблемы обучения русскому языку в школах с обучением на русском, украинском и других языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Т. Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция / Т. Г. Винокур // Язык и личность. — М. : Наука, 1989. — 216 с.
2. Караулов Ю. Н. Язык и личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1989. — 216 с.
3. Гудзик И. Ф. Компетентностно ориентированный обучение русскому языку в начальных классах (в школах с украинским языком обучения) / И. Ф. Гудзик. — Чернівці : Видавничий дім «Букрек», 2007. — 496 с.
4. Пузырёв А. В. Языковая личность в плане субстрактного подхода / А. В. Пузырёв // Языковое сознание: Формирование и функционирование. Сб. статей ; отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М. : РАН, Ин-т русск. яз., 1998. — 256 с.
5. Сухомлинська О. В. Педагогічна спадщина як предмет вивчення / О. В. Сухомлинська // Шлях освіти. — 2008. — № 4. — С. 37–41.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1987. — 203 с.
7. Гудзик И. Ф. Новое в обучении русскому языку в школах Украины / И. Ф. Гудзик // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. — Братислава, 1999. — С. 213.
8. Гудзик И. Ф. Родной язык и двуязычие / И. Ф. Гудзик // Язык и литература в школе. Украинский вестник : Республиканский научно-метод. журнал. — 1995. — № 4. — С. 4–8.
9. Гудзик И. Ф. Современные тенденции обучения русскому языку в школах Украины / И. Ф. Гудзик // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания: Сб. научн. трудов. — К. : ИПЦ КГПУ им. Б. Д. Гринченко, 2002. — С. 121–125.
10. Шумарова Н. П. Мовна компетенція особистості в ситуації білінгвізму / Н. П. Шумарова. — К. : КДЛУ, 2000. — 284 с.

Поступила в редакцию 18.01.2015 г.

I.F. GUDZIK ABOUT THE LINGUAL PERSONALITY IN THE CONTEXT OF COMPETENCE-ORIENTED TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOLS IN UKRAINE

Melnikova L. V.

This article discusses I. F. Gudzik's views on the lingual personality formation with the focus on competence-oriented learning and in bilingual or multilingual situations. Gudzik's linguodidactic heritage includes the data obtained in the course of the research, carried out within the framework of the preparation of the monograph "Competence-oriented teaching of the Russian language at primary school". The analysis and

interpretation of Gudzik's impact made it possible to sum up the experience and achievements as well as to designate prospects for further research of lingual personality in bilingual conditions.

Key words: lingual personality, language competence, linguodidactics, competence-oriented instruction, bilingualism, multilingualism, a model of lingual personality, socio-linguistic situation, language consciousness.

Мельникова Лариса Васильевна

Старший преподаватель.

Донецкий национальный университет.

Melnikova Larisa Vasilyevna

Senior Lecturer.

Donetsk National University.

e-mail: mellariss@gmail.com.

УДК 378.14.014.13

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2016. А. А. Сорокин

Статья посвящена вопросам, связанным с неоднозначной трактовкой гуманитарных технологий, применяемых в человеческом сообществе. В условиях гуманизации высшего образования пути внедрения технологий, способствующих сотрудничеству преподавателей и студентов, становятся актуальными. Регулирование механизма, способствующего эффективности учебных видов деятельности, также рассматривается в этой статье.

Ключевые слова: гуманизация, гуманитарные технологии, учебная деятельность.

Во всех сферах человеческой деятельности проблема гуманизации в современных условиях жизни планетарно актуальна. И здесь дело не только и не столько в человеколюбии, сколько в тех интеграционных процессах, в которых заинтересованы государства с развитой экономикой, с высокими технологиями, с прогрессивными элементами социальной жизни. В связи с этим встаёт вопрос о применении различных видов технологий, в том числе и гуманитарных.

Однако само понимание интеграции, даже в пределах одного государства, преследует разнородные интересы в той или иной области бизнеса, политики, культуры, поэтому столь разнородно и понимание уже складывающихся технологий, немалую значимость среди которых сегодня приобретают гуманитарные.

Возникают толкования не то что не идентичные, но затрагивающие различные аспекты осмысливаемого понятия.

Е. Островский, П. Щедровицкий: «Это технологии создания, изменения и обработки рамок и правил поведения людей. В несколько ином — средствальном — разрезе «гуманитарные технологии» могут трактоваться как технологии производства, упаковки и внедрения смыслов» [1].

В. Осипов: «Гуманитарные технологии – это комплекс методов управления социогуманитарными системами, обладающих следующими характеристиками: публичной сферой применения, ориентацией на будущее (стратегический характер), эксклюзивностью и оптимистичностью. Гуманитарный технолог – это практик, стремящийся перепрограммировать ... социокультурное пространство» [1].

М. Силантьева: «Их (гуманитарные технологии) следует рассматривать как приемы, методы и средства трансляции и реализации управленческих решений, опирающиеся на ценностный пласт сознания индивидов и групп» [2, с. 410].

И. Минтусов: «"Гуманитарные технологии", если исходить из названия, – это технологии, ориентированные на развитие человеческой личности и на создание соответствующих условий для этого. Другими словами – это способы совершенствования моральных и этических норм, способы развития интеллектуального потенциала и физического состояния» [1].

Также точно мы не увидим единой позиции в понимании гуманитарных технологий у А. Чумикова, Т. Базарова и целого ряда специалистов, касающихся вопросов гуманитарных технологий [1].

В срезе той актуальности, на которую мы указали в самом начале статьи, интересным видится суждение исследователя проблемы А. А. Цветкова, который гово-

рит о явлении, как о «массированной агрессии гуманитарных технологий» [3]. Чтобы избежать опасности такого рода «агрессии», необходимо, по мнению учёного, решить «одну из важнейших задач гуманитарного знания сегодня – сущностное осмысление своей собственной социокультурной роли – посредством авторефлексии» [3].

Гуманитарные технологии в образовательном процессе требуют дифференцированного подхода. Однако такой подход – источник воздействия на сознание учащегося, в высшем образовании, если смотреть шире, – на студенчество вообще. И поскольку «гуманитарные технологии есть определённая совокупность технологий влияния» [4], необходимым условием применения данных технологий становится сопряжённость усилий, связанных с учебным процессом, между преподавателями и студентами. Речь идёт именно об учебном взаимодействии, взаимопонимании, перерастающем в сотрудничество и сотворчество.

Если данную проблему рассматривать более пристально, в каком-либо конкретном ключе, то не лишним будет обратить внимание на выявление общих точек соприкосновения между студентами и преподавателями с помощью анонимного тестирования.

Так, студентам 2–4 курсов специальностей «Русский язык и литература» и «Культурология» (2014–2015 учебный год) и преподавателям ведущих кафедр филологического факультета ДонНУ в городе Донецке, было предложено определить свои приоритеты в выборе того или иного вида учебной деятельности, заполнив таблицу (содержание таблицы согласно пособия «Гуманитарные технологии преподавания в высшей школе» под редакцией Т. В. Черниковой [5, с. 200-201]):

Таблица

№ п/п	Виды учебной деятельности	«+», «-»
Репродуктивные виды работы:		
1.	Индивидуальное собеседование по учебному материалу	
2.	Фронтальный опрос с целью контроля усвоения	
3.	Выполнение тренировочных заданий (упражнений)	
4.	Объяснение в виде лекционного изложения материала	
5.	Работа по заданному алгоритму (индивидуально и в группе)	
6.	Работа с учебником по поиску и выбору нужного материала	
7.	Письменные задания проверочного типа	
8.	Конспектирование текстов	
9.	Просмотр учебных фильмов и других видео- и аудиоматериалов	
10.	Устные собеседования консультативного типа	
11.	Другое (письменно укажите)	
Продуктивные (исследовательские, творческие) виды работы:		
1.	Интеллектуальная разминка (в форме теста и др.)	
2.	Работа в парах по взаимоконтролю (с составлением контрольных вопросов)	
3.	Групповое выполнение нестандартных, проблемных заданий	
4.	Обучение способам решения различных типов заданий	
5.	Драматизация учебного процесса	
6.	Создание коллективного творческого продукта (в т.ч. проекта)	
7.	Индивидуальная работа по поиску дополнительной информации	
8.	Выступление с докладом (в т.ч. на конференции), защита реферата	

Продолж. таблицы

9.	Групповая дискуссия и другие продуктивные вербальные формы	
10.	Экспериментальная работа	
11.	Другое	

При этом с целью создания позитивной атмосферы при ответах, а также отражения объективного положения дел студентам был предложен вопрос «Какие виды учебной работы на занятиях и дома вы выполняете с удовольствием?», а преподавателям – «Какие виды учебной работы на занятиях и дома вы предпочитаете предлагать студентам?»

Вертикальная линия оси представляет собой числовое выражение количества выбранных респондентами видов деятельности (где 1=100 %). Горизонтальная линия оси представляет собой соответствие номерам видов учебной деятельности (см. таблицу выше).

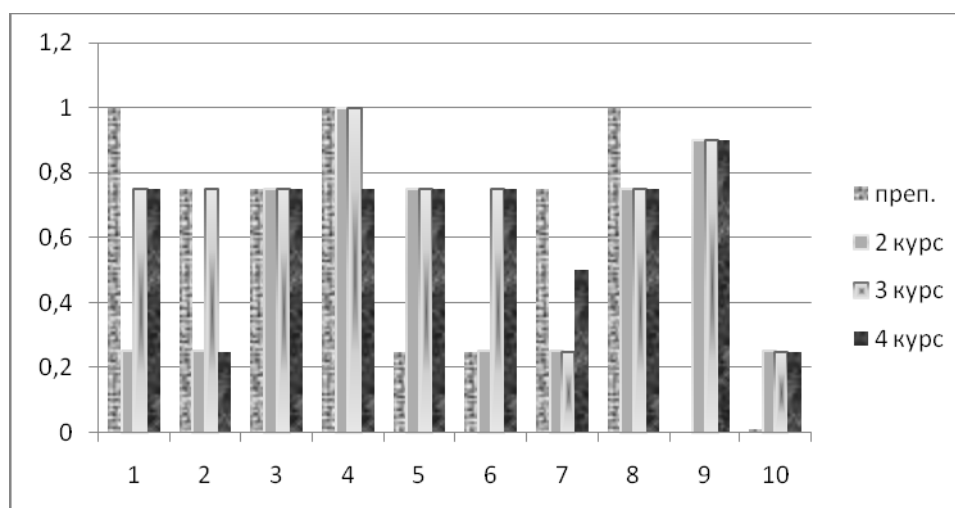

Диаграмма 1. Выбор вида репродуктивной деятельности (филологи; специальность «Русский язык и литература»)

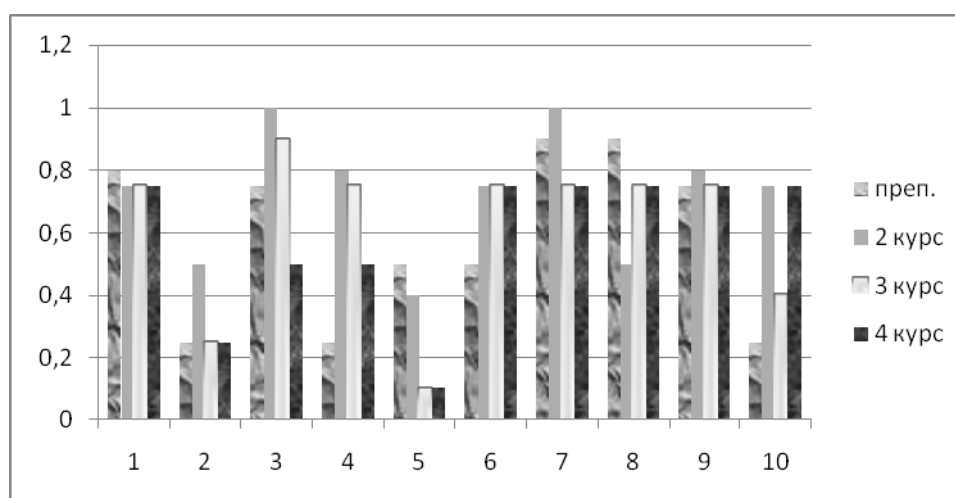

Диаграмма 2. Выбор вида продуктивной деятельности (филологи; специальность «Русский язык и литература»)

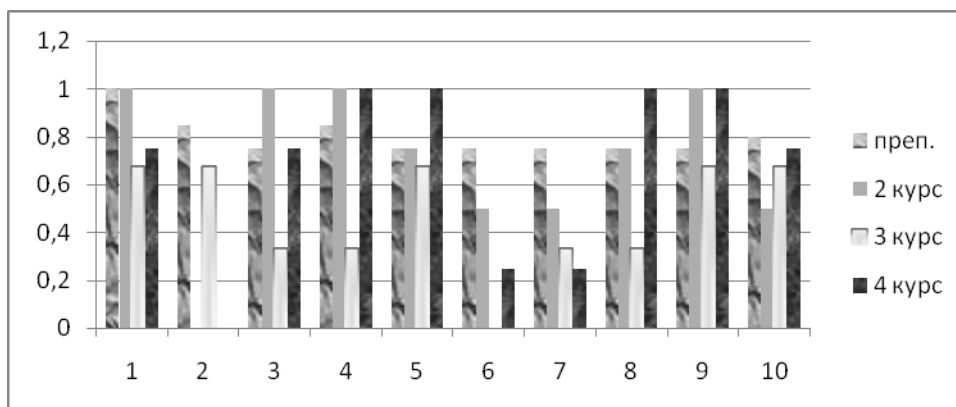

Диаграмма 3. Выбор вида репродуктивной деятельности (культурологи; специальность «Культурология»)

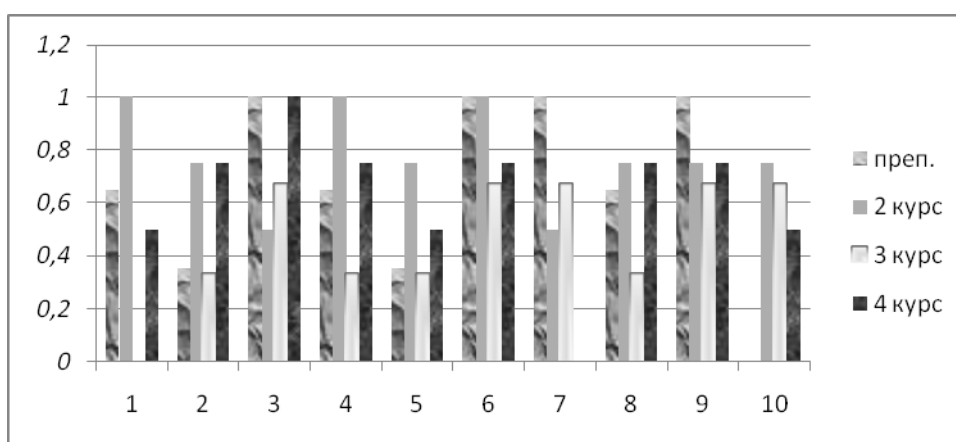

Диаграмма 4. Выбор вида продуктивной деятельности (культурологи; специальность «Культурология»)

Прокомментируем отдельные наблюдения над данными диаграммами. Так, на диаграмме 1 видим общие оптимальные устремления студентов и преподавателей в следующих видах репродуктивной деятельности: выполнение тренировочных заданий (упражнений), объяснение в виде лекционного изложения материала. Можно также отметить и разницу к отдельным видам деятельности, где преподаватели предполагают достижения продуктивных результатов (индивидуальное собеседование по учебному материалу, письменные задания проверочного типа), а студенты не заинтересованы в такого рода деятельности. И наоборот, студенты максимально заинтересованы в определённой репродуктивной работе (работа по заданному алгоритму, просмотр учебных аудио- и видеоматериалов, устные собеседования консультативного типа), а преподаватели не видят в этом существенной необходимости. Есть разногласия и в приоритетах курсов. Стоит отметить высокую активность (и совпадения с интересом преподавателей к ряду видов репродуктивной деятельности) студентов второго курса специальностей «Русский язык и литература» и «Культурология».

Далее, в последующих диаграммах, обратим внимание на те процессы, которые уже наработаны в общем ключе взаимной деятельности студентов и преподавателей и способствуют проявлению гуманитарных технологий в полной мере. Взаимно необходимыми для себя видят драматизацию (то есть создание атмосферы учебной ситуации для коллектива группы) процесса получения знаний, а также групповую дискуссию и другие продуктивные вербальные формы общения и преподаватели, и

студенты специальности «Русский язык и литература» (диаграмма 2).

Работа по заданному алгоритму (индивидуально и в группе), просмотр учебных фильмов и других видео- и аудиоматериалов, устные собеседования консультативного типа видятся приоритетными видами деятельности для культурологов студентов и преподавателей (диаграмма 3). Однако нет полного сопряжения в видах продуктивной деятельности ни у студентов, ни у преподавателей по специальности «Культурология».

Стоит задуматься над тем как эффективно проявляется и закладывается профессионализм высшей школы, особенно если он касается гуманитариев, где специфически определяются отношения между преподавателями и студентами «в виде встречных интегрированных действий, направленных на обеспечение сотрудничества, сплочённости, совместимости и взаимопомощи как важнейших условий успешности обучения» [5, с. 74].

Зафиксированный механизм взаимоотношений преподавателей и студентов поможет в дальнейшем регулировать процессы, определяемые гуманитарными технологиями.

По мнению Х. Г. Тхагапсоева, детализация гуманитарной технологии возможна «посредством типологизации» [6, с. 107]. Это позволяет преподавателям практически приблизиться к общности решения вопросов природы гуманитарной технологии вообще «как способа бытия знания» [6, с. 107].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Public Relations и гуманитарные технологии — иллюзия противостояния? Точка зрения экспертов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/126> (дата обращения: 12.07.2015).
2. Силантьева М. В. Современные «гуманитарные технологии» в контексте российской действительности / М. В. Силантьева // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. – М., 2009. – С. 406–418.
3. Цветков А. П. Гуманитарные технологии как проблема социальной философии [Электронный ресурс] / А. П. Цветков. — Режим доступа : <http://fsn.fhum.info/pdf/78/78Fhilsofh.2006.66-72.pdf>. (дата обращения: 25.12.2014).
4. Дацюк С. Гуманитарные технологии как инструменты влияния [Электронный ресурс] / С. Дацюк. — Режим доступа : <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2749> (дата обращения: 15.08.2015).
5. Гуманитарные технологии преподавания в высшей школе : учебно-методич. пособ. / кол. авторов; под ред. Т. В. Черниковой. – М. : «Планета», 2011. – 496 с.
6. Тхагапсоев, Х. Г. К философско-культурологическим измерениям гуманитарных технологий / Х. Г. Тхагапсоев // Общество. Среда. Развитие (Тетра Humana). – 2008. – Вып. 3. — С. 104-118.

Поступила в редакцию 20.09.2015 г

PROBLEMS OF HUMANITARIAN TECHNOLOGIES INTRODUCTION IN THE CONTEXT OF HIGHER EDUCATION HUMANIZATION

Sorokin A. A.

The article addresses the questions connected with ambiguous interpretation of humanitarian technologies applied in human community. Under the conditions of the higher education humanization ways of introduction of technologies promoting teacher and student cooperation come to the foreground. Mechanism regulation promoting efficiency of different types of activities is also touched upon in this article.

Keywords: humanization, humanitarian technologies, educational activity.

Сорокин Александр Анатольевич

Кандидат филологических наук, доцент.

Донецкий национальный университет.

Sorokin Aleksandr Anatolyevich

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

e-mail: aa40in@inbox.ru

И С Т О Р И Я

УДК 327.8

ГЕОПОЛИТИКА ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (264–241 гг. до н. э.)

© 2016. М. М. Кухтин

Статья посвящена рассмотрению геополитического аспекта Первой Пунической войны. Чтобы победить в Первой Пунической войне и присоединить Сицилию, Рим впервые в своей истории разработал и реализовал эффективную морскую стратегию. Гражданские добродетели римлян, несмотря на их ошибки и неизбежные на войне случайности, в итоге помогли Римской республике взять верх над олигархическим Карфагеном.

Ключевые слова: Первая Пуническая война, геополитика, морская и сухопутная стратегия, Древний Рим, Карфаген.

Пунические войны во многом определили облик современной цивилизации. Политологи с неослабевающим интересом изучают их, стремясь извлечь из далекого прошлого уроки, актуальные и в наши дни.

Статья основывается на достижениях мировой геополитической мысли [1; 2; 3; 4] и специальных исследованиях, посвященных истории Карфагена [5; 6; 7] и Древнего Рима [8; 9; 10; 11].

Цель исследования – рассмотреть Первую Пуническую войну сквозь призму геополитического подхода. Для этого необходимо выяснить, каким образом географические факторы повлияли на причины, ход и результаты конфликта, на общественный строй Рима и Карфагена. Хронологические рамки работы охватывают 264-241 гг. до н. э., географические – Западное Средиземноморье.

Российский геополитик А. Г. Дугин истолковывает российско-американские конфликты постбиполярной эпохи по аналогии с Пуническими войнами. По его мнению, «современный Запад – прямой идеологический наследник Карфагена» [1, с. 189], воплощавшего в себе власть денег [1, с. 187]. Россия, напротив, продолжает традицию Рима [1, с. 191], который был оплотом моральных ценностей [1, с. 187-188]. Данная интерпретация является лишь одной из нескольких возможных, однако сам факт ее появления достаточно красноречив.

Впервые Рим и Карфаген столкнулись в 272 г. до н. э. Предметом конфликта стал город Тарент в Южной Италии, в итоге занятый римлянами. Данный инцидент не привел к полномасштабной войне, однако ее неизбежность в среднесрочной перспективе стала очевидной [12, с. 68-69]. Вооруженный конфликт начался в 264 г. до н. э., когда римский десант оказал помощь закрепившимся в сицилийском городе Мессана мамертинам, что вызвало гнев карфагенян, считавших всю Сицилию своей сферой влияния [8, с. 238-240]. Разумеется, истинные причины войны лежали глубже. Военно-политические успехи римлян в Южной Италии имели неизбежные последствия. Западное Средиземноморье было слишком тесным для двух мощных держав. Изменение регионального соотношения сил, борьба за сферы влияния и взаимные опасения привели Рим и Карфаген к прямому столкновению [12, с. 68-70].

К началу войны Рим контролировал Апеннинский полуостров, а Карфагену принадлежали обширные владения в Северной Африке (в первую очередь – на территории современного Туниса), западная Сицилия и ряд опорных пунктов на Пиренейском полуострове, Балеарских островах, Сардинии и Корсике [8, с. 234]. Сицилийские греки с тревогой следили за карфагенской экспансией, что было выгодно римлянам.

Сицилия не случайно стала главным театром военных действий Первой Пунической войны. Остров является оперативным центром средиземноморского региона [3, с. 684], имеет ключевое значение для контроля над коммуникациями, соединяющими Западное и Восточное Средиземноморье. Кроме того, через него проходят важные маршруты, соединяющие Италию и Тунис.

Римляне включились в борьбу за Сицилию позже карфагенян, не имея, в отличие от противника, мощного военно-морского флота [12, с. 70], однако располагая боеспособной сухопутной армией. Уже в 262 г. до н. э. карфагеняне потеряли крепость Акрагант и отступили на запад острова, однако, пока карфагенский флот господствовал на море, римляне не могли достичь конечной цели войны [12, с. 78-79]. В 254 г. до н. э. римские войска взяли Панорм (современный Палермо), но и это не означало коренного перелома в ходе боевых действий. Карфагенские военно-морские базы на западе Сицилии – Лилибей и Дрепана – снабжались с моря всем необходимым. Пока римляне блокировали и осаждали их только с суши, крепости могли держаться неопределенно долго [12, с. 93-101]. Лишь в 241 г. до н. э., выдержав долгую и полную превратностей морскую кампанию и оправившись после провала африканской экспедиции, римляне разгромили карфагенский флот в сражении у Эгатских островов. Военно-морская мощь Карфагена была уничтожена, морская блокада Лилибея и Дрепаны и их падение стали неизбежны. Война закончилась победой Рима [12, с. 105-107].

Первая Пуническая война хорошо иллюстрирует тезис о том, что «геополитическая позиция, опирающаяся на морские коммуникации, всегда имеет преимущество над чисто материковой позицией» [2, с. 713]. Не завоевав долгосрочное господство на море, Рим не мог выиграть войну в целом, несмотря на впечатляющие успехи своей сухопутной армии. Роль морской мощи в истории неоднократно менялась с развитием общества, но всегда оставалась ключевой.

Изучение Пунических войн проливает свет на то, как природные условия влияют на культуру и общественный строй стран мира. Поскольку Карфаген находился на перекрестке важнейших морских коммуникаций [8, с. 234], одной из основ его экономики закономерно стала морская торговля [7, с. 164–165, 187; 6, с. 314–319; 5, с. 656; 8, с. 234], то есть обмен, а не производство материальных ценностей. Триумф «торгового строя» сыграл судьбоносную роль в карфагенской истории. Карфаген эпохи расцвета опирался на наемную армию [5, с. 656], управлялся олигархами [7, с. 184-186; 6, с. 423] и был привержен культу материального преуспевания. Такое государство может достичь больших международно-политических и военных успехов, однако, несмотря на всю свою мощь, оно весьма уязвимо. Его граждане, как правило, не готовы поступаться личными интересами и идти на жертвы ради блага общества в целом, что в экстремальной ситуации легко приводит к катастрофе.

Для патриархального земледельческого Рима была характерна совершенно иная этика [10, с. 149–154, 158]. Римские воины были гражданами своего полиса, влияли на принятие судьбоносных для него решений и воспринимали его интересы как свои собственные [11, с. 27–32, 36–38]. Немецкий историк Т. Моммзен отмечает, что накануне Первой Пунической войны основой римской военной мощи было

гражданское ополчение [9, с. 517]. Профессионализация римской армии была предпринята Гаем Марием в конце II в. до н. э., а официально от системы гражданского ополчения отказался только Октавиан Август [8, с. 430].

Чтобы снарядить флот, впоследствии разбивший карфагенян в решающем сражении при Эгатских островах, римское государство обложило чрезвычайным налогом своих наиболее богатых граждан [12, с. 104-105]. В силу уже упоминавшихся причин Карфаген не мог принимать такие меры. Завершая обсуждение данной проблемы, можно вспомнить слова известного британского геополитика Х. Д. Макиндера: «... современная сухопутная держава отличается от морской источником своих идеалов не меньше, чем материальными условиями своей мобильности» [4, с. 433]. Несостоятельность жесткого географического детерминизма очевидна, однако правильное понимание исторических процессов невозможно без глубоких познаний в области географии.

Потеря Сицилии существенно ослабила Карфаген и вынудила его коренным образом пересмотреть свою военную стратегию. Карфагеняне основали опорные базы на Пиренейском полуострове [12, с. 119–122] и в 218 г. до н. э. использовали их как плацдарм для сухопутного похода в Италию. Новый план позволил им на некоторое время овладеть стратегической инициативой и одержать ряд крупных побед на первом этапе Второй Пунической войны [12, с. 137–145]. Интересно, что поражение Ганнибала было отчасти обусловлено тем, что ему не удалось закрепиться на Сицилии и наладить бесперебойную связь между своей армией и метрополией [12, с. 183, 197–198].

Геополитика в современном толковании данного термина существует немногим более века, однако географические факторы всегда влияли на историю и политику. Данное влияние неизменно оставалось большим, хотя его характер менялся с развитием науки, техники и общественного сознания. Геополитическое мышление элит и народных масс не всегда и не во всех отношениях адекватно отражало действительность.

Борьба за Сицилию составила основное содержание Первой Пунической войны, а также явилась важным эпизодом Второй Пунической и Второй мировой войн [13, с. 370–378]. Это позволяет по достоинству оценить геополитическое значение острова в частности и средиземноморского региона в целом. Географическая обусловленность истории принимает различные формы. Географические реалии существенно влияют как на динамику боевых действий, так и, в частности, на общественный строй и ценности противоборствующих сторон. Ни владение стратегической инициативой, ни господство на море не компенсировали неустранимых недостатков общественного строя Карфагена, которые, наряду с другими факторами, и обусловили его поражение в Первой Пунической войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дугин А. Г. Философия войны / А. Г. Дугин. – М. : Яуза, 2004. – 256 с.
2. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М. : АСТ, 2003. – 731 с. – С. 700-731.
3. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век: Сб. / Сост. К. Королев. – М. : АСТ, 2003. — С. 680-700.
4. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 421-437.
5. Тураев Б. Карфаген / Б. Тураев // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. – СПб., 1890-1907. – Т. XIVa. – С. 651-659.
6. Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена / Ю. Б. Циркин. – М. : Астрель, АСТ, 2001. – 528 с.

7. Шифман И. Ш. Карфаген / И. Ш. Шифман / Сост. и авт. вступ. статьи И. Р. Тантлевский. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2006. – 518 с.
8. Ковалев С. И. История Рима. Новое издание, исправленное и дополненное / С. И. Ковалев / под. общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. – СПб. : Полигон, 2002. – 864 с.
9. Моммзен Т. История Рима / Т. Моммзен. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – Т. 1. – 640 с.
10. Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима / А. И. Немировский. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1964. – 228 с.
11. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III-I вв. до н. э. / С. Л. Утченко. – М. : Наука, 1977. – 257 с.
12. Ревяко К. А. Пунические войны / К. А. Ревяко. – Минск : Издательство «Университетское», 1988. – 272 с.
13. История Второй мировой войны 1939-1945. В 12 томах. – М. : Воениздат, 1973-1982. – Т. 7. – 545 с.

Поступила в редакцию 20.01.2016 г.

GEOPOLITICS OF THE FIRST PUNIC WAR (264-241 BC)

Kukhtin M. M.

The causes, course and results of the First Punic War are examined in the article through the angle of geopolitical theories. Rome experienced serious difficulties during the war, but it managed to overcome them and evolve into a great sea power in the end. Besides, civic virtues of the Romans helped them win despite their own mistakes and all vicissitudes inevitable in wartime.

Keywords: the First Punic War, geopolitics, sea and land strategy, ancient Rome, Carthage.

Кухтин Михаил Михайлович

Кандидат политических наук.
Донецкий национальный университет.

Kukhtin Mikhail Mikhaylovich

Candidate of Political Science.
Donetsk National University.
e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

УДК 94(569.4):(47+57):378.22

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИВАНЕ 1975–1990 ГОДОВ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

© 2016. В. В. Разумный

Статья посвящена изучению гражданской войны в Ливане в период 1975 – 1990 годов в работах советских востоковедов. Были выделены две группы историографического анализа, а также в хронологическом порядке рассмотрены работы советских исследователей. В статье выделены характерные черты и особенности освещения событий и фактов гражданской войны в Ливане в советской историографии.

Ключевые слова: историография, Ливан, гражданская война, религиозная конфессия, исследователи, ближневосточная проблема, конфликт.

Гражданская война в Ливане, продолжавшаяся почти пятнадцать лет, являлась одним из наиболее сложных внутривосточных конфликтов конца XX столетия. Эскалации конфликта в Ливане способствовали как внутренние, так и внешние факторы. В историю XX века ливанская гражданская война вошла как пример одной из первых войн, вызванных демографическими причинами, которые разрушили хрупкое межконфессиональное согласие в этой арабской стране. Можно утверждать, что события в Ливане стали мрачным прологом будущих конфликтов конца 1990 и начала 2000 годов. Сейчас, спустя сорок лет после начала конфликта в этой арабской стране, в работах российских и зарубежных историков и политологов все чаще можно встретить утверждение, что те или иные явления впервые имели место именно в Ливане в 1975–1990 годах. Это касается резонансных террористических атак с участием смертников, массовых захватов заложников, ожесточенных боев в городских кварталах и, фактически, провалом различных миротворческих операций. Все это было задолго до событий в Югославии, Карабахе, Северном Кавказе и Сирии.

Советский Союз всего лишь на год пережил конфликт в Ливане. В 1991 году на территории СССР уже полыхали конфликты, с удивительной точностью напоминающие ливанские события. Поэтому, на наш взгляд, актуальной будет являться попытка рассмотреть историю гражданской войны в Ливане через призму работ советских исследователей.

Цель данной статьи состоит в изучении истории гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов в работах советских востоковедов. Данная цель подразумевает решение следующих задач:

1. Выработать критерии классификации историографического анализа по данной проблеме;
2. Найти характерные черты советской историографии в изучении гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов;
3. Определить наиболее дискуссионные вопросы в статьях историков, посвященных данной проблеме.

Несмотря на актуальность проблемы, изучаемой в данной статье, тема историографии гражданской войны в Ливане в 1975–1990 годах не нашла должного отражения в работах исследователей. Лишь отдельные аспекты проблемы были затронуты в монографиях, научных статьях и различных публикациях.

Исходя из изученного нами объема исследовательских работ, посвященных проблеме гражданской войны в Ливане 1975 – 1990 годов, можно предположить, что наиболее целесообразным будет выделить две группы публикаций специалистов по следующему принципу:

- работы советских востоковедов, которые были написаны и опубликованы в научных изданиях в период 1975–1985 годов;
- работы советских востоковедов, написанные в период 1986–1991 годов.

На наш взгляд, такая классификация работ различных специалистов позволит создать объективную картину изучения проблемы гражданской войны в Ливане. Приступая к историографическому обзору по данной проблеме, следует четко определить, что автор данной работы не ставит целью указать и проанализировать все работы, связанные с проблемой гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов. На наш взгляд, более важно указать основные работы и выделить главные направления в исследованиях, посвященных этой теме.

Приступая к изучению работ первой группы, необходимо отметить тот факт, что на первом этапе конфликта проблема гражданской войны в Ливане рассматривалась как продолжение арабо-израильского противостояния, без учета религиозного фактора. Одним из первых советских востоковедов, изучавших причины конфликта в Ливане, был академик Е. М. Примаков. В 1978 году была опубликована его работа, в которой указывалось, что ливанская проблема является непосредственным продолжением ближневосточного конфликта, вызванного агрессивной политикой государства Израиль [1]. Аналогичной точки зрения придерживался И. А. Александров, который полагал, что основная ответственность за развязывание гражданской войны в Ливане лежит именно на Израиле [2].

Рост числа публикаций советских исследователей по этой теме был вызван трагическими событиями сентября 1982 года в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, расположенных в Ливане. Спустя год, была опубликована работа Ю. К. Тысовского, в которой были изучены причины этих событий и их последствия для безопасности и стабильности стран Ближнего Востока [3]. Следует подчеркнуть тот факт, что в этот период в работах советских исследователей все чаще стало уделяться внимание конфессиональной составляющей ливанского конфликта. Этот момент нашел отражение в статье А. Б. Зубова [4]. Следует отметить тот факт, что в работах этого периода преобладали политические дефиниции, которые, на наш взгляд, недостаточно полно отражали объективную картину происходивших в Ливане событий.

По мере эскалации конфликта в этой арабской стране, в советской историографии появлялось все больше исследований, в которых была сделана попытка изучить причины и возможные последствия гражданской войны. Здесь следует назвать работу Л. Л. Вольнова, в которой был сделан анализ влияния событий в Ливане на всю внешнеполитическую ситуацию в странах Ближнего Востока [5].

Эта проблема нашла продолжение в работе известного московского востоковеда Л. И. Медведко. В этом исследовании был сделан глубокий анализ политических событий на Ближнем Востоке и показана характерная зависимость деятельности экстремистских группировок в регионе от эскалации ситуации в Ливане [6].

При рассмотрении второй группы историографического анализа, необходимо подчеркнуть рост количества публикаций советских востоковедов, посвященных проблеме гражданской войны в Ливане. В 1986 году была опубликована работа киевского исследователя В. К. Савцова, в которой была показана негативная роль

Израиля в развязывании гражданской войны в Ливане [7]. Эта проблема стала темой диссертационного исследования Р. П. Ризка, где, на основании изученных источников, доказывалась ответственность Израиля за обострение гражданской войны в период первых десяти лет ливанского конфликта [8].

В конце 1980-х стали появляться исследования советских востоковедов, в которых была проведена серьезная аналитическая работа по изучению причин конфликта в этой арабской стране [9]. В 1988 году была опубликована монография московского востоковеда А. А. Игнатенко. В ней были изучены различные аспекты идеологии исламских радикальных группировок как шиитского, так и суннитского толка, которые принимали участие в гражданской войне в Ливане [10]. Еще одна работа, опубликованная в 1988 году, была посвящена оценке событий 1982 года в Бейруте. Это работа журналиста-международника А. Ф. Федорова, который был очевидцем многих событий потрясших Ливан [11]. Обострение гражданской войны, уличные бои в городах Ливана, израильская интервенция, обстановка в осажденном Бейруте – все это нашло отражение в его очерках, в которых глазами тонкого наблюдателя описываются многие особенности жизни ливанцев.

Завершает анализ первой группы работ исследование Н. Г. Горбуновой, в котором делается акцент на изучение конфессиональных причин гражданской войны в Ливане [12].

Изучая вторую группу историографических работ, следует отметить тот факт, что в 1990 году было опубликовано наибольшее число исследований советских востоковедов по проблеме гражданской войны в Ливане. На наш взгляд, этот факт можно объяснить повышенным интересом к данной теме в связи с подписанием соглашений в Таифе, которое состоялось в 1990 году.

Особое место здесь занимает работа известного московского востоковеда И. Д. Звягельской, в которой был сделан акцент на изучении роли США в нескольких конфликтах в Ближневосточном регионе в период 1970–80 годов [13]. В этой работе неоднократно подчеркивался негативный характер американского влияния на политическую ситуацию в регионе. Как справедливо отмечала И. Д. Звягельская, вмешательство США в гражданскую войну в Ливане привело к еще большей эскалации конфликта. Военная интервенция армии США в Ливан и бомбовые удары по позициям сирийских войск увеличили число жертв конфликта и способствовали консолидации шиитских группировок в этой арабской стране. Здесь также следует заметить, что в октябре 1983 года в Бейруте американские морские пехотинцы потеряли убитыми и ранеными значительное число своих военнослужащих. Это были первые серьезные потери армии США после окончания войны во Вьетнаме.

В том же году была опубликована монография С. Л. Стоклицкого, в которой подводились неутешительные итоги гражданской войны в Ливане, продолжавшейся пятнадцать лет [14].

Еще одной работой, опубликованной в 1990 году, была монография востоковеда А. В. Коровикова. В ней изучалась деятельность мусульманских экстремистских организаций суннитского толка в различных арабских странах Ближнего Востока. В монографии был проделан детальный анализ влияния идей духовных лидеров исламского экстремизма. Большое внимание было уделено рассмотрению терминологии проблемы. Было приведено несколько вариантов толкования таких терминов как *экстремизм*, *терроризм*. В своей работе А. В. Коровиков многократно отмечал, что особенности исламского экстремизма суннитского толка обусловлены, прежде всего, религиозным обоснованием, а готовность к самопожертвованию – основная черта религиозно мотивированных террористов [15].

Характеризуя работы советских востоковедов конца 1980-х годов, следует выделить тот факт, что в отдельных работах еще сохранялась тенденция одностороннего подхода к толкованию политических процессов в арабских странах Ближнего Востока в целом, и в Ливане в частности. Это было характерно для диссертационного исследования А. И. Бирюкова [16].

В 1990 году была опубликована работа А. М. Павлова с красноречивым названием ««Ястребы» над Ливаном», в которой была дана характеристика роли США и Израиля в ливанском межконфессиональном конфликте 1975–1990 годов [17].

В 1991 году в журнале «Азия и Африка сегодня» была опубликована статья киевского востоковеда Ю. С. Скорохода, в которой была дана оценка соглашений в Таифе, способствовавших окончанию кровопролития в Ливане [18].

В период начала 1990-х годов интерес к данной теме в советской востоковедческой науке заметно снизился. Для работ этого периода стала характерной тенденция пересмотра оценок и суждений относительно гражданской войны в Ливане. Кроме того, в историографии этой проблемы доминируют исследования советских востоковедов, опубликованные в Москве и Киеве. Хотя известно, что в СССР существовали серьезные востоковедческие школы в Ереване и Ташкенте.

Таким образом, можно сделать вывод, что тема гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов нашла широкое отражение в работах советских и российских востоковедов. Для первой группы историографического обзора, охватывающей работы советских исследователей, характерной чертой было рассмотрение событий в Ливане как продолжения арабо-израильского конфликта. Отсюда большое число идеологических штампов и подчеркивание негативной роли государства Израиль в ливанских событиях. Важно отметить тот факт, что в работах советских востоковедов периода 1970-х годов недостаточное внимание уделялось изучению конфессионального фактора в гражданской войне в Ливане. Эта ситуация изменилась в начале 1980-х, после победы исламской революции в Иране.

Для второй группы работ по истории гражданской войны в Ливане характерной чертой являлось более всестороннее изучение различных аспектов этой проблемы с учетом влияния ливанских событий на общую ситуацию на Ближнем Востоке во второй половине 1980-х годов. Наиболее дискуссионным вопросом являлась проблема значения религиозных факторов в гражданской войне в Ливане. Вместе с тем, необходимо отметить общую тенденцию возрастания интереса к изучению событий в Ливане в конце 1980-х годов. Наибольшее число научных исследований, посвященных изучению гражданской войны в Ливане, было издано в 1990 году. Еще одной характерной чертой российской историографии данной проблемы является незначительное число работ, посвященных биографии политических деятелей, участвовавших в гражданской войне в Ливане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта / Е. М. Примаков. — М. : Мысль, 1978. — 374 с.
2. Александров И. А. Ливан: пора суровых испытаний / И. А. Александров. — М. : Знание, 1980. — 64 с.
3. Тысовский Ю. К. Преступления без наказания: что произошло в Ливане / Ю. К. Тысовский. — М. : Прогресс, 1983. — 139 с.
4. Зубов А. Б. Политическая культура Ливана: прошлое и настоящее конфессиональной демократии / А. Б. Зубов // Народы Азии и Африки. — 1983. — № 2. — С. 12–19.
5. Вольнов Л. Л. Ливан: эхо агрессии. / Л. Л. Вольнов. — М. : Политиздат, 1984. — 202 с.
6. Медведко Л. И. Этот Ближний бурлящий Восток / Л. И. Медведко. — М. : Политиздат, 1985. — 336 с.

7. Савцов В. К. Оккупанты. О преступной политике Израиля на оккупированных арабских территориях / В. К. Савцов. — К. : Молодь, 1986. — 144 с.
8. Ризк Р. П. Израиль и гражданская война в Ливане (1975–1985 гг.) : Автореф. дис. ... кандидата ист. наук: спец. 07.00.03 «Всеобщая история»/Р.П. Ризк. — М., 1986. — 20 с.
9. Мирский Г. И. Ливан в 80-е годы: научно-аналитический обзор / Г. И. Мирский. — М. : Наука, 1987. — 233 с.
10. Игнатенко А. А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. / А.А. Игнатенко. — М. :Наука, 1988. — 207 с.
11. Федоров А. Ф. За кронами ливанских кедров / А.Ф. Федоров. — М. : «Мысль», 1988. — 155 с.
12. Горбунова Н. М. Конфессиональная борьба в Ливане в 80-е годы: причины, характер, последствия / Н. М. Горбунова // Восток и современность. Научно-информ. бюллетень. — 1989. — № 4. — С.
13. Звягельская И.Д. «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке (середина 70-х — вторая половина 80-х годов) / И.Д. Звягельская. — М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. — 189 с.
14. Стоклицкий С.Л. Ливан: бремя событий / С.Л. Савцов — М. : Наука, 1990. — 122 с.
15. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. / А.В. Коровиков. — М. : Наука, 1990. — 170 с.
16. Бирюков А. И. Идеино-политические аспекты американо-израильского вмешательства в Ливане в условиях гражданской войны (80-е годы) : Автореф. дис. ... кандидата ист. наук: спец. 07.00.03 «Всеобщая история»/ А. И. Бирюков. — Москва, 1990. — 20 с.
17. Павлов А.М. «Ястребы» над Ливаном/А.М. Павлов. — М. : Наука, 1990. — 152 с.
18. Скороход Ю.С. Ливан. Конец гражданской войны? // Азия и Африка сегодня. — 1991. — № 10. — С. 16–20.

Поступила в редакцию 16.01.2016 г.

STUDY OF HISTORY OF CIVIL WAR IN LEBANON 1975–1990 IN THE INVESTIGATIONS OF SOVIET ORIENTALISTS

Razumnyi V V.

The article deals with the historiography analysis of Civil war in Lebanon in 1975–1990. The author addressed the works by Soviet researchers who focused on this problem. The most debatable questions connected with the problem under study have been raised and closely considered in the article.

Key words: historiography, Lebanon, Civil war, religious, researchers, Middle East problem, conflict.

Разумный Виталий Витальевич

Кандидат исторических наук, доцент
Донецкий национальный университет

Razumnyi Vitalii Vitalyevich

Candidate of History, Associate professor
Donetsk National University
e-mail: Razumnyi.vitalii@yandex.ru

УДК 94(477): 3.07

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЛАСТНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ В УКРАИНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ (1932–1940 гг.)

© 2016. В. И. Шабельников

В статье дано научное освещение истории образования и развития областного деления в системе административно-территориального устройства (АТУ) Украины в 1932–1940 гг. На основе анализа опубликованных и архивных источников, научной литературы рассматривается государственная политика по реформированию административно-территориального управления, обеспечения её на законодательном уровне, исследуются факторы, которые влияли на этот процесс, охарактеризованы изменения территориальных границ и их конфигурация, исследуется динамика роста областных объединений и основные последствия создания новой системы территориального разделения и управления.

Ключевые слова: территориальное деление, административная реформа, район, округ, область, система управления, органы власти, воссоединение земель.

Создание и функционирование области как административной единицы в системе государственного устройства Украинской ССР в довоенный период, её историческая эволюция – одна из наиболее востребованных проблем в современной исторической науке.

Интерес к этой теме обусловлен проблемами системы управления регионами, развитием местного самоуправления, соответствия административного устройства тенденциям регионализации современных социально-экономических процессов.

Актуальность темы определяется коренными преобразованиями в сфере административно-территориального деления Украины в 20–30-х гг. XX ст., попытками советской власти выработать более эффективные способы государственного управления, что имело практическое значение для развития народного хозяйства и культурного строительства и может быть использовано в современный период.

Проблема создания областей в СССР и УССР мало разработана историками, юристами, географами, экономистами, политиками. Анализ научных публикаций по данной проблематике свидетельствует о том, что их авторы на основе методологии исследования конкретных исторических фактов территориальной организации УССР на разных этапах ее развития рассматривают лишь отдельные проблемы региональной политики.

В украинской историографии имеются научные работы [1; 2], в которых исследованы различные аспекты данной проблематики, дающих определенные представления о сущности и динамике процесса образования и становления областного территориального управления.

За годы независимости получили развитие исследования правового обеспечения процесса формирования АТУ Украины [3], в которых рассматриваются юридические основы и прослеживаются механизмы принятия решений по данному вопросу.

Первая попытка создать инновационную реконструкцию административно-территориального устройства Украины на современном этапе предпринята в работах академика НАН Украины В. К. Мамутова [4] и профессора М. Ф. Орзиха [5].

Разница в их теоретических подходах к проблеме государственного устройства в том, что, если первый автор придерживается федеративной формы управления путем

укрупнения нынешних областей, то второй выступает за то, чтобы основной территориальной единицей стал край с его организационной обособленностью, экономикой и демографической самостоятельностью.

Одним из наиболее значимых современных трудов в зарубежной историографии стала монография российского профессора Е. Г. Карелина [6]. В ней впервые изучено становление, трансформация и функционирование механизма региональной власти в России в 1917–1939 гг., что позволяет выявить некоторые общие тенденции процесса реформирования территориального устройства в УССР.

Исходя из того, что специальные исследования по избранной нами теме отсутствуют или изложены фрагментарно ставится цель акцентировать внимание исследователей и политиков на содержание и особенности формирования областного звена в системе административного устройства УССР, изменение его границ и основные результаты реформ в довоенный период.

Среди административно-территориальных изменений в Украине наиболее значимыми по масштабам и замыслу были реформы 30-х гг. XX в. Ведь до 1930 г. существовало деление Украины на округа и районы вместо уездов и волостей, отменённых ещё в 1923 г.

В период коллективизации конца 20-х – начала 30-х гг. узловым центром, где непосредственно решались вопросы объединения крестьян в колхозы, стал район. Поэтому ВКП (б) и правительство СССР решили ликвидировать округа.

Согласно постановлениям ВУЦИК и Совнаркома УССР от 2 сентября 1930 г. «О ликвидации округов и переход на двухступенчатую систему управления» [7] округа в Украине отменялись. Район был признан основным звеном преобразований на селе.

После ликвидации округов в Украине сохранилась двухзвенная система местных органов власти. Это усложняло управления районами, хотя они получили права и функции окружкомов. Практически все районы республики управлялись из центра. Работники бывших округов направлялись на укрепление районных советских и партийных органов. Одновременно расширялись права сельсоветов.

В условиях роста темпов индустриализации, расширения колхозного движения на районное звено легла большая нагрузка. В декабре 1930 г. III сессия ВУЦИК одиннадцатого созыва указала на существенные недостатки в строительстве и деятельности районного звена, в частности, на недостаточное влияние на развитие экономики и сельского хозяйства [8].

Руководство республиканскими органами управления большим количеством районов одновременно негативно отражается на оперативности деятельности советского аппарата. Такое положение привело к ослаблению принципа централизации в руководстве. Центральные партийные и советские органы не могли обеспечить непосредственное руководство большим количеством районов.

Это могло привести к нарушению связей между звеньями административно-территориальной системы внутри, а также с центром, значительному ослаблению руководства сельсовета, потери связи районного аппарата с населением.

В отличие от РСФСР в Украине не существовало областного деления, а центральные органы не смогли обеспечить достаточно эффективное руководство огромным количеством районов. В результате двухступенчатая система управления (центр-район) привела к ослаблению принципа централизации в руководстве республикой. Неудобства почувствовало на себе и население, которое, не находя

решения многих своих вопросов в районе, вынуждено было обращаться непосредственно к центру.

Через полтора года снова возник вопрос о территориальных размерах районов. Проблема села, нехватка кадров колхозных руководителей потребовали разукрупнения районов. Районное деление себя не оправдало.

Избавиться от огромного разрыва, который существовал с 1930 г. между центром и районом, можно было только путём создания областного звена территориального деления. Оно должно было обеспечивать связь низовых структур с центром и в то же время объединять, координировать и направлять деятельность районов и сельских административных единиц, учитывая местные особенности.

9 февраля 1932 г. на IV внеочередной сессии ВУЦИК XII созыва было принято решение о введении в Украине областного деления, признав «нецелесообразность дальнейшего укрепления районов» [9]. Это означало, что в республике создавалась трёхступенчатая система управления: центр-область-район. Сессия отметила, что области в Украинской ССР создаются с целью «укрепления конкретного оперативного руководства районами, что позволит поднять на новую высоту организацию масс рабочих и колхозников на социалистическое строительство», а также усилить конкретное хозяйственное управление всеми отраслями народного хозяйства и культурного строительства в соответствии с экономическими и производственными условиями отдельных районов республики.

Областное деление республики вступило в силу с 27 февраля 1932 г. Сначала вместо небольших по численности населения и площади округов было образовано 5 областей: Харьковскую, Киевскую, Винницкую, Днепропетровскую и Одесскую. Каждая область включала районы и города областного подчинения. Например, Харьковская область объединила 78 районов и 4 города: Харьков, Полтаву, Кременчуг и Сумы. В её состав входил важный центр машиностроения – Харьков. В Полтаве, Кременчуге, Сумах, Изюме была развита лёгкая промышленность. Сельское хозяйство области специализировалось на выращивании пшеницы, масличных культур, интенсивном свекловодстве, животноводстве.

Кроме пяти областей, в состав УССР входили 17 промышленных районов Донбасса, подчиняющиеся непосредственно центру республики. 2 июля 1932 г. ВУЦИК принял постановление «Об образовании Донецкой области в Донбассе» [10], центром которой сначала был определён г. Артёмовск (бывший Бахмут). Однако из-за того, что он считался городом «не пролетарского происхождения», где традиционно жили купцы, ремесленники, кустари, ЦК ВКП(б) принял решение о переводе областного центра в город Горловку. Осенью 1932 г. областным центром был определён город Сталино (с 1961 г. – Донецк). В состав Донецкой области вошли территории 5 бывших округов: Артёмовский, Луганский, Мариупольский, Сталинский, Старобельский, в которых было создано 15 административно-территориальных единиц Донбасса. Это Артёмовский, Ворошиловский, Горловский, Кадиевский, Краснолучский, Луганский, Макеевский, Мариупольский, Рыковский, Сталинский горсоветы; Гришинский, Лисичанский, Ровеньковский, Сорокинский, Чистяковский районы, 13 районов Харьковской области: Беловодский, Белолуцкий, Верхне-Теплянский, Лиманский, Марковский, Меловской, Ново-Айдарский, Ново-Псковский, Рубежанский, Сватовский, Славянский, Старобельский, Троицкий; 5 районов Днепропетровской области: Велико-Янисольский, Волновахский, Старо-Каранский, Старо-Кременчугский, Старо-Никольский [11]. Таким образом, созданная в 1932 г. в составе 10 городских советов и 23 районов Донецка область охватывала территорию современ-

ных Донецкой и Луганской областей. Она отличалась среди других областей УССР высоким уровнем индустриализации ведущей отраслью – каменноугольной промышленностью. Усиленными темпами развивалась металлургия, тяжёлое машиностроение, электроэнергетика.

На третьей конференции КП(б)У в июле 1932 г. было одобрено создание областей в Украине и отмечалось, что «эта реформа приблизит руководство к району и селу, улучшит качество управления на основе истинного знания районов и колхозов» [12].

Таким образом, в рассматриваемый период государственного строительства контуры областей определялись скорее не экономическими принципами, а удобством управления и контроля из центра. Пожалуй, этот подход был положен в основу нового административного деления территории Украины по структуре: область, район, поселковый и сельский советы, в которой важную роль играл и политический фактор. Область в этой системе стала главной административно-хозяйственной и политической единицей не только государственного устройства, но, на наш взгляд, и во всей административно-командной системе, так как являлась опорой партии, а не самостоятельной и основной структурной единицей местных органов советской власти, которые с середины 1930-х гг. стали заниматься в основном местной промышленностью, жилищно-коммунальной и культурно-просветительной сферами.

В течение последующих лет шло совершенствование разделения территории Украины в пределах трёхступенчатой системы административно-территориальных единиц. Создавались новые области, увеличивались и уменьшались районы и территории сельсоветов, уточнялся правовой статус городов. Наиболее стабильной в системе административно-территориальных единиц оказалась область. На наш взгляд, это закономерно. Ведь области создавались на базе опыта, накопленного за все предыдущие годы территориального устройства Украины. При формировании территорий областей полнее учитывались хозяйственные, естественно-исторические, этнические и другие факторы.

В новой системе АТУ высшим звеном стала новообразованная область, а район занял характерную для него среднюю, связывающую и, вместе с тем, опорную позицию. Такую роль он выполняет и сегодня.

С дальнейшим развитием производительных сил области разукрупнялись. Опыт первых лет работы в условиях нового территориального деления показал, что некоторые области были очень велики как по территории, так и по численности населения, что снижало эффективность управления ими. Это касалось, в первую очередь, Киевской и Харьковской областей. Был поставлен вопрос о выделении из их состава новой – Черниговской области. Она была организована в соответствии с постановлением ВУЦИК от 15 октября 1932 г. [13]. В состав области вошло 29 районов Киевской и 7 районов Харьковской областей. Сельское хозяйство специализировалось здесь на развитии молочного животноводства и технических культур (конопли, табака), в промышленности преобладали предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырьё, коноплю и др.

Внедрение в Украине областного деления позволило в рамках областей объединить районы преимущественно по экономическим признакам. Это был шаг вперёд в территориальном устройстве Украины. Он давал возможность при устройстве территории полнее сочетать экономические и территориальные факторы. Сложившиеся благоприятные условия для развития как районов отдельно, так и для региона, в котором они объединялись. Процесс формирования районов по указанным признаками определил хозяйственную специализацию каждой области.

В течение 1937–1940 гг. принимаются решения о создании из ряда округов и за счёт больших по площади областей и присоединённых территорий 17 новых областей. Государственная политика в тот период нашей истории в сфере территориальной организации основывалась на идее «разукрупнения». На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. И. Сталин заявил, что, по мнению партии, это является наилучшим средством содействия партийным органам в их работе [14].

Создание новых территориальных единиц объяснялось необходимостью не столько расширения относительной самостоятельности субъектов, сколько установления системы надёжного контроля за выполнением решений «центра» на местах. Так, Киевская область сначала была очень большой как по общей площади, так и по численности населения. Здесь насчитывалось почти 5 млн. жителей и около 80 районов. Харьковская и Одесская области имели меньшее количество населения, однако занимали довольно большие территории. В этих областях было значительное количество пахотных земель и развитая сеть машинно-тракторных станций (МТС). Уменьшение территорий этих областей должно было улучшить управление в сфере сельского хозяйства.

Согласно постановлению ЦИК СССР от 22 сентября 1937 г. были созданы Полтавская, Николаевская, Каменец-Подольская (с 1954 г. – Хмельницкая) и Житомирская области [15]. Полтавская область образовалась в результате отделения 41 района и городов Полтавы и Кременчуга от Харьковской области, а также 4 районов Киевской области.

Николаевская область возникла в результате включения в её состав городов Николаева, Херсона, Кирова (Кировограда) и 29 районов Одесской области, а также 9 районов Днепропетровской области.

Житомирская область была создана путём её выделения из Киевской. В её состав вошли города Житомир, Коростень, Новоград-Волынский и 26 районов Киевской области, г. Бердичев и 4 района Винницкой области.

Каменец-Подольская область была образована на территории Винницкой области. Ей подчинялись города Каменец-Подольский, Шепетовка и Проскуров (ныне г. Хмельницкий), 18 сельских районов.

Восстановленные ещё в 1933–1936 гг. приграничные округа (Житомирский, Новгород-Волынский и Коростенский) составе Житомирской и Киевской областей с целью укрепления органов власти и ускоренного развития сельского хозяйства были ликвидированы в ходе разделения крупных областей [16].

После реформы, проведённой 22 сентября 1937 г., Донецкая область стала крупнейшей в Украине. Из 100 избирательных округов, образованных накануне всесоюзных выборов 11 октября 1937 г., в ней было образовано 16 избирательных округов для выборов депутатов Верховного Совета СССР.

С июня 1938 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, Донецкая область была разделена на две: Сталинскую и Ворошиловградскую (с 1990 г. – Луганская). Старобельский округ при этом был отменён [17].

Как считают некоторые исследователи, создание Сталинской и Ворошиловградской областей было вызвано не экономическими, а политическими принципами, несомненно, для поднятия престижа Сталина и Ворошилова [18]. По нашему мнению, административное деление частей единого экономического организма не способствовало социально-экономическому развитию этого края. Научного обоснования целесообразности его разграничения не было тогда и нет сегодня.

10 января 1939 г. были созданы ещё три области – Запорожская, Кировоградская и Сумская, что существенно изменило карту административно-территориального устрой-

ства Украины. В состав Сумской области вошли 2 района Полтавской, 17 районов Черниговской и 12 районов Харьковской областей. Кировоградская область с центром в г. Кирово, который переименовали в г. Кировоград, была образована за счёт 13 районов Николаевской, 10 районов Одесской, 5 районов Киевской и 2 районов Полтавской области. Запорожская область с центром в г. Запорожье охватила 27 районов Днепропетровской и 2 района Николаевской области [19]. Таким образом, в начале 1939 г. в республике уже было 16 областей. Со времени их образования административно-территориальное устройство в СССР существенно изменилось и, в основном, стабилизировалось.

Но процесс образования новых областей имел своё продолжение. Он был связан, прежде всего, с разделом территории Восточной Европы, который предусматривался тайным протоколом к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. В соответствии с этим протоколом Советский Союз в сентябре 1939 г. освободил Западную Волынь и Галичину, а Германия захватила Польшу.

Произошло воссоединение западноукраинских земель в едином украинском государстве. Присоединённые к УССР галицко-волынские земли быстро были интегрированы в советскую политическую систему. Вместе с социально-экономическими и политическими происходили и административно-территориальные преобразования. Вместо разделения на воеводства и уезды, существовавшее до 1939 г., указом Президиума Верховного Совета СССР на присоединённой территории было образовано шесть областей: Волынская, Дрогобычская, Львовская, Ровенская, Станиславская (с 9 ноября 1962 г. – Ивано-Франковская), Тернопольская [20].

Руководству СССР удалось положительно решить для себя ряд важных вопросов по расширению границ страны в результате присоединения к СССР Бессарабии и Буковины, (населённых преимущественно украинцами), которые были аннексированы Румынией ещё в 1918 г.

В июне 1940 г. правительству Румынии были отправлены дипломатические ноты, в которых предлагалось немедленно пересмотреть «бессарабский вопрос» с целью его мирного разрешения. 28 июня 1940 г. части Южной группы советских войск вошли на территорию Бессарабии и Северной Буковины.

В августе 1940 г. Северная Буковина и западное украинское Причерноморье (Измаильский и большая часть Аккерманского уезда Бессарабии) образовали в составе УССР соответственно Черновицкую и Аккерманскую (с декабря того же года – Измаильская) области [21]. Таким образом, после воссоединения с западной Украиной и решения проблем Бессарабии и Буковины количество областей республики возросла до 23.

Территориальные изменения в пределах областей свидетельствуют о том, что они не были постоянными и соседние районы полностью или частично могли переходить из одной области в другую. Это был фактически искусственный передел.

После всех вышеперечисленных преобразований, территория УССР увеличилась с 452 до 566 тыс. км², а население – с 30562 тыс. человек до 39342 тыс. человек по переписи 1939 г.

Верховный Совет СССР 4 ноября 1940 г. принял указ «Об установлении границы между Украинской Советской Социалистической Республикой и Молдавской Советской Социалистической Республикой». В состав МССР было передано из Аккерманской области УССР Волонтировский район, значительную часть Олонештского и Вулканештского районов, а из Черновицкой области – Единецкий, Бричанский, Липканский и часть Окницкого районов [22].

Таким образом, образование и укрепление областного звена административно-территориального деления включало в себя реформы, связанные с образованием новых и ликвидацией существующих областей, переносом их административных центров, изменением территориальных границ и конфигурации. Новые административно-территориальные единицы были образованы также в результате расширения территориальных границ республики за счёт Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины и разукрупнения больших областей. Образование новых областей, как правило, сопровождалось рядом постановлений по организационным вопросам и формированием управленческих структур.

В условиях современной экономической и политической нестабильности в Украине, когда ведутся поиски оптимальной модели управления территориями, невозможно обойтись без реформирования АТУ с использованием опыта региональных преобразований 20–30-х гг. XX в. Однако эта проблема потребует глубоких научных исследований, которых ещё явно недостаточно, чтобы извлечь опыт и уроки прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верменич Я. В. Територіальна організація в Україні як наукова проблема: регіонально-історичний та політико-адміністративний виміри: монографія / Я. В. Верменич // НАН України; Інститут історії України. – К., 2008. – 160 с.
2. Шабельников В. І. Адміністративно-територіальний устрій України: історичний досвід і уроки (1917–1941 рр.: монографія) / В. І. Шабельников. – Донецьк, 2011. – 306 с.
3. Засць І. Я. Обласний поділ в Україні: етапи та тенденції розвитку / І. Я. Зяць // Право України. – 1999. – № 9. – С. 110–115; Ткачук П. Адміністративно-територіальний устрій України: досвід і уроки / П. Ткачук // Місцеве самоврядування. – 1998. – № 5–7. – С. 141–145.
4. Мамутов В. К. Нужно ли Украине разделение на 25 областей / В. К. Мамутов // Актуальные проблемы управления территориями в Украине: Материалы научно-практической конференции 26–27 ноября 1992 г. – К., 1993. – С. 78–81.
5. Орзих М. Инновационная реконструкция административно-территориального устройства Украины / М. Орзих // Право України. – 2005. – № 7. – С. 51–58
6. Карелин Е. Г. Механизм власти и управления Западного края Советской России в 1917–1939 гг. – Смоленск, 2008. – 361 с.
7. Сборник законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины 33 УССР, 1930, № 23, ст. 225, с. 687–714.
8. 33 УССР, 1931, № 5, ст. 48, с. 125–130.
9. 33 УССР, 1932, № 5, ст. 28, с. 41–43.
10. 33 УССР, 1932, № 5, ст. 138, с. 237.
11. ДАДО, ф. р. – 2109, оп. 1, д. 310, л. 12.
12. Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – К.: Политиздат Украины, 1958. – Т. 2, с. 532.
13. 33 УССР, 1932, № 5, ст. 170, с. 36.
14. XVIII съезд ВКП(б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. – М.: Госполитиздат, 1939. — С. 28–29.
15. Известия ВУЦИК – 1937. – 23 сентября.
16. Постановление ЦИК СССР 22 сентября 1937 г. // СЗ СССР, 1937. – № 66. – Отд. 1. – Ст. 275. – С. 565–569.
17. Известия Советов депутатов трудящихся УССР. 1938. – № 126. – 4 июня.
18. Мамутов В. К. Нужно ли Украине разделение на 25 областей // Актуальные проблемы управления территориями в Украине: Материалы научно-практической конференции 26–27 ноября 1992 г. – К., 1993. – С. 80.
19. Известия Советов депутатов трудящихся УССР. 1938. – № 9. – 11 января.
20. Известия Советов депутатов трудящихся УССР. 1938. – № 278. – 5 декабря.
21. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938–1975. В 4-х томах. – Т. 1. – М.: Известия, 1975, с. 44–45.

22. Ганжа А. О границах без претензий / А. Ганжа, Б. Захарчук, В. Боечко // Достопримечательности Украины. – 1991. – №2. — С. 51.

Поступила в редакцию 22.01.2014 г.

**CREATION OF REGIONAL CHAIN IN TERRITORIAL DIVISION
AND ADMINISTRATION IN UKRAINE (1932–1940s)**

Shabelnikov V. I.

The article gives a scientific elucidation of the history of formation and development of Ukraine's regional division into administrative-territorial units (ATU) in 1932-1940s. On the basis of published and archival sources Ukraine's state policy on the administrative-territorial governance reform is considered, as well as its legislative provision. Factors influencing this process have been examined. The changes in territorial boundaries and their configuration have been highlighted. The growth dynamics of regional associations and the main consequences of the new system of territorial division and administration have been investigated.

Key words: territorial division, administrative reform, a district, a region, administration system, authorities, reunion of lands.

Шабельников Виктор Ильич

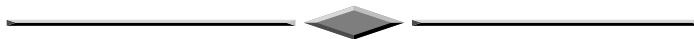
Доктор исторических наук, профессор
Донецкий национальный университет

Shabelnikov Viktor Ilyich

Doctor of History, Professor.
Donetsk National University.

e-mail: kslavyandonnu@yandex.ru

Ф И Л О С О Ф И Я

УДК 130

ФИЛОСОФСКАЯ САМОРЕФЛЕКСИЯ КАК СПОСОБ БЫТИЯ СОЗНАНИЯ

© 2016. Т. Н. Брысина

В статье рассматривается проблема природы связи сознания и философии. Предлагаемый вариант ее решения базируется на идее взаимообусловленности метода, предмета, области и результата исследования. В итоге делается вывод, что философия как форма бытия сознания презентрует постоянно происходящее в нем преобразование архитектоники модусов и состояний, которое может быть изучено на базе симбиоза методических процедур диалектики и феноменологии.

Ключевые слова: философия, бытие, сознание, мышление.

Существование любой культурной формы обусловлено исторически. Выяснение всего комплекса обстоятельств и причин появления, генезиса, функционирования и перспектив, однако, не всегда является насущной необходимостью для каждой из таких форм. Ученый или теолог могут продуктивно работать, не задаваясь вопросом об условиях бытия «своей» культурной формы, поскольку их задачи – познание не самой науки или теологии как особого образования сознания, а того, что является его предметом, т.е. некой трансцендентной сознанию реалии, например, природы или Бога.

Особенность философии, которая сразу же обнаруживается при ее составлении с другими формами мысли, – это постоянное обращение к собственным условиям существования. Можно без преувеличения утверждать, что основной вопрос философии – как возможно нечто, а ничто? – обращен в первую очередь к ней самой. И только предложив какой-либо ответ, то есть осознав себя, философия может обратиться к размышлениям о возможностях других «нечто». Именно в этом заключается **актуальность** предлагаемой в статье темы исследования, так как осознание специфики каждой из культурных форм является действенным «противоядием» фундаментальной тенденции современного этапа общественного развития – тотальной унификации и стандартизации жизни. Философия, являясь одновременно культурной формой, способом самоопределения сознания и его языком, обеспечивает тем самым не только собственное существование, но выполняет работу по сохранению многообразия культурных форм, а тем самым самой социальной реальности. Следовательно, как бы ни трактовалась философия размышляющими о ней, проблема ее бытийного статуса оказывалась необходимым и непреодолимым контекстом, игнорировать который не удавалось никому, даже если эта проблема специально не тематизировалась.

На современном этапе существования философии тема бытийного статуса философии как вариация концептуального представления сознания в качестве особого бытия прежде всего разрабатывалась в феноменолого-герменевтическом направлении (Э. Гуссерль, Х.-Г. Гадамер, М.К. Мамардашвили, В. И. Молчанов, К. А. Свасьян и др.), однако, несмотря на длительную и основательную проработку данной темы, остается много «белых пятен», в частности, не установились новые методологические подходы, которые позволили бы определить программу изучения философии как способа бытия

сознания в русле неклассической рациональности.

Цель данного исследования состоит в разработке методологической позиции, позволяющей эксплицировать разнородную целостность сознания и описать ее на языке философии.

Быть для философии – это значит занимать свое собственное, осознаваемое и осмысленное, место в человеческой жизни. И потому оказываемым включенным на правах онтологического «момента» в эту жизнь, взаимосвязанным, взаимозависимым, дополняющим и дополняющимся другими «моментами», занимающими свое собственное место в ней, точнее, образующими саму человеческую жизнь. А поскольку человеческая жизнь всегда имеет конкретно-исторический характер, то совершенно логично трактовать философию в гегелевском варианте как «эпоху схваченную мыслью». На протяжении длительного времени такой статус философии – самоосмысления и самопознания эпохи – принимался как само собой разумеющийся. И дело здесь не только и не столько в авторитете Гегеля, сколько в специфике самой философии. Она действительно выражает ту эпоху, в которой живет, причем в самом концентрированном, а не абстрактном виде. Однако это особенность сослужила для философии недобрую службу, превратив ее трудами многих верных адептов в инструмент изучения различных общественных структур и процессов (философия политики, философия науки, философия экономики и т. д. и т. п.), отодвинув в маргинальную сферу самое главное – вопрос о философии как таковой, т. е. об условиях ее бытия.

«... Мысль, приносящая в мир нечто новое, вынуждена проявляться через посредство уже готовых идей, которые она встречает и вовлекает в свое движение; поэтому и кажется, что она связана с эпохой, в которую жил философ. Но часто это всего лишь видимость. Философ мог явиться многими веками раньше; он имел бы дело с иной философией и иной наукой; он поставил бы иные проблемы; он иначе формулировал бы свои мысли; возможно, ни одна глава из книг, которые он написал, не была бы той же; и все-таки он сказал бы то же самое» [1, с. 123]. Трактовка философии Анри Бергсоном, на первый взгляд, кажется совершенно противоположной вышеприведенной. Однако, если перенести акцент с эпохи на мысль, то обнаружится следующее – в обоих случаях речь идет об условиях возможности философии, или об ответе на вопрос об ее онтологическом основании. И таковым в обоих случаях оказывается мысль, или сознание. Поэтому совершенно закономерной оказывается ситуация, в которой ответ о природе и характере философии одновременно является ответом о природе сознания и наоборот. Размышления о философии, ее состояниях (в том числе и современном) и перспективах оказываются демонстрацией как жизни самого сознания, так и способов, в которых осуществляется познание и представление этой жизни (а в ней и жизни эпохи), формируются те или иные образы, парадигмы, модели и эпохи, и сознания, и философии вместе и одновременно. Именно поэтому, несмотря на различие в способах и формах выражения, философия своеобразным языком конкретного философа – представителя своей эпохи – говорит об одном и том же, философ говорит о том же самом. И если философия действительно претендует на статус «духовной квинтэссенции эпохи» (Маркс), то она должна прежде всего выразить современную ей эпоху в качестве разнородного множества человеческой жизни, имеющего общую основу, что и обеспечивает как целостность эпохи, так и саму возможность ее понимания.

Вся история философии, так же как и история человеческой жизни, показывают, что таковым основанием выступает сознание как бытие особого рода. И философия – «сознание вслух» (Мамардашвили) –, проговаривая себя, тем самым приобретает самобытность и выражает таким образом дух эпохи. Осмысление сознанием самого

себя представляется тем катертоном, звучание которого позволяет определить философии свое место в человеческом мире и исполняться в своем, отличном от других мыслительных форм, виде.

Философия как адекватная форма мысли (сознания) и самосознание как адекватная форма философии – две стороны одной медали. Не случайно, сдвиг внимания с вопроса о сознании как таковом на вопрос о содержании сознания (чем на протяжении уже многих столетий грешат «теории» сознания) тотчас оборачивается утратой интереса к философской саморефлексии и замене ее различными «философиями». Особенно преуспело в этом наше время, с его борьбой с метафизикой, деконструкцией всего и вся, итогом чего стало объявление о «смерти субъекта», «смерти автора», «смерти индивида». Не за горами и отказ в жизни сознанию, а значит и человеку. Однако декларации – это совсем не одно и то же, что жизнь сознания и философии. Хотя, конечно, такие декларации есть несомненный симптом радикального поворота от одного типа философии к другому. Этот поворот, по сути, раскрывает ситуацию рождающегося в ином состоянии сознания. Это новое состояние иначе преобразует (придает смысл, созерцает, конструирует и т. д.) целостность различных социально-культурных форм, тем самым иным образом организуя свое собственное местопребывание и связь с ними. Таким образом, происходящие в философии изменения как в определении ее предмета, проблематизации уже давно выделенных и проработанных тем, а также способов, процедур, средств описания и исследования должны быть поняты как свидетельства уже случившегося и продолжающегося преобразования сознания, концентрирующего и одновременно провоцирующего изменения общественной жизни в целом, или становление новой эпохи. Фактом осознания преобразования сознания им же самим как раз и оказывается предпринимаемое философией усилие по поиску условий своего существования, в основе которого лежит продуцирование такого способа описания сознания, при котором оно само конституируется как динамичное множество разнородного.

Очевидно, что так понимаемое сознание не может быть выражено, описано, исследовано каким-либо одним методом. Это невозможно сделать и при помощи нескольких методов, поскольку возникает проблема соединения полученных результатов, которое, конечно, не может быть их суммированием. Следовательно, необходима разработка такого способа, который представлял бы симбиоз методических средств, позволяющий высказаться разнородности сознания и тем самым обеспечить философии возможность существования и определить ее место культуре.

Опыт философии (и не только ее) показывает непосредственную зависимость того или иного понимания сознания от практических методических средств его исследования. Однако осмысление этого факта – событие совсем недавнего прошлого, а именно начала двадцатого века. Таким образом, современная философия реализует в своеобразной форме Марксов тезис о преобразовании мира: будучи формой бытия сознания и языком, на котором оно говорит о самом себе и ведет диалог с другими своими инобытийными состояниями, философия и познает мир, и изменяет его, преобразуя архитектонику знания, которое само является фактом общественной и человеческой жизни.

Зависимость философии от характера организации сознания, выраженного в том образе (парадигме, модели), который оно и порождает в ходе своего конституирования при реализации определенных методических средств, ставит вопрос об онтологическом статусе самих этих средств. Тем самым открывается возможность понимания философии в качестве практической (в марковской интерпретации) деятельности. Подобная установка требует определения границ применимости наиболее продуктивных методологий исследования сознания и выявления в них тех потенций, симбиотическая связь

которых позволяет более или менее точно описать сознание и, следовательно, осуществить акт философствования.

Обращение к истории, современному состоянию и достижениям различных философских учений не является данью моде, а выражает естественную потребность теоретического мышления. Открытость методологической системы, способность к восприятию и интеграции принципов и средств из «чужих» областей вовсе не свидетельствует об ее эклектизме, а напротив, ее жизнеспособности, что выражается в динамизме и преобразовании. Основанием симбиотического объединения может выступать дополнительность как соотношение предельных возможностей существования и описания сознания в задаваемых методологиями областях, где наличествуют разнородные и нередуцируемые связи. В этих поисках и выражается современное состояние философии, а их направленность – суть перспективы ее бытия в социальном мире.

Разумеется, в одной статье невозможно реализовать в полной мере поставленную задачу, но возможно продемонстрировать один из вариантов такого решения. В качестве исходного теоретического материала для разработки симбиотического конституирования сознания берутся диалектика и феноменология, во-первых, как наиболее фундаментальные и глубоко разработанные философские методы, во-вторых, как методы, противостоящие друг другу. Тем самым, эксплицируется исходная установка на дополнительность в качестве условия онтологического представления сознания и соответствующей ему философской концепции.

За длительную историю своего существования диалектика претерпела множество изменений, выразившихся в ее конкретно-исторических формах. Однако это многообразие не должно экранировать единство исходных посылок и основных принципов данного способа исследования. Феноменология, хотя и не имеет столь же длительной истории, также демонстрирует разнообразие вариантов при общности небольшого числа основополагающих идей и установок.

Методологическая задача заключается, следовательно, в определении основных принципов, предпосылок и средств, которые выражают суть каждого из методов; описании и сопоставлении исследовательских областей, которые устанавливаются в ходе реализации данных способов; в экспликации содержания как методологических, так и теоретических когний, которая обязательно предполагает процедуру интерпретации.

Объединение диалектики и феноменологии на основе их синтеза – задача не новая. Неомарксизм, экзистенциализм (в сартровском варианте) предпринимали усилия такого рода при исследовании социальных и антропологических проблем. Однако акцент был сделан на синтезе, а не на симбиозе методологических процедур и средств. Наша задача заключается в реализации именно симбиотической установки.

Первый шаг, который нам предстоит сделать – это выявить общность методологических предпосылок, разворачивание которых и предстает в виде определенной теоретической конструкции. В данном случае – концепции сознания.

Диалектика, независимо от ее конкретной формы, исходит из посылки наличия некоего безусловного начала (благо, материя, идеи и т. д.). Его наличность – это не результат доказательств, а исходная априорная данность.

Исходное первоначало есть онтологическая и методологическая предпосылки диалектики и одновременно его конечная цель. Таким образом, диалектика оказывается вариантом «первой философии», или метафизики в догегелевском понимании.

Вторая предпосылка – «закрытость» исходного первоначала, которая инициирует перевод из формы «в себе» в форму существования «для себя». Диалектический метод как раз и реализует такой перевод с помощью собственных процедур и средств, одновременно устанавливая (конструируя) форму «для себя» в виде ясного и

отчетливого образования. Платон называл этот процесс возведением предположений к самому началу с тем, чтобы их утвердить, то есть установить, задать теоретическое пространство, где возможно осуществлять исследование. У Гегеля тот же перевод приобретает вид развития понятия, а у Маркса – восхождения от абстрактного к конкретному. Таким образом осуществляется связь методологической и теоретической работы, или способа и предмета (а затем и результата) исследования. То обстоятельство, что эта предпосылка далеко не всегда осознавалась, не меняет существа дела.

Декарт был первым, кто артикулировал вопрос о предпосылках метода. Его радикальное сомнение – это и есть средство целенаправленного осознанного обнаружения исходного начала, а также обоснования его безусловности и очевидности. Интерес Гуссерля к идеям Декарта определяется прежде всего этим – поворотом к выявлению онтологических предпосылок метода и его трактовки как средства достижения очевидности исходных и последних оснований бытия. Другими словами, Декарт обнаружил, что предпосылки метода суть последние основания бытия. Признание Гуссерлем этого вывода означало, что феноменология как особая методология изучения сознания не может состояться, если не реализуется диалектический момент: тождество отправного пункта и конечного итога, превращение посылки в цель как результат смены формы данности, осуществляемой сознанием.

Рассмотрим теперь главный принцип, лежащий в основе анализируемых методологий. Можно без преувеличения утверждать, что таковым является принцип целостности, в результате чего предмет задается как «единство многообразия» в диалектике и как феномен – в феноменологии. Этот же принцип обуславливает структуру предмета, где на первый план выходят не столько субординационные, сколько координационные связи. Тем самым предмет приобретает характер конкретности.

И там, и здесь целостность мыслится как структурированная, «многокомпонентная» и динамичная. Важнейший момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что в диалектике и феноменологии целостность выступает не только методологической, но и онтологической характеристикой предмета исследования. Задавая масштаб философствования, этот принцип ориентирует не только на понимание сознания как тотальности (что характерно для классической философии), но и на осознание нетождественности всеобщности и абсолютности, трактуемых как синонимы. Современная философия как форма бытия сознания в новый временной период предлагает другой контекст, где всеобщность соотносена именно с целостностью. И такой вариант стал возможен благодаря усилиям, предпринятым в феноменологии и диалектике.

Существенное различие, определяющее границы синтеза двух методов, заключается в трактовке основы целостности, то есть в понимании характера связи. Для диалектики характерен акцент на «борьбе» многообразия, что ведет к преобразованию (развитию) целостности. Тем самым основа и источник развития оказываются тождественными, а связь раскрывается как каузальная обусловленность, имеющая процессуальный характер. В таком представлении время не может быть ни чем иным, как линейной сменой состояний, чередующейся сменой причин и следствий. Сознание в этом случае есть самосознание таких же линейных процессов, наилучшим образом представленных в деятельности мышления. Именно поэтому в диалектической философии как идеалистического, так и материалистического типа наблюдается редукция сознания к мышлению. Это, конечно, обеспечивает возможность четкой логической структурированности и ясности саморефлексии, но приводит к маргинализации других модусов сознания. Более того, они вообще выводятся из его сферы. А философия – речь

сознания – неизбежно окажется ориентированной на рациональное, логически строгое, системное познание, другими словами, будет претендовать на статус научности.

В феноменологии произошел пересмотр времени как причинно-следственных отношений, следовательно, изменилась трактовка основы целостности. На первый план вышла гармоническая связь. Если при понимании основы как противоречия происходит поглощение, преобразование, преодоление одних «компонентов» другими, то в данном случае имеет место приспособление, подстройка, перемена «местами» при сохранении качественных характеристик. Это не означает, что феноменологически трактуемая целостность статична. Напротив, имеет место динамика, только принцип и характер ее другой. Поэтому проблема развития выражается через понятие историчности, включенного в телеологический, а не причинно-следственный контекст. Отсюда и сознание осознает себя в качестве феномена, способом бытия которого является «поток», где ничего не исчезает в прошлом, а будущее уже присутствует. «Наблюдение за этим «поток» различных явлений-аспектов и за способом их синтеза показывает, что каждая фаза и интервал есть уже в себе «сознание о» чем-то. При этом постоянный приход новых фаз не нарушает ни на один момент синтетическое единство целостного сознания. . .» [2, с. 13].

Если остановиться на этих особенностях, то вышепоставленная задача оказывается неразрешимой. Однако симбиотический ракурс их видения позволяет протрактовать эти особенности в контексте дополнительности. Причем на первый план выступают не комплементарность (выявление общих моментов), а сохранение специфичности как условия целостности. Поэтому диалектика и феноменология оказываются такими методологиями, которые предполагают выражение и описание разных состояний сознания при сохранении его целостности. Противоречивость и гармонизация сами являются «компонентами» целостности, а их дополнительность оказывается условием целостности.

Вопрос о том, каким образом представлен предмет – это вопрос использования тех или иных методических процедур и средств. Однако в обоих рассматриваемых методах является аксиомой необходимость специальной методической подготовки сознания, что выражается в выработке определенной установки, благодаря которой предмет с очевидностью предстает как конкретная тотальность. В свою очередь, исходные предпосылки и принцип целостности выступают ориентирами при выборе и реализации исследовательских процедур. Не имея возможности в силу ограниченности объема статьи подробно раскрыть специфику таких процедур, остановлюсь на одной, но важнейшей.

Процедура «эпохе» – (заключение в скобки, вывод из игры) – специально и целенаправленно осуществляемое ограничение в использовании таких когнитивных образований, которые не относятся к предмету исследования. В феноменологии эта процедура ориентирует на понимание сознания из своего собственного бытия; в диалектике – на развивающиеся образования. Именно использование этой процедуры позволило Марксу рассмотреть сознание как особый род бытия. Если феноменолог «берет в скобки» все то, что не является сознанием, то Маркс «выходит из игры» как бы само сознание, когда формулирует требование его объяснения из «внесознательных» структур, или общественного устройства. Но что же происходит в исследовательской работе у Маркса? Во-первых, «выводятся из игры» те обыденные представления и переживания мира, из которых складывается обыденный опыт людей в их обыденной жизнедеятельности. Этот опыт Маркс называет «сознанием простака». Точно так же и Гуссерль «заклучал в скобки» эмпирический мир человека. Во-вторых, процедура «эпохе» осуществляется в отношении специализированного сознания, то есть всей совокупности философских и научных идей. Однако ни Гуссерль, ни Маркс, ни их последователи не смогли осуществить процедуру «эпохе» в полной мере, что

свидетельствует не о слабости методологической деятельности, а о принципиальной невозможности радикальной редукции. В противном случае это означало бы «смерть сознания».

Цель «эпохе» не в том, чтобы полностью очистить сознание, а в выявлении таких структур, которые делают возможным сам эмпирический опыт, его упорядоченность и воспроизводство. Именно эти структуры, как бы они ни назывались, оказываются исходным основанием, которое предстает в начале работы в качестве некоей целостности, интуитивно схватываемой исследователем.

Как в диалектике, так и в феноменологии выделение сущностных структур разрешает проблему случайности происходящих в эмпирической жизни событий и процессов. Расхождение между различными формами диалектики, с одной стороны, и феноменологии – с другой, заключается в трактовке природы этих структур и способе их исследования. Так, для Гегеля и Гуссерля характерно признание их априорной природы, что связано реализацией ими такой методической процедуры, как трансцендентальная редукция. Для Маркса и поздних феноменологов (Хайдеггер, Мерло-Понти), не практикующих данную процедуру, сущностные структуры оказываются исторически обусловленными. Так же отличается и трактовка способа их постижения. В одном случае таковым является созерцание, в другом – дискурсивное мышление, но при этом исходная посылка дискурса рассматривается как интуитивно данная.

Анализ методических принципов, предпосылок и средств диалектики и феноменологии обнаруживает возможность разработки симбиотического способа понимания сознания. Разворачивание этой возможности, на мой взгляд, является одним из фундаментальных условий сохранения философией свое место в культуре и человеческой жизни. Одновременно это позволяет обосновать невозможность технологизации сознания, низведения его на уровень одного из факторов общественного бытия. Мир, предполагающий присутствие сознания, проговаривающего себя, всегда оказывается открытым, незавершенным и спонтанно преобразующимся. Следовательно, философия в таком мире также не может быть завершенной и однонаправленной. Происходящие в современной философии метаморфозы – яркое тому подтверждение.

Возможности диалектической и феноменологической методологий (как эксплицированные, так и не проявленные) позволяют рассматривать их как взаимодополнительные варианты бытия сознания. Одновременно они оказываются способами исследования сознанием своего собственного существования. Разработка симбиотических средств изучения сознания неизбежно задает область теоретического представления сознания как динамичного целостного образования, философия в таком случае непременно будет ориентирована на статус «духовной квинтэссенции эпохи», презентующей не просто ее разнообразие, но и разнородие.

Подводя итог исследования, можно сделать вывод, что постоянно осуществляемая философией саморефлексия есть презентация преобразований архитектоники модусов и состояний сознания. Для понимания этой ситуации необходим симбиотический методологический подход, который позволит более адекватно эксплицировать бытие сознания в качестве феноменологически организованной целостности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. La pensée et le mouvant. Essais et conférences. p., alcan, 1934, 3° éd., in-8, br., 323 pp.
2. Гуссерль, Э. Феноменология / Э. Гуссерль // Логос. — 1991. — № 1. — С. 12–21.

Поступила в редакцию 15.01.2014 г

PHILOSOPHICAL SELF-REFLECTION AS A WAY OF MIND'S BEING

Brygina T. N.

The article touches upon the problem of connection between mind and philosophy. The suggested way of its solution is based on the idea of mutual dependence of a research method, subject-matter, a sphere and a research result. The conclusion is made that as a form of mind's being philosophy presents its constant transformations, architecture of modi and states which can be investigated on the grounds of unity of dialectical and phenomenological methodological procedures.

Key words: philosophy, being, mind, thinking.

Брыгина Татьяна Николаевна

Доктор философских наук, профессор.

Ульяновский государственный технический университет.

Brygina Tatyana Nikolaevna

Doctor of Philosophy, Professor.

Ulyanovsk State Technical University.

E-mail: philos@ulstu.ru.

УДК 141

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

© 2016. *Н. А. Гильмутдинова*

Проблематизированы онтологические основания человеческого бытия, их проявленность в таких экзистенциалах, как свобода и игра; представлен сравнительный анализ классической и постклассической образовательных парадигм, реализующих соответствующие философско-антропологические установки.

Ключевые слова: экзистенция, антропология, образование, образовательная парадигма, свобода, игра.

Современная философия отчетливо антропологизирована: абстрактно-умозрительный подход к решению метафизических проблем преодолевается в попытках осмыслить их через феномен человека. Поиск антропологических оснований традиционных тем философии – характерная примета современной философской рефлексии, *актуальность* этой проблематики непреходяща и неотменяема. Однако философская антропология не подменяет собой всю философию, а лишь предлагает новые эвристические возможности для осмысления предельных вопросов бытия, вытекающие из анализа феномена человека и его предназначения, модусов человеческого существования, особенностей человеческого бытия.

Каждый философ отдал дань оригинальной, но при этом вечной в своей напряженной многогранности и неразрешимости проблеме человека, оригинально сочетая личный опыт философствования с духовным климатом своей эпохи. В концентрированном и каноническом виде это представлено в творчестве энциклопедических умов европейской культуры (Аристотель, Ф. Аквинский, Р. Декарт, Г. Гегель, К. Маркс, М. Хайдеггер и др.).

Все философы с помощью разнообразных и оригинальных теоретических и методологических приемов следовали определенной философской программе постижения человека, для которой характерны:

- стремление к пониманию человека в его целостности;
- убеждение в том, что познание человека есть его самопознание;
- выход за границы очевидности и изумление перед тайной человека;
- выработка специфических средств познания человека и попытка преодоления ограниченности логико-понятийного дискурса;
- напряженная, мучительная проблематизация человека (в понятиях объективного/субъективного, единичного/общего, природного/социального, отличного/самотождественного, постоянного/изменчивого и т. п.);
- постоянная выработка в истории философской мысли образов человека, то есть обобщенных типических моделей человека как конкретного и родового существа.

В философском образе человека последний отражен не только в «здесь-теперь-ситуации», но предстает и как существо, обращенное в будущее в свете соответствующего идеала. Таким образом, философия отражает логику жизни и формулирует наиболее общие цели и принципы теоретической и практической деятельности человека, выступая в качестве самостоятельного фактора духовной культуры.

Целью данной работы является проблематизация онтологических оснований человеческого бытия, их проявленности в таких экзистенциалах, как свобода и игра.

Онтологический подход к человеку предполагает, во-первых, связь человеческого бытия с изначальной полнотой и целостностью универсума – «бытия вообще», высветленность и выявление универсума в человеческом бытии; во-вторых, рассмотрение самого человека в качестве целостности, мира, микрокосма.

«Бытие вообще» выявляется через конкретную жизнь конкретных людей. Человек же стремится понять себя и тайну своего бытия, вставая в разные позиции в сущем, соотнося себя с иным, находя себя в тех или иных определенностях сущего как в зеркалах. Таких определенностей может быть множество, но фундаментальных пределов-оснований его существования не так уж и много. Основания – те фундаментальные, изначальные отношения, сопряженности индивида с бытием, которые, как вечный двигатель, постоянно определяют человеческое существование само по себе и служат его пределами, гранями, отталкиваясь от которых, подступая к которым, раздвигая их, человек определяет себя. Именно эти пределы-отношения, пределы-границы и являются «зеркалами», глядя в которые, индивид себя постигает. Они-то и есть меры человека, то, чем себя индивид определяет.

Уже сам онтологический подход предполагает в качестве одного из фундаментальных оснований отношение «человек – мир». Это основание можно назвать субстанциальным, вытекающим непосредственно из человеческого существования, все из себя и собой порождающего.

Бытие как полнота, целостность, замкнутость на себя не исключает, а предполагает внутри единства разнообразие. Поэтому для понимания субстанциального измерения человеческого существования необходимо как бы разъединить человека и мир, помня, что отъединенность их – внутри единства и этим единством охвачена. Их «одинокость» нужно для выявления конкретных путей и механизмов связи единого, для понимания конкретной наполненности бытия. Чтобы в подобную сопряженность войти, человеческий индивид должен осознать себя как целостность. Безусловно, индивид изначальное есть целостность и несет в себе это ощущение цельности – единения с миром, но он может заслониться от единства или вещами, или своими прихотями, пристрастиями и т.п. и не узнать «судьбы своего присутствия» в бытии, со-бытия. «Оставленность бытием» по-разному проявляется в индивиде. Индивид может оказаться винтиком системы, объектом манипулирования. А может принять свою субъективность за начало мира и жить или через поглощение его по способу «обладания» (см. [1]), или по способу проектирования своего эгоистического Я на мир, подминая мир под себя. Осознает же свою изначальную целокупность с миром индивид через становление отношения «человек – мир» и затем – его дальнейшую конкретизацию через иные измерения.

В рамках отношения «человек – мир» возникает мир человека и очеловеченный мир в их неразрывном единстве. Основой возникновения этого нового мира (точнее, единства, новой реальности) оказывается существование человека в мире. Это существование понимается по-разному, из разных человеческих проявлений. Одни принимают за изначальное телесный субстрат человека или какие-то его конкретные проявления (бессознательные инстинкты, витальные особенности и т.п.); другие – наличие сознания, души, духа; третьи рассматривают человека как субъекта, т.е. носителя активности: активной свободной воли, способности к творческому порыву, способности к познанию, деятельности (в частности, к предметно-практической самодеятельности); есть те, кто принимает за основание любовь, волю к власти и др. А, например, Э. Финк

за изначальные выделяет сразу несколько оснований: это жизнь и смерть, воля к власти, труд, любовь, игра [2; 357-404]. К. Маркс говорил, что выводить человека и его особенности можно хоть из чего угодно (правда, сам выводил его из труда, полагая, что человек только в труде научился различать себя с животными и иным миром). Действительно, человека можно представить и вывести из самых разных оснований, учитывая и определенные приоритеты этих разных параметров. Но приоритеты эти не могут быть односторонними и абсолютными, т.е. нельзя вывести человека и мир человеческий на основе одного, хоть и важного человеческого родового качества: труда либо любви либо сознания и т.д. Очень важно не отделять эти качества от целостного человека и учитывать мнения людей о самих себе и своих родовых свойствах.

Субстанциальный уровень является фундаментальным, но еще весьма абстрактным и нуждается в дальнейшей конкретизации и наполнении. На этом уровне выявляется абстрактно-метафизическая «природа человека» – «держатель» всех человеческих качеств, свойств и отношений. Она уходит, с одной стороны, в глубины своих в природу, в «жизнь вообще», то есть в витальные, телесные, «зоо»-структуры и является продолжением вселенской, космической координаты жизни; с другой же – охватывает все многообразие собственно человеческих проявлений, свершений, воплощений; и, наконец, вновь выходит в «бытие вообще», пополняя и расцветивая его.

Итак, человек предстает перед нами как существо уникальное, сложное и неисчерпаемое. Именно этим объясняются различные подходы к определению природы человека и множественность образов человека в истории философии. Последняя свидетельствует не столько о беспомощности нашего ума в теоретическом охвате и выражении уникального как целого, сколько о действительной многозначности, многоаспектности и многомерности человека. Традиционное представление о человеческой универсальности в наше время проявляется не как возможность сведения человека к какой-то одной характеристике, объявляемой «сущностью», а как сложное, разнообразное, внутренне многозначное единство.

В духовных состояниях человек выступает как неповторимая индивидуально-уникальная личность. Он самоосуществляется в них, тем самым занимая определенное положение в мире и выражая свое отношение к нему, свою причастность к тому, что составляет тайну бытия человечества в целом. Стремление разгадать ее, опираясь как на собственный жизненный опыт, так и на опыт других людей, порождает рефлексивность, приобщая человека к попыткам рассмотрения экзистенциальных (смысложизненных) проблем. Это проблемы метафизического характера, не имеющие однозначного и универсального решения, и их осмысление не предполагает достижения некоего прагматического результата наподобие рецептурного знания. Тем не менее, постановка их исключительно важна для человека, ибо фиксирует степень его духовной зрелости.

Человек, обладающий определенным духовным опытом, просто не может не задумываться о том, что он есть, что оставит после себя, зачем живет. Нельзя не задавать себе эти вопросы, поскольку размышление над ними позволяет человеку осознать свою индивидуальность и попытаться постигнуть свое предназначение в мире, почувствовать приобщенность к миру и заявить о себе как о существе думающем, сомневающемся, страдающем, но при этом утверждающем свою духовную суверенность.

Обращение к этим вопросам тем более важно для современного человека, который, постигая тайны природы и преобразуя мир, оказывается не в состоянии понять самого себя, нанося вред и своему телу, и душе, и духу. Можно согласиться с М. Шелером в том, что наша эпоха – первая, когда человек стал совершенно проблематичен. Он больше не знает, что он такое, но в то же время знает, что он этого не

знает. Вот это последнее «знание» оставляет надежду на то, что не все потеряно для человека, коль он задумывается над экзистенциальными проблемами собственного существования.

И человек (поскольку он активное, деятельное, стремящееся к самоутверждению существо) обязательно сталкивается с еще одной экзистенциальной проблемой – проблемой собственной свободы. Эта проблема также не имеет однозначного решения, и каждый выбирает свой вариант, крепя его личными делами и поступками.

Свобода – одна из основных философских категорий, выражающая возможность личности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внешнего или внутреннего принуждения. Философия свободы человека была предметом размышлений Канта и Гегеля, Маркса и Ницше, Сартра и Ясперса, Бердяева и Соловьева. Свобода рассматривалась в соотношении с необходимостью («познанная необходимость»), с произволом и анархией, с равенством и справедливостью. В философском осмыслении феномена свободы сложились два основных методологических подхода.

Первый, берущий начало у Б. Спинозы, рассматривает свободу в соотношении с необходимостью, определяя ее как познанную или осознанную необходимость, как способность действовать с учетом внешних для человека обстоятельств. Это определение несет на себе отпечаток рационализма и лишено драматизма, свойственного реальной жизни человека.

Второй методологический подход рассматривает свободу человека как экзистенциальную оппозицию его ответственности. Здесь свобода квалифицируется не как некая божественная или природная данность, а как результат деятельности самого человека. Она завоевывается и постоянно отстаивается самим человеком, который на протяжении всей жизни личными поступками утверждает свое право на свободу и, тем самым, свое человеческое достоинство. Реализация этого права всегда осуществляется в поле социального и межличностного напряжения между человеком и обществом, индивидом и коллективом, отдельными людьми. Для отношений между людьми максима «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека» является не нормой, а только идеалом.

Парадоксальность феномена свободы состоит в том, что человек, будучи существом активным, волен самостоятельно мыслить, высказывать собственное мнение, действовать. В этом смысле можно понимать известное положение Ж. П. Сартра: «Человек обречен быть свободным», – даже отказываясь от свободы, человек уже делает выбор, а, следовательно, проявляет себя как свободное существо. С другой стороны, свобода, понятая подобным образом, – это свобода бездеятельности, свобода пассивного существования, своеобразная «свобода от свободы».

В философии экзистенциализма, для которой феномен свободы является одной из главных тем рассмотрения, свобода расценивается как свидетельство «неподлинного существования» человека, как выражение его конформизма. Суть проблемы в следующем. Сбросив угнетающую его зависимость от общества (или коллектива), человек делает лишь первый шаг к свободе («негативная свобода»), вслед за которым возникает вопрос: как распорядиться обретенной свободой? Возможен выбор из двух ответов. Первый – поскольку свобода всегда предполагает ответственность, постольку она может оказаться очень тяжелым грузом для человека, привыкшего жить по принципам патернализма. В этом случае наблюдается эффект «бегства от свободы» – добровольного отказа от нее. А взамен человек получает опеку общества, обеспечивающую относительно комфортный образ жизни. Второй ответ связан с достижением «позитивной свободы» – человек стремится утвердить себя как

суверенную и независимую личность, являющуюся равноправным партнером в отношениях с государством и гражданским обществом, но при этом лишается опеки, принимая всю ответственность за свои мысли и поступки на себя. Выбор из этих двух возможностей опять же свободный. В конечном счете, сам человек – хозяин собственной жизни и творец своей судьбы, сам решает, нужна ли ему свобода, а если нужна, то зачем.

Отечественная философская традиция состоит в конкретизации проблемы свободы как единства теоретических, практических и ценностно-ориентационных факторов жизнедеятельности человека. Свобода означает не только познание закономерностей, но и практическое овладение ими, подчинение их своим целям, т.е. проблема достижения подлинной свободы включает в себя также возможность реализации выбора. Свобода получает все больше возможностей для своей реализации по мере овладения человеком внешними, социальными и природными, и внутренними сущностными силами.

Итак, определяя свободу, необходимо отметить следующие важнейшие моменты, относящиеся к ее содержанию:

- принцип «осознания необходимости» и практической деятельности на основе познанной необходимости;

- принцип соответствия сделанного выбора внутренним убеждениям человека, его интересам. Он либо не выделяется, либо абсолютизируется.

Этот принцип можно назвать выражением внутренней духовной свободы. Внутренняя свобода – это специфически человеческая возможность согласованной работы сознания, воли и нравственных сил человека в процессе его целенаправленной деятельности, это возможность самостоятельно осуществить выбор, принять решение и воплотить его в жизнь. Важнейшими структурными элементами внутренней свободы являются свобода выбора, свобода воли, свобода решения, свобода действия.

Другим экзистенциальным феноменом является игра. В качестве самостоятельной области изучения она рассматривается целым рядом влиятельных направлений современной мысли, широко использующих эвристическую ценность игровых моделей социальной и культурной динамики. Нами будет предпринята попытка объединить усилия культурологи, философии и антропологии в осмыслении игры в её конкретности и целостности, актуальности и историчности, реальности и условности.

Прослеживая динамику и логику развития человеческой культуры, можно понять феномен игры в его процессуальности и предметной оформленности. Философия игры дает возможность осознать нерасторжимость связей культурных форм, понять сложный механизм культурного творчества, уяснить многообразие форм проявления человеческой свободной деятельности. Тематизация игры подводит к осознанию необходимости гуманистического и гуманитарного подходов к анализу всех сфер культуры как места исполнения человека. Человек играющий предстает здесь как человек возможный, в котором сопрягаются предельная открытость, незастрахованность и способность высвобождения из-под гнета обычных форм принуждения: экономического, социального, идеологического. Мы получаем возможность представить особенности и перспективы развития человеческой культуры в складывающейся антропогенной цивилизации, её принципиально игровой характер. Для нас важен не только теоретический анализ игры как экзистенциала человеческого бытия, но и попытка перенесения его осмысления в план личного опыта и деятельности, когда сложная работа индивида по самосозиданию осознается им как свободная творческая игра, порождающая контекст самосознания, поведения и общения.

Открывая для осмысления пространство игры, обнаруживаешь в ней со-вместность непосредственности жизни и рефлексии. Игра – это основной способ человеческого общения с возможным и действительным. Игра – это путь человеческой онтологии (Е. Финк), исключительный способ для-себя-бытия. Игра открывает возможность самоотталкивания и самоудостоверения, представления и означения. Игра – это игра смыслов: воображаемого и сущностного, условного и безусловного, нереального и сверхреального. Сама многомерная реальность в игре получает смысловое измерение. Смысловая вертикаль игры, открывая новые места сущности, противостоит косности и заданной определенности.

Игра как экзистенциальный феномен по-все-местная, её время – это время человеческого бытия. С самого детства мы погружаемся в игры, в которых принцип самоопределения связан с радостью самопреодоления (Ж. Пиаже); именно в них нам впервые открывается опыт свободной импровизации. Уже тогда игра – это первичный опыт смысловой реальности, это со-бытие, снимающее печать принуждения. Мы взрослеем, формируется «разборчивость свободы» (Гамлет: «Мной нельзя играть») и «духовная веселость»: свободный выбор человеком времени и формы своей игры. И снова вопросы: насколько серьезна игра? Где пределы игры? Во что игра может выродиться?

Игра открывает двойственность позиции человека в мире, предоставляя опыт быть Другим и возвращая к подлинному лицу. Мы учимся отличать игру от квазиигры, лицедейство от лицемерия. Исполняясь в игре, человек обретает опыт аутентичной игры в самоопределении и самоотдаче. Аутентичная игра подводит нас к ответственности поступка, – нам открывается этика и аскетика игры.

Социальная история игр является частью всемирной истории. Игра как компонент коммуникации и социализации предоставляет место встречи индивида и общества. Универсальная концепция человеческой культуры как свободной и «честной» игры была разработана Й. Хейзинга в произведении «Homo ludens» («Человек играющий»), в котором было эксплицировано «людическое» (игровое) исполнение любой из культурных форм (экономика, политика, наука, техника, искусство, философия, спорт и пр.) (см. [3]).

XX век продемонстрировал фундаментальный сдвиг в бытии человека и научных представлениях о нем. С одной стороны произошла экспансия редуционистских методов в рассмотрении человека («спекуляция на понижение», как метко заметил М. Шелер). С другой стороны, философская антропология вышла из онтологической альтернативы единой / раздвоенной природы индивида. Сегодня особое внимание уделяется незавершенности и открытости человека миру возможного, человеческой невосполненности и заданности. Игра в такой парадигме представляется ответом на вызов, бросаемый свободой. И особое место в таком её понимании принадлежит постклассической концепции игры, истоки которой уходят к Ф. Ницше, З. Фрейду, М. Хайдеггеру, Г. Гадамеру, а современное наполнение получающей в постмодернистских культурных практиках.

Так, классическая концепция игры, подчеркивая «центрированность» и серьезность бытия, опиралась на жесткие формы метафизики, исключая игровое начало (Ж. Деррида: онто-, тео-, телео-, фалло-, лого- центризм классического мировоззрения). Бытие, понимаемое как присутствие, хранило тайну центра, будь то сущность, существование, Бог, сознание, природа, человек и пр. Центр и игра представлялись антагонистическими началами. Философские системы стремились к

полноте присутствия, надежным основаниям, истокам и истине, ограничивали свободу игры, редуцировали игру к археологии (телеологии и т.п.).

Игра – и постоянно уточняемая концепция, и настоящий язык мысли постмодернизма, пристрастие к ней – и в теоретическом, и в практическом плане – общее место в культуре постмодерна: достаточно упомянуть Пьера Булеза в музыке; Умберто Эко, Джона Фаулза, Джона Барта – в литературе; Ролана Барта – в критике; Р. Раушенберга и Э. Уорхолла – в живописи. И не случайно, конечно, игра была в центре мышления таких значительных авторов современности, как Г. Гессе, В. Набоков, Х.-Л. Борхес, Х. Кортасар.

Философия постмодернизма констатировала выпадение центра и качественное расширение поля игры: движение игры рассматривается как движение дополнения, как игру присутствия и отсутствия. Благодаря постклассической концепции игры происходит синхронизация культуры: «приговоренность» к традиции, вынужденное повторение известного, выражение себя через разрушение другого, перекодирование значений по бесконечной семиотической цепи. Ирония становится метаязыковой игрой. Игру можно постичь только играя. Да и метафизика, если хочет обернуться метафизикой игры, должна прежде всего стать игрой метафизики. Игра есть правило философии – таково убеждение современного постмодернизма.

Таким образом, современные представления об игре, развиваемые в рамках философии культуры и философской антропологии, существенно отличны от классической интерпретации игры. Последняя подчеркивает универсальный характер игры, ее заданность обстоятельствами бытия. Игра как определенная ситуация бытия в мире имеет жесткую структуру: заданный центр, границы игрового пространства, набор правил и пр. Напротив, постклассическая концепция игры подчеркивает ее уникальность, рассматривая игру как акт бытия, как творческий процесс преодоления жёсткости структуры (сама структура может быть рассмотрена в виде игры составляющих). Итак, игра – это способ самовыявления человека, который предполагает реальную открытость миру возможного, это первичный опыт обретения смысловой реальности.

Можно провести корреляцию между рассмотренными выше концепциями игры и двумя концепциями образования.

Ещё в Новое время сложилась определенная культура образования, включающая в себя концепцию образования (принцип образования) и образовательную практику (схема деятельности и их реализация). Изменения, которые произошли к концу XX века во всем массиве культуры, ставят в повестку дня требование реформы образования, смены культурной парадигмы. Представляется необходимым хотя бы вкратце изложить основные принципы, на которых основываются старая (классическая) и новая (постклассическая) парадигмы образования.

Классический идеал образования строится на рационалистически-просветительской установке: образование тождественно обучению. Цель обучения – овладение знанием. Обучающий, носитель абсолютного знания, транслирует его обучаемым, требуя от них его (знания) запоминания и воспроизведения. Четкость, ясность, однозначность знания предполагает унификацию форм и средств обучения, а также преподавателей и студентов (их усреднение). Это, в свою очередь, предполагает возможность тотального контроля за содержательной и организационно-методической стороной образовательного процесса. Постепенно происходит разведение обучения и воспитания, которое становится второстепенным, и его осуществление предписывается отдельным педагогам («воспитатели», «гуманитарии» и т.п.). Приоритетной стратегией образования является специализация и профилизация.

Постклассическая образовательная парадигма исходит из того, что овладение знанием не является целью, а средством вхождения человека в смысловое пространство культуры. Образование рассматривается как совместная выработка знаний, поэтому большое значение имеет учет индивидуальностей как обучаемых, так и обучающихся. Здесь складывается единство обучения и воспитания: сосуществуют многообразные образовательные системы; отсутствует унификация. Приоритетной стратегией образования является его фундаментализация и гуманитаризация. Новая образовательная парадигма включает в себя новые представления об игре как неотъемлемой составляющей образовательного процесса.

В рамках классической парадигмы образования игра трактуется как один из способов организации образовательного процесса. И действительно, такие свойства классически трактуемой игры, как выделение особого поля игры (замкнутого, ограниченного пространства), заданность правил и повторяемость способствуют обучению, понимаемому как освоение и усвоение знаний. Однако существенный «недостаток» игры – несерьезность – определяет фрагментарность использования ее в образовательном процессе.

С другой стороны, постклассическая образовательная парадигма рассматривает игру как непременную составляющую любого образовательного акта. Именно игра способствует решению главной цели образования: совместной выработке знания. Игра в ее постклассической трактовке – это постоянное расширение поля игры (выход за наличное бытие), определение границ и правил и одновременное их преодоление, уникальность и неповторимость ситуаций, а также веселость, ирония, скепсис. Игровая составляющая образования определяет его динамичность, импровизационность, полемичность, состязательность и т.д. Разные игровые формы (игра-подражание, игра-состязание, игра-случай, игра-головокружение) дают опыт аутентичной игры – игры самоопределения и самоотдачи.

Определяя ситуацию в современной культуре как антропологическую катастрофу (М. К. Мамардашвили), спекуляцию на понижение (М. Шеллер), все исследователи сходятся в одном: фрагментарный человек «вне игры» всегда представляет собой предметное поле социальных технологий. В игре человек распрямляется, поскольку приобретает опыт творчества, опыт быть другим, опыт свободного поиска. Игра – всегда поиск своего соответствия свободе.

Подведем итоги. В начале XXI столетия опять перед нами многомерная, сложная, нелинейная природа человека. И опять мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, человек есть «мыслящий тростник», с другой – своеобразный центр Вселенной. Осмысление онтологических и экзистенциальных проблем свидетельствует не только о зрелости человека, но и позволяет ему лучше понять и критично оценить людей, увидеть перспективы и наметить пути духовного совершенствования. Опыт постклассического философского анализа дает возможность нового взгляда на образовательный потенциал свободной игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1986. – 238 с.
2. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия / Э. Финк // Проблема человека в западной философии / под общ. ред. Ю. Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – С. 357-402.
3. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга ; пер. с голландск., под. общ. ред. Г. М. Тавризян. – М. : Прогресс, 1992. – 464 с.

Поступила в редакцию 15.01.2014 г.

ONTOLOGICAL AND EXISTENTIAL PROBLEMS OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Gilmutdinova N. A.

The ontological basis of human being and its expression in such existential spheres as freedom and game have been problematized. A comparative analysis of classic and post-classic educational paradigms which realize the corresponding philosophically-anthropological principles has been presented.

Key words: existence, anthropology, education, educational paradigm, freedom, game.

Гильмутдинова Нина Амировна

Кандидат философских наук, доцент

Ульяновский государственный технический университет.

Gilmutdinova Nina Amirovna

Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Ulyanovsk State Technical University.

E-mail: philos@ulstu.ru.

УДК 168.522'23/28.001.1

ПРАВОСЛАВИЕ В ДИАЛОГЕ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ (КОНЦЕПТОСФЕРА)

© 2016. А. Е. Отина

Тема принятия православия и роли крещения Руси для отечественной культуры является одной из корневых, концептуальных, неисчерпаемых тем российской, общеславянской и мировой культурологической науки. Особенно она актуальна сегодня, когда возникают чудовищные, смехотворные, но зловещие попытки искажения исторической правды.

Православная концептосфера существенно отличается от католической или протестантской. В качестве культуротворящих для нее являются мегаконцепты соборности, любви, сострадания, жалости, лада, смирения, гордости (антиконцепт – гордыня).

Православие – необычайный дар для отечественной культуры, ведь именно оно придало новый одухотворенный смысл слову в соизмеримости его со Словом.

Ключевые слова: православие, концепт, соборность, лад, сострадание, любовь, жалость, грех.

В IX веке славяне Руси осуществили свой цивилизационный выбор. Для наших предков это время стало сакральным, ведь главным приобретением из всех византийских традиций, смыслов и влияний для них оказалось обретение православия, православной духовности, вхождение в православный мир и дальнейшее созидание его. Вышеназванному священному хронотопу посвящены глубочайшие исследования Павла Флоренского, Сергея Аверинцева, Дмитрия Лихачева и многих других серьезных учёных. Тема принятия нами православия и роли крещения Руси для отечественной культуры является одной из корневых, концептуальных, многогранных и неисчерпаемых тем российской, общеславянской и мировой культурологической науки. Особенно она актуальна сегодня, когда возникают чудовищные, смехотворные, но зловещие попытки искажения исторической правды.

Целью данной работы является исследование особенностей православия среди других христианских конфессий. Речь идет о католицизме и оппозиционном ему протестантизме, самом молодом христианском вероучении.

Как официальная религия католицизм утверждается в IV – V ст. в результате распада Римской империи на две части, западную и восточную, когда возникают два цивилизационных образца, два типа христианской культуры – католицизм (Запад) и православие (Восток: Византия). Различная инкультурация, разные архетипы, неодинаковые психотипы, субъектов христианских культур.

Можно утверждать, что классическим временем для католической культуры является Средневековье, когда были сформированы идеалы, ценности, теологические идеи и концепции, каноны искусства.

Католицизм является исключительно иерархичной религиозной системой. Ощущение ничтожности человеческой личности обусловлено тем, что одной из центральных библейских идей для католиков оказалась идея первородного греха. Ослушавшись Бога, наши прародители низвели нас в тварное состояние, когда человек понимает, что такое добро и зло, но уже в падшем мире. Только что родившийся ребенок уже несёт на себе печать первородного греха. Путь человека – освобождение от него. Все семь знаменитых грехов обнажают превышение меры: похоть, чревоугодие, пьянство, праздность, алчность, гнев и гордыня. Первые три из них телесны,

четвертый пограничный, три последних относятся к искажениям характера. Католицизм антителесен в своей сущности, что не будет побеждено и в эпоху Возрождения вместе с её культом античной красоты тела. В древнерусской православной культуре слово смирение писалось через **Ѣ** и читалось в этом лексическом концепте как смерение. Затем произойдет слияние двух важных православных концептов – «мера» и «мир», и языку явится новый – «смирение». Смиранный человек – это тот, кто знает меру в отношении с миром. То есть ты можешь есть, иначе не будешь существовать, но не угождай своему чреву, немного на праздник выпей вина, но не превышай меры допустимого для человеческого облика, вступаешь в семейные отношения, основа их – любовь и сострадание, сорадование и сорадничество. Не праздность, а трудолюбие, не алчность, а щедрость и сочувствие, не гордыня, а смирение, не гнев, а прощение становятся составляющими православного типа личности – человека соборного, ориентированного на сосуществование с другими собратьями в православном мире. На первом месте здесь не подчинение, как в католицизме, а смирение, т.е. радостная готовность приобщения к единому общему смыслу в вере и добре.

В книге «Мир русской деревни», посвященной православному крестьянскому сообществу, М. М. Громько пишет: «Повсеместно проявлялось гостеприимство к чужим людям, попросившим крова, в том числе и нищим. Просто удивительно, какое большое количество упоминаний о распространении милосердия, милостыни, гостеприимства у русских крестьян всей территории России встречается в документах XVIII-XIX веков» [1, с. 87]. Гостеприимство безусловно является чертой российского быта, русским культурным концептом, который напрямую связан с другими тремя: милосердием, сорадованием и сопричастностью миру. И все они яркие проявления соборности. Один из крупнейших специалистов в области языковой картины мира А. Д. Шмелёв замечает: «Любопытно, что и «соборность», часто признаваемая одним из самых своеобразных понятий, выработанных русской культурой, выражается словом, которое было образовано для передачи важного общехристианского понятия: *соборный* – это просто перевод греческого *Katholikos*. Будучи лингвоспецифическими по форме, ... слова *соборный* и *соборность* выражают концепт, который нередко воспринимается как специфически русский, и слово *соборность* в русских текстах часто даже принимает определение *русская* или *российская*: русский «коллективизм» и русская «соборность» почитались великим преимуществом русского народа, возносящим его над народами Европы (Николай Бердяев); ... идея личности, вроде бы западная, показана у Бахтина на творчестве русского писателя Достоевского, а идея *соборности*, вроде бы русская – на творчестве западного писателя Рабле (Сергей Аверинцев)» [2, с. 403].

Буквальный перевод слова *католическая* (католическая церковь), т.о. – соборная. Однако, по существу, концептуальное значение понятие соборности обрело не в католицизме, а в православии, проникло не в западноевропейскую языковую и в целом общекультурную картину мира, а в русский мир и все, что с ним связано.

Старинный *собор* как совещательное соголосование и согласование есть ничто иное как созидательное общение. Пусть и модернизируясь, из него вырастает современное светское *соборание*, цель которого – решение коллективных (всеобщих, насущных, важных для каждого его члена) вопросов. Неравнодушие, содействие, сопричастность – корневые характеристики истинных *собора* и *соборания*, как религиозного, так и светского социального, ведь их субъектом обязательно является сообщество людей. А сообщество коренным образом отличается от стаи, от стайности. В его основе диалог личностей, а не животное подчинение силе, поиск истины и

согласие с ней, послушание совместно выстраданной правде, а не природным правилам естественного отбора.

Мегаконцепт соборности порождает множественные важнейшие, специфически ментально окрашенные концепты русской культуры: особую, неповторимую для других народов коллективную память, сострадание и жалость.

Понятие «порядок», безусловно, является порождением и свойством общечеловеческой культурной практики и культурной памяти. Это древнегреческий космос, и упорядоченность римского права, и конфуцианская государственная структура, и католическая иерархия, и ежедневность протестантского быта. Однако православная русская соборность придала «порядку» значение «лада». «Быть в ладу с самим собой» здесь означает в ладу с правдой, телом, духом, с «другим» и «другими», т.е. с миром.

Человек, находящийся в ладу с собою, способен избежать такого греха, как отчаяние (смертный грех), ведь ему известно, в нем прочувствовано, что не только он в ладу с миром, но и мир в ладу с ним, обращен к нему. Православный силен не столько воинственной жесткой силой, а величайшей силой любви, понимая, что именно это чувство и есть жизнь, и есть путь к возрождению. Поэтому праздник Пасхи является для нас одним из самых светлых, радостных, юных, в каком бы возрасте мы не пребывали.

Еще одним бесценным концептом православной культуры является сострадание. И, видимо, не столько страдание очищает душу (само по себе оно способно привести и к гибели личности), а сострадание. Сочувствуя, сострадая другому, человек перестает углубляться в бездну собственной боли, ощущая беды ближнего, собрата, подобного себе. Способность к состраданию – признак человечности, то, что Он заложил в нас и ожидает в нас увидеть так же, как и желание сорадоваться.

Человеку свойственно ощущать свою боль, обиды, жалеть себя. Жалеть другого не так просто. Это труд души, ее талант, в целом, признак ее наличия. Не зря в русской речи слова «любить» и «жалеть» употребляются как синонимы. Вопреки стереотипному восприятию жалость (т.е. сопричастное, сострадательное движение души и развитие духа) не способна унижить или обидеть личность, так как невозможно оскорбить любовью. И если на искренние слова: «я жалею тебя» кто-то обижается, то скорее всего этого человека обманула гордыня.

Любовь для православного – прежде всего служение, самоотречение, сорадование, сочувствие, сопричастность, как миру, так и какому-либо конкретному человеку. Об этом прекрасно писал Пушкин: «На холмах Грузии лежит ночная мгла; Шумит Арагва предо мною. Мне грустно и легко, печаль моя светла. Печаль моя полна тобою». Предельная наполненность «я» «другим», радость за него пусть даже в пространстве личной боли – это любовь: «Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим». Самоотречение и сорадование сливаются в этих строчках в предельной концентрации любви и разрастаются до вселенских масштабов. Высота духа и глубина чувства несовместимы с безднами эгоизма. Первое всегда правда, второе – обязательная ложь.

Говоря о сути символа, А. В. Пустовит отмечает: «Вообще символ тем содержательнее, чем более он многозначен. Сама структура символа направлена на то, чтобы дать через каждое частное явление целостный образ мира» [3, с. 403]. Можно много спорить о разнице между символом и концептом и о том, что из них первично. Символы порождают новые концепты, а концепты новые символы. Иногда они помогают друг другу в разграничении понятий. На наш взгляд, в отечественной православной, а затем и светской культуре так случилось с восприятием концептосфер «гордости» и «гордыни».

Гордыня для русского православного человека, как и для любого христианина – не случайно смертный грех. Это нечто чрезмерное, уводящее от истины, эгоистичное, узкое, ложное, лживое – тупиковый путь. Гордость сопряжена с мерой, нормой, достоинством и, главное, способностью воспринимать и переживать правду, какой бы болезненной она не была. Гордыня – слабость и извращение характера. Гордость – сила и работа духа. Это не только самоуважение, но и естественная потребность и привычка уважать другого. Это желание диалога: объяснить, понять, достичь согласия, сохранить совместное достоинство. Гордыня приводит к отречению и предательству. Гордость включает в себя терпение, любовь и волю. Нельзя испытывать гордыню за другого, гордиться другим можно.

Спутники гордыни – лесть и гнев, обидчивость и месть. Соратники гордости – спокойствие и мера, достоинство и разум.

В данной статье мы лишь коснулись некоторых смысловых волн огромного и непостижимого океана символов, знаков, понятий, значений концептосферы отечественной культуры, которые в нее привнесло и продолжает дарить ей православие. Неисчерпаемость самой этой темы завораживает, как увлекает само слово, и как всегда будет побуждать трудиться человека Слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громыко М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 446 с.
2. Шмелёв А. Д. Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные / А. Д. Шмелёв, А. Зализняк, И. Б. Левантова // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
3. Пустовит А. В. Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра: Учеб. пособ. / А. В. Пустовит. – К. : МАУП, 2006. – 680 с.

Поступила в редакцию 18.01.2016 г.

ORTHODOX CHRISTIANITY IN THE DIALOGUE OF CHRISTIAN CONFESSIONS (CONCEPTS)

Otina A. Ye.

The article tackles the unique nature of Orthodox Christianity in the dialogue of the main Christian confessions: Orthodoxy, Catholicism and Protestantism. The analysis made by the author is based on the main components of Orthodox sphere of concepts — special mental links of our culture.

Key words: Orthodoxy, concept, conciliarity, compassion, love, sin, sorrow, harmony.

Оттина Анна Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент
Донецкий национальный технический университет.

Otina Anna Yevgenyevna

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National Technical University.

E-mail: socpol.sgi@donntu.org/

УДК 130.1:159.923.2

ГЛОБАЛЬНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ В КОНТЕКСТІ КЛАСИЧНОГО ПСИХОАНАЛІЗУ

© 2016. В. Л. Філіппов

У процесі дослідження питань глобалізації та тих змін, що відбуваються в особистості, необхідно звернутися до теорії психоаналізу, що виникла наприкінці XIX – на початку XX ст. З. Фрейд здійснив прорив у ту сферу, у якій філософія ще не позначала себе, тобто в позасвідоме. Він визначає тривірневу структуру психіки, у якій одна частина не ізольована від іншої. Методологія З. Фрейда поширюється на сферу культури, де виявляє себе «Я-ідеал» або «над-я». Культура являє собою не сферу духа, а сферу обмеження. К. Юнг виступає опонентом З. Фрейда в проблемах індивідуальної або колективної сфери позасвідомого. За К. Юнгом, «его» – той простір, у якому особистість усвідомлює себе як «я» та формує навколо себе світ. Головним універсальним архетипом стає «самість», яка є самореалізацією особистості. Учений доходить висновку, що за допомогою колективного позасвідомого можна пояснити фундаментальні соціальні процеси. Але масовість процесу не забезпечує його моральності та не сприяє отриманню особистістю внутрішньої свободи. У подальшому психоаналітичні концепції ускладнюються, що сприяє появі нових теорій.

Ключові слова: культура, глобалізація, соціум, психоаналіз, структура психіки, особистість, свідомість.

Дослідження процесів глобалізації з позиції психоаналізу на перший погляд може видатися дивним. Однак лише на перший погляд, оскільки глибинні механізми таких складних соціальних контекстів, яким є глобалізація, можуть бути досліджені суто специфічним методом. До подібних ми відносимо психоаналітичну теорію.

Мета пропонованої статті — на основі порівняльного аналізу концепцій психоаналізу З. Фрейда та К. Юнга розглянути питання щодо глобальних трансформацій особистості.

Спочатку про психоаналіз як один з найбільш фундаментальних напрямів кінця XIX й у цілому XX століть, що здійснив своєрідний коперніканський переворот у мисленневих просторах соціуму. У своєму класичному прояві, що має відношення до концепції Зигмунда Фрейда, психоаналіз здійснив прорив у ту сферу, у якій філософія ще практично не позначала себе. Ми маємо на увазі сферу позасвідомого, яке так або так опинялося поза полем зору найбільш потужних філософських концепцій (ми маємо на увазі при цьому класичну філософію від Арістотеля до Гегеля). В основі класичної філософії завжди знаходилася свідомість як раціональне начало. І, власне, сутність філософії, так само як і антропна сутність, завжди зводилася до раціо. Тут доречно згадати і «тростину, яка мислить» Паскаля, і «когіто» Декарта, і, врешті-решт, чистий і практичний розум Канта, де людина так або так виступала істотою, що володіє раціональною свідомістю й відтак можливістю рефлексії.

Фрейд здійснив унікальне відкриття, позначаючи суто топічно у своїх ранніх працях деяку сферу, у якій реалізують, проявляють себе й знаходяться під свідомістю й раціо деякі «демони роду», деякі стародавні основи, що притаманні антропній істоті як такий, але далеко не завжди проявляють себе в її свідомій сфері. «...залишається правильним, що все витіснене позасвідомо, але не все позасвідоме є витіснене. Навіть частина Я (один бог відає, наскільки важлива частина) може бути позасвідомою й поза всяким сумнівом і є такою» [1, с. 845]. Якщо перша топографія позасвідомого окреслена Фрейдом у ранніх працях, то вже в 20-х роках Фрейд вибудовує, нині

класичну, структуру психіки. Ця структура психіки трирівнева і, тим не менш, утворює деяке єдине ціле. Ми маємо на увазі відому формулу «воно», за Фрейдом – «ід», «я» – за Фрейдом «его», і – «над-я» – за Фрейдом «супер-его». Характеризуючи цю трирівневу формулу, яка утворює відому цілісність, треба відзначити, що Фрейд не ізолює розділи цієї психічної цілісності один від одного. Хоча вирішальну або фундаментальну арку в цій конструкції мають «воно» і «над-я». «Я» ж знаходиться посередині, виконуючи функції посередника між двома безоднями і, тим самим, опиняючись увесь час у ситуації стиснутості між цими двома протилежними безоднями. Звідси у Фрейда виникає відомий феномен нещасної свідомості, дуже часто згодом обігруваний у різноманітних філософських концепціях і течіях 20-го століття. «Як вершнику, якщо він не хоче розстатися з конем, часто залишається тільки вести його туди, куди йому хочеться, так і Я перетворює звичайно волю ВОНО в дію, начебто це було його власною волею» [1, с. 850]. Сутність нещасної свідомості полягає в тому, що «я», тобто, власне кажучи, центральна вісь особистості й особистісної психіки, увесь час змушене маневрувати між стародавніми родовими інстинктами та нормами й цінностями, що накладаються на це саме «я» соціокультурою. Прикметно у зв'язку з цим відзначити, що Фрейд, який починав у психотерапевтичній практиці з лікування неврозів та розшифрування сновидінь і тим самим постулював для себе проблему індивідуальної психіки й неврозу, доходить значно більш широких висновків, оскільки його методологія починає поширюватися на сферу самої культури. «...Я-ідеал має найтісніший зв'язок із філогенетичним надбанням, архаїчною спадщиною індивідуума. Те, що в індивідуальному душевному житті належало найглибшим шарам, стає завдяки утворенню Я-ідеалу з найвищим у сенсі наших оцінок надбанням людської душі» [1, с. 860].

Мається на увазі таке. Культура, якраз, і є сфера «Я-ідеалу» або «над-я», тобто та сфера, у якій виникають табу й заборони, що обмежують можливість «я» і спонукають його підкорятися. Тобто культура постає не сферою духу, як раніше завжди було прийнято вважати, а сферою обмеження, яка протидіє фрейдівському «воно» і тим самим, у свою чергу, здавлює «я» між двох полярних начал.

Фрейдівське розуміння культури в плані сфери табу є принциповим і в наступних філософських течіях, які будуть продовжувати його класичну концепцію. Справа полягає в тому, що Фрейд, акцентуючи особистісну проблему психічного, не дуже цікавиться проблемами соціальної психології в її теперішньому розумінні. Соціум у нього не функціонує як самостійна одиниця й цікавить його тільки з точки зору деякої взаємодії індивідуальних «я».

Звідси не випадкове те, що Фрейда багато послідовників, так само як і опоненти, звинувачували в біологізаторських або фізіологізаторських інтерпретаціях людини і, загалом-то, у деякому достатньо байдутому ставленні до проблем соціальної психології.

Цілком інша ситуація виникає у спочатку послідовника Фрейда, а потім же його глибокого опонента, – Карла Юнга. Тут слід відмітити, що Юнг є фігурою у психоаналізі ні в якому разі не менш значущою, ніж Фрейд. Більше того, якщо Фрейду належить честь відкриття нової гігантської сфери, тобто – позасвідомого, то Юнгу належить честь відкриття не менш фундаментального феномена, а саме – колективного позасвідомого, яке в нього веде за собою побудову класичної теорії «архетипів». Про це, стосовно до нашої проблеми глобалізації, слід сказати значно більш докладно.

К. Юнг – творець аналітичної психології, природно, розійдеться з Фрейдом не тільки щодо проблем індивідуальної або колективної сфери позасвідомого. Структура

особистості, за Юнгом, теж буде мати інші виміри, ніж у Фрейда, хоча, в деякому роді, буде йому близькою. Особистість, за Юнгом, буде включати три складові частини, до яких буде відноситися «єго», особисте позасвідоме й колективне позасвідоме. Ось що пише з цього приводу Юнг: «...ми повинні розрізняти особисте позасвідоме й не- або надособисте позасвідоме. Останнє ми позначимо як колективне позасвідоме – саме тому, що воно окремо від особистого і є абсолютно всезагальним, і тому, що його змісти можуть бути віднайдені усюди, чого якраз не можна сказати про особистісні змісти» [2, с. 72]. Таким чином на «єго», за Юнгом, тиснуть два пласти, які це саме «єго» змушені собі підкоряти. Це особисте позасвідоме, тобто ось ті самі «родові демони» Фрейда й колективне позасвідоме, яке має значно більшу «масу». Це цілий масив найрізноманітніших, кількісно вже представлених проявлень соціуму, які роздавляють одиничне «єго». І ось у Юнга «єго» – це те, де особистість усвідомлює себе як «я» і концентрує навколо себе весь соціум, що її оточує, тобто, практично, юнгівське «єго» – це точка, у яку може ринути світ і яка формує та концентрується навколо цього самого світу.

Що стосується особистого позасвідомого, тут Юнг близький до Фрейда. Це деякі витіснені бажання, підсвідомі мотивації, деякі родові сутності, які зачинені до певного моменту, але можуть благополучно витіснивши «я», вийти назовні. І, нарешті, колективне позасвідоме – це те, що робить людину членом роду. Колективне позасвідоме «...виявляє прихований скарб, з якого завжди черпало людство, з якого воно видобувало своїх богів і демонів, і всі ті найсильніші і наймогутніші ідеї, без яких людина припиняє бути людиною» [2, с. 73]. Цікаво, що особисте позасвідоме, на думку Юнга, унікальне, як і «єго», колективне позасвідоме – універсальне. Тобто колективне позасвідоме – це те, що об'єднує всіх людей у якості роду. Цього у Фрейда не було і в Юнга виразно з'являється. Більше того, з, саме, колективного, за Юнгом, у нього й витікає теорія архетипу. Тут слід розібратися.

У Юнга архетип проявляється тоді, «коли відтворюються фантазії, уже не засновані на особистих спогадах, мова йде про маніфестації більш глибокого шару позасвідомого, де дрімають загальнолюдські, відпочаткові образи» [2, с. 73]. Юнгівський архетип – це загальнолюдська, універсальна модель сприйняття. Ми можемо висловитися й по-іншому. Це деякий модус, це деякий, свого роду, «викрій», відповідно до якого людина взаємодіє із зовнішнім середовищем. За Юнгом, усі люди в цьому плані однакові, і тому він виводить класифікацію архетипів. Серед них, наприклад, архетип немовляти, архетип матері, архетип бога тощо. У Юнга принципове значення мають чотири архетипи. Це архетип персони або маски – те, чим є ця особистість у соціумі, її публічний вигляд, її публічний імідж, те, чим вона позначає себе серед подібних собі. Другий архетип, за Юнгом, універсального характеру – це тінь. Тінь – це те, що ми соромимося показувати один одному. Це ті негативні, непристойні й подібні тому почуття та потяги, які нас змушують приховувати культура й соціум, це те, що живе в нас, те, що витіснене на рівні персони або маски. Третій знаменитий архетип Юнга – це «аніма» й «анімус», бісексуальне в людині. До речі, підкреслимо, що бісексуальність людини була відома ще в Давній Греції. І саме от завдяки цій бісексуальності, яка прихована й не розкривається, як правило, людина ніби шукає собі другу половину. Тобто в нас є архетипічне відчуття особи протилежної статі, яка може нам підійти. Теж універсальний архетип. Але головний універсальний архетип, за Юнгом, – це «самість». Це ідеал, до якого прагне людина і якого вона дуже рідко досягає. Самість – це самореалізація особистості в її повному обсязі, практично ідеальний архетип, який, на думку вченого, скоріш за все має характер повинності.

Ось тепер, коли ми окреслили основну архетипіку Юнга, ми можемо звернутися до цілої низки позицій, які, у виконанні Юнга, виявилися глибоко пророчими. Як відомо, Юнг пережив дві світові війни і друга світова війна справила на нього найбільш нищівну дію. У перші ж повоєнні роки він пише свою невелику, але таку, що стала класичною, працю «Психологія нацизму». У ній Юнг вдається до дуже цікавої системи самовикладу й цитує власні позиції та положення, які були ним висловлені ще в довоєнні роки. Парадоксально, але факт, та обставина, що висловлене Юнгом з приводу психології нацизму і з приводу архетипіки нацизму в ті самі перші повоєнні роки, має ще більшу актуальність саме сьогодні, коли ми стикаємось із ситуацією сучасного світу, сучасного соціуму і тих конфліктів, які цей світ і соціум стрясають. У «Психології нацизму» Юнг пише: «Вміст колективного позасвідомого, представлений архетипами, які наявні в будь-якому масовому феномені, завжди біполярний, володіючи і позитивними, і негативними аспектами. Кожне проявлення архетипу робить ситуацію критичною, адже передбачити її розвиток не можливо. Усе, як правило, визначається реакцією свідомості. Колективний прояв архетипів завжди небезпечний, адже це, часто, призводить до виникнення масових рухів. Катастрофи можна уникнути лише в тому випадку, коли дія архетипу перехоплюється й асимілюється вагомою більшістю окремих особистостей, здатних здійснити відчутний вплив на оточення» [3].

Прочитавши цей вислів Юнга, ми змушені підкреслити, що в Юнга саме колективне позасвідоме визначає як кращі, так і гірші прояви людства. А звідси слідує й такий висновок, що за допомогою колективного позасвідомого можуть бути пояснені основні, найбільш фундаментальні процеси, що відбуваються в суспільстві. Причому незалежно від того, яка оцінка цих процесів – позитивна чи негативна. У цій праці про психологію нацизму Юнг пише й таке: «Добре відомо, що моральність суспільства в цілому знаходиться у зворотній залежності від його численності. Чим колосальніше скупчення особистостей, тим більший нівеліровці піддаються індивідуальні чинники, а разом з ними – й моральність, яка цілковито залежить від морального почуття окремої особистості й від свободи, необхідної для його прояву» [3].

Тут також слід зробити невеликий коментар. Масовидність свідомості, яка виявляє себе в соціально-психологічних ситуаціях, зовсім не є перевагою цієї самої ситуації. Особистість тому й особистість, що вона не є продукт натовпу. Особистість – це її самість і вміння позначити цю свою самість у будь-якому контексті і в будь-якому кількісному та якісному оточенні. Юнг якраз і говорить про те, що чим масовидніше той або той процес, що охоплює соціальні групи, тим менше шансів, що цей процес виявляє моральність і дозволяє особистості здобути внутрішню свободу. Ця думка, звичайно, була актуальною при характеристиці психології нацизму, але вона не менш актуальна в ситуації кінця 20-го й початку 21-го століття, і зокрема в ситуації глобалізації.

Сам термін *глобалізація* означає масовидність, деякий об'єм і масштаб, у який втягуються мільйони, якщо не мільярди людей. Це означає, що в будь-якому разі колективне позасвідоме, як би ретельно воно не було відшліфоване економічними, політичними, соціокультурними та іншими проектами, буде домінувати. І це також означає, що в цьому великому масовидному потоці окрема особистість неминуче буде нівельована. Це має на увазі Юнг, характеризуючи вже відомий період, але це слід мати на увазі й нам, говорячи про ситуацію сьогоднішнього, а далеко не повоєнного періоду. Так, наприклад, уже наш сучасник Бодрійар, роздумуючи про руйнівний вплив маси на особистість, пише: «Полярності одного й другого в масі більше немає. Саме цим

створюються дана пустота й руйнівна міць, яку маса випробовує на всіх системах, які живуть розходженням і різницею полюсів... Саме цим визначається те, що тут неможливий обмін смислами – вони відразу розсіюються... Саме через цю причину в масі не можливе також і відчуження – тут більше не існує ні один, ні другий» [4, с. 189].

Повертаючись знову ж таки до проблеми архетипу, і взагалі до проблеми психоаналізу як такого, слід уточнити ще низку позицій. У першу чергу те, що ще у Фрейда був знаменитий принцип реальності. Як відомо, таких принципів було два – принцип задоволення і принцип реальності. Принцип задоволення – це підсвідоме прагнення людини до все більшої насолоди від речей, ситуацій, бажань тощо, якщо вони задоволені. Принцип реальності означав не що інше, як деяку корекцію, а точніше кореляцію, між особистістю й навколишнім світом. Іншими словами, людина змушена була пристосовуватися до реальності. «Я намагається також сприяти впливу зовнішнього світу на ВОНО й здійсненню тенденцій цього світу, ... прагне замінити принцип задоволення, який безроздільно панує у ВОНО, принципом реальності... Я уособлює те, що можна назвати розумом і розсудливістю, на протигагу до ВОНО, яке містить пристрасті» [1, с. 849–850].

Слід зазначити, що реальність змінює свою структуру, вона стає все більш багатшаровою в сьогоденній ситуації. Коли ми вже доходимо до ситуації віртуальної реальності, то значно більш цікаво й значно більш складно виглядає й фрейдівський принцип реальності. Що ми маємо на увазі під реальністю. І згаданий уже раніше *homo virtus* – це суб'єкт, який і принцип реальності не може виконати хоча б тому, що не відомо, у реальності якого порядку він знаходиться. Це має пряме відношення до проблеми переваг та недоліків постінформаційного суспільства, у якому ми знаходимося і завдяки якому й виникла проблема глобалізації, а точніше вже не проблема, а феномен глобалізації.

Повертаючись до класичного психоаналізу, адже і Фрейд, і Юнг відносяться до нього, ми змушені зазначити, що в подальшому своєму розвитку психоаналітичні концепції ускладнювалися, модифікувалися, ставали більш витонченими. Так, наприклад, виник герменевтичний психоаналіз, представлений П. Рікером; пізніше виникає шизоаналіз, основоположником якого є Ж. Лакан, але про це – пізніше.

Ми, однак, маємо на увазі інше, що всі найбільш значні філософські концепції 20-го століття так або так взаємодіяли з психоаналітичною парадигмою, поділяючи цю парадигму або різко заперечуючи її. Наприклад, ряд філософів взагалі вважали, що психоаналіз є чистим шарлатанством, інші були переконані, що психоаналіз – єдине надбання філософії 20-го століття. За всієї полярності цих суджень, психоаналіз давав реальний інструментарій для соціальної аналітики. Без психоаналізу уявити її сьогодні практично неможливо.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Фрейд, З. Я и ОНО [Текст] / З. Фрейд. — М. — Х. : Эксмо ; Фолио, 2004. — 864 с.
2. Юнг, К. Г. Психология бессознательного [Текст] / К. Г. Юнг. — М. : Канон, 1998. — 320 с.
3. Юнг, К. Психология нацизма [Текст] / К. Юнг // Душа и миф. Шесть архетипов. — Минск : Харвест, 2004. — С. 359—398.
4. Ясперс, К. Призрак толпы [Текст] / К. Ясперс, Ж. Бодрийар. — М. : Алгоритм, 2008. — 272 с.

Поступила в редакцию 11.02.2014 г.

**GLOBAL TRANSFORMATIONS OF PERSONALITY
IN THE CONTEXT OF CLASSICAL PSYCHO-ANALYSIS**

Filippov V. L.

The author studies the psycho-analytical theory with reference to its role in the globalization process. A special attention is paid to the analysis of personality structure types, which are offered in the philosophical concepts of Z. Freyd and K. Yung, in the context of their influence on social analytics of the XXth century.

Keywords: culture, globalization, socium, psycho-analysis, structure of psyche, personality, consciousness.

Филлипов Валерий Леонидович.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Луганская государственная академия культуры и искусств.

Fillipov Valerij Lejnidovich

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Lugansk State Academy of Culture and Arts

e-mail: lugiki@ua.fm

Правила оформления статей в журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, филологии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подается в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объем рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (terkulov@rambler.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

- **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

- Через строчку: копирайт ©, год, инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа.

- Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (3-5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

- Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

- **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

- Далее приводится текст на английском языке (10 кегль) :
 - название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
 - аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

- В конце статьи обязательно указываются (10 кегль, полужирный, выравнивание по ширине) следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); должность; адрес электронной почты каждого автора.

Образец:

Петров Александр Владимирович.

Доктор филологических наук, профессор.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики.

E-mail: liza_nada@mail.ru

Petrov Alexandr Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor

Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department

E-mail: liza_nada@mail.ru

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 541, 542).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Виталевич**, канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР
Донецкий национальный университет

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2016. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: Н.А. Ярошенко, М.В. Фоменко

Свидетельство о государственной регистрации № 363 от 18.01.2016 г.

Подписано в печать 29.04.2016 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 15,9
Тираж 100 экз. Заказ № 16-Май88

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.